

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
КИТАЙСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ**

МАТЕРИАЛЫ VII ВСЕРОССИЙСКОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ
ПО КИТАЙСКОМУ ЯЗЫКОЗНАНИЮ

(Москва, 28–29 июня 1994 г.)

Москва 1995

А.Н.Алексахин
(Москва)

ТИПОЛОГИЯ ФОНОЛОГИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ
СОВРЕМЕННОГО КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА
ПУТУНХУА И КИТАЙСКИХ ДИАЛЕКТОВ
(на материале пекинского, шанхайского
и мэйсяньского диалектов)

Изучение «живых» фонетических систем китайских диалектов является одной из задач типологического исследования фонетико-фонологической системы китайского языка. Построение типологической теории фонологической системы китайских диалектов, вероятно, возможно на основе сравнения сильноконтрастных современных фонетических систем китайских диалектов. Эвристическая ценность типологической теории в том, что она предполагает объяснение того, «почему это существует». И это объяснение достигается без невольного привнесения категорий и правил, выведенных на материале языков иной типологии.

Основой фонетической системы любого языка является согласно-гласная (СГ) коартикуляция, реализующая фонологические оппозиции данной фонологической системы, а потому определяемая как ядерная, или производящая. Согласно-гласная производящая оппозиция, генетически базируясь на системообразующих свойствах левого и правого членов С-Г коартикуляции, задаваемых родовыми (видовыми) параметрами артикуляционно-акустического пространства речевого аппарата человека (таким энергетическим пространством выступает раствор челюстного угла, по закону симметрии структурированный на левую и правую подсистемы относительно нулевого своего состояния $-1 < 0 < +1$ [Алексахин 1987; 1990]), исторически характеризуется системоприобретенными свойствами согласных и гласных фонем данной фонетической системы, проявляясь наиболее рельефно в особенностях слоговой коартикуляции в звуковых цепочках слов данного языка. Поэтому в слоговой С-Г коартикуляции данной фонетической системы может функционально значимо

проявиться только то, что задано системоприобретенными свойствами фонем соответствующей фонологической системы. Системоприобретенные свойства речевых звуков, фонем, исторически познаются прежде всего изнутри данной системы и характеризуются типологически. Вот почему так важно изучать китайскую фонетическую систему изнутри, типологически. В нашем случае это означает изучение контрастных фонетических систем пекинского (ПД), шанхайского (ШД) и мэйсяньского (МД) диалектов (контрастных настолько, что взаимное общение без посреднической фонетической системы между носителями этих диалектов невозможно), синхронные состояния которых отражают многовековую эволюцию китайской фонетической системы.

Вместе с тем, сравнение типологических характеристик китайской фонетической системы, адекватно определенных изнутри, с фонетическими характеристиками языка иной типологии (например, русского) позволяет углубить представление о системообразующих универсальных свойствах основных категорий звуков речи – согласных и гласных, определив первые как нечетные (левые) смычки, а вторые – как четные (правые) смычки. Правая смычка (гласные) осуществляется чередованием смычки и раствора голосовых связок. Сравнение же гласных русского и китайского языков* показывает, что типологической особенностью китайских гласных является их дифференциация по признаку градуально структурированных тонопроизводящих масс четных смычек, т. е. эффективных масс голосовых связок. Аналогичные им сильные ударные в русском языке по этому признаку не различаются, они системонейтральны.

Анализ трехфазовости смычки с точки зрения универсального закона инерции показывает, что согласные, как и гласные, артикуляторно не могут производиться без третьей фазы артикуляционного движения – рекурсии. При различных случаях аккомодации артикуляций соседних согласных и гласных рекурсия предшествующего согласного может взаимодействовать с экскурсией последующего гласного, но рекурсия как составная часть артикуляционного движения не может исчезать. Допущение исчезаемости части артикуляционного движения противоречит закону о неуничтожаемости движения при всех процессах, происходящих в природе. Искусственное произнесение слов *суп*, *суд*, *сук* без размыкания смычки при артикуляции финальных согласных возможно благодаря акустической проницаемости стенок надсвязочных резонаторов и требует дополнительных затрат произносительной энергии именно на противоестественное осуществление третьей рекурсионной фазы смычных согласных в этих позициях и поэтому доказывает их невозможность или же стилизованность. Поэтому описание конечнослоговых звуков слогов отрывистых или входящих тонов в южнокитайских диалектах, в частности, в МД и ШД, как импловивных (лишенных третьей

рекурсионной фазы артикуляционного движения) согласных *-р*, *-т*, *-к* оказывается проблематичным и требует дополнительного рассмотрения, исходя из типологически существенных характеристик этих фонетических систем.

Фонетические характеристики (образование при вдохе, т. е. инспирация, создание в артикуляции эффективных тонопроизводящих масс соответствующих связочных укладов, укорачивание звучания слога) конечнослоговых звуков отрывистых (кратких) слогов в МД и ШД, а также фонологические характеристики этих звуков (участие в тоновых оппозициях в сериях и включенность в тоновые корреляции, формирование в отрывистых слогах сильной позиции тонально противопоставленных кратких звуков, перед которой на основе регрессивной ассимиляции происходит нейтрализация родственных тоновых оппозиций всех плавных (долгих) гласных и распадаются все тоновые корреляции плавных гласных вокализов МД и ШД) позволяют определить их как звукотип инспираторных узких гласных [Алексахин 1987, 1990].

Фонологические системы ПД, МД и ШД как типичных представителей китайских диалектов, в отличие от русского языка, используют градуально дифференцированные уклады голосовых связок для серийно-коррелятивного размножения язычнонижнечелюстных артикуляций гласных. Благодаря артикуляционной устойчивости сильных (связочнодифференцированных) гласных относительно сильной позиции четных гласных сформировались позиции левого и правого нечетов как позиции слабых гласных: чистых и носовых. Четность и нечетность гласных определяется по сонемно-слоговой позиционной матрице – 0123[21230]. Из-за различия системоприобретенных свойств членов ядерной производящей оппозиции С–Г нечетные слабые гласные в ПД реализуются в одной четырехпозиционной матрице односложной номемы (сонемы) 0123, а в МД в двух: 012 и 023. В ШД, члены С–Г производящей оппозиции которого познаются в сравнении с ПД и МД как переходные, нечетные слабые гласные реализуются и в сформировавшейся четырехпозиционной малопродуктивной матрице 0123, и в двух матрицах 012 и 023, из которых матрица 012 является продуктивной, а матрица 023 – малопродуктивной. Вокальная доминанта фонологических систем китайских диалектов демонстрируется универсальной формулой исчисления множества фонем разных языков:

ПД	–25... 1<: 0:<1... 31
МД	–33... 1<: 0:<1... 39
ШД	–41... 1<: 0:<1... 35
Русский язык	–35... 1<: 0:<1... 6

Размещение единиц слева и справа от нуля как символов ядерных оппозигов производящей С–Г оппозиции показывает,

что те и другие учитываются в фонологической системе по выдержке, отмечаемой слева в 25 гласных, а справа в 31 гласной в ПД и соответственно в 33 согласных и 39 гласных в МД, в 41 согласной и в 35 гласных в ШД, в 35 согласных и в 6 гласных в русском языке. Размещение единиц, связанных с нулем знаками изменения раствора челюстного угла, показывает также, что в артикуляционном пространстве от нуля до выдержки (от относительно индифферентного уклада до соответствующей выдержки) реализуются слабые гласные, определяемые по неполной артикуляционной программе и формирующие систему групповой тембровой различаемости нечетных слабых гласных. Слабые гласные, определяемые по слабым позициям левого и правого нечетов номемных (сонемных) матриц, объединены в тембровые оппозитивные серии и тембровые коррелятивные ряды и образуют систему из устойчивых групп гласных, или финалей (юньму). Серийно-коррелятивная интеграция слабых гласных на своем уровне воспроизводит аналогичные принципы структурной интеграции сильных гласных.

В этом проявлении структурного изоморфизма сильных и слабых гласных заключается единство китайского вокализма (в каждой из сравниваемых систем ПД, МД и ШД по-своему), который именно за счет как сильных, так и слабых гласных образует и различает большое количество сонем и номем.

К.В.Антонян
(Москва)

МОРФЕМА 到 *dao* В ПОСТПОЗИЦИИ К ГЛАГОЛУ: НЕПРЕРЫВНОСТЬ ПЕРЕХОДА ОТ ПРОСТРАНСТВЕННОГО ЗНАЧЕНИЯ К ВИДОВОМУ

Морфема 到 *dao* в современном китайском языке (СКЯ) употребляется и как самостоятельный глагол (СГ) со значением 'прибыть в, достигнуть', так и как дополнительный элемент (ДЭ) к глаголу. Употребления *dao* в качестве ДЭ неоднородны: в некоторых из них отчетливо ощущается его исходное значение 'достигнуть', ср. 他早已回到北京 *Ta zao yi hui-dao Beijing* 'Он уже давно вернулся в Пекин' (первый тип); 昨天我看书看到十二点 *Zuotian wo kan shu kan-dao 12 dian* 'Вчера я читал до двенадцати часов'. В других – *dao* фактически является элементом с чисто грамматическим (результативным) значением, ср. 这本书我已经买到了 *Zhe ben shu wo yijing mai-dao le* 'Эту книгу я уже купил'; 我说到一定做到 *Wo shuo-dao yiding zuo-dao* 'Если я сказал – обязательно сделаю' (второй тип).

В работах по грамматике существует два подхода к описанию послеглагольного *dao*. Один из них (представленный, напри-

мер, в словарях «*Xiandai hanyu ba bai ci*» и «*Dongci yongfa cidian*») состоит в том, что *dao* в постпозиции к глаголу рассматривается как 趋向补语 *quxiang buyu* – ДЭ со значением направления (или – в другой терминологии – как второй компонент результативной конструкции – РК). Другой подход [ср. Яхонтов 1957, 96–97] состоит в том, что *dao* лишь в употреблении второго типа рассматривается как второй компонент РК (в терминологии С. Е. Яхонтова – модификатор), а в употреблении первого типа *dao* рассматривается как послеглагольный предлог.

Первый подход представляется более адекватным, поскольку и в употреблении первого типа *dao* обладает свойствами второго компонента РК. В частности, и в употреблении первого типа глагол (Г) и *dao* образуют целостную грамматическую единицу (видовые показатели стоят после *dao*, ср. 昨天他回到了北京 *Zuotian ta hui-dao le Beijing* 'Вчера он вернулся в Пекин'), а между Г и *dao* могут быть инфиксированы морфемы 得/不 *de/bu*, в результате чего образуются т. н. формы потенциального наклонения (ФПН). ФПН от употреблений первого типа сравнительно редки, однако возможны, ср. 天黑前咱们赶得到县里我? *Tianhei qian zamen gan-de-dao xian-li ma?* 'Успеем ли мы до темноты вернуться в уезд?'; 这课快结束了, 估计上不到年底 *Zhe ke kuai jieshu le, guji shang-bu-dao niandi* 'Этот курс скоро завершится, не думаю, чтобы он продлился до конца года'.

В то же время ясно, что и второй подход отражает некоторую лингвистическую реальность. В употреблении первого типа существует именная группа (ИГ), обозначающая некоторую 'достигаемую точку', семантически и грамматически связанная с *dao*. В употреблении второго типа ИГ либо вообще отсутствует, либо она есть, но грамматически не связана с *dao* и не поддается интерпретации как 'достигаемая точка'.

Тезис, выдвигаемый в данной работе, состоит в том, что употребления первого и второго типов представляют собой звенья единой грамматикализационной цепочки: употребления первого типа – начальное звено (значение и функции *dao* практически не отличаются от значения и функций *dao* – СГ), употребления второго типа – конечное звено (морфема *dao* практически десемантизирована и не связана ни с какой именной группой). В СКЯ представлены также употребления, представляющие собой промежуточные звенья цепочки. По мере продвижения по звеньям цепочки постепенно ослабевают свойства, характерные для «предложных» (термин С. Е. Яхонтова), и усиливаются свойства, характерные для чисто видовых употреблений *dao*.

В таблице представлены различные типы употреблений *dao* в постпозиции к глаголу (по горизонтали) и характеризующие их признаки (по вертикали). Признаки иерархически упорядочены. Положительные значения признаков (1)–(3) свидетельствуют

о пространственном значении *dao*; положительные значения признаков (4)–(8) свидетельствуют об утрате *dao* своего исходного (пространственного) значения и приобретении им чисто грамматического статуса. Перечислим признаки.

1. Возможно или нет оформить сказуемое морфемами 来/去 *lai/qu*.

2. Является ли грамматически правильным и осмысленным сочетание *dao* + ИГ.

3. Возможно ли ввести в предложение обстоятельство, обозначающее исходный пункт движения (обстоятельство с предлогом 从 *cong* 'от').

4. Можно ли вынести ИГ в препозицию.

5. Может ли ИГ быть опущена.

6. Можно ли вынести ИГ в препозицию с предлогом 把 *ba*.

7. Характерна ли инфиксация 得/不 *de/bu*.

8. Является ли грамматически правильным и осмысленным сочетание Г + ИГ.

Знак (+) ставился в тех случаях, когда соответствующая форма не была обнаружена в реальных текстах, а была сконструирована мною, предъявлена информантам и оценена ими как возможная.

Список типов употреблений.

1. 他从上海回到北京

Ta cong Shanghai hui-dao Beijing.

'Он вернулся из Шанхая в Пекин'.

2. 他从早上七点干到晚上十点

Ta cong zaoshang 7 dian gan-dao wanshang 10 dian.

'Он работал с 7 утра до 10 вечера'.

3. 耗煤量从五十吨降低到三十八吨

Hao mei liang cong 50 dun jiangdi-dao 38 dun.

'Расход угля с 50 тонн снизился до 38 тонн'.

4. 从五四运动讲到"一二九"

Cong Wu si yundong jiang-dao «Yi er jiu».

'От рассказа о движении 4 Мая перешел к рассказу о движении 9 Декабря'.

5. 那件事都影响到我了

Na jian shi dou yingxiang-dao wo le.

'Это событие оказало на меня влияние'.

6. 采到不少野果了

Cai-dao bu shao yeguo le.

'Собрали немало диких плодов'.

Переход от строки к строке сверху вниз (см. табл.) позволяет проследить постепенное исчезновение свойств, свидетельствующих о пространственном значении *dao* и наличии грамматической и семантической связи между *dao* и дополнением.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Публикуемые материалы 7-ой Всероссийской конференции по китайскому языкознанию (тезисы и доклады) дают возможность китаистам познакомиться с тем, над чем работают их коллеги в настоящее время, а лингвистам иных специальностей — узнать, над чем работают китаисты. Эти конференции проводятся в Москве раз в два года. На них встречаются специалисты, работающие в разных научных центрах и учебных заведениях нашей страны. Это не международные конференции, но и в них нередко принимают участие специалисты из зарубежных стран, в том числе и китайские ученые, что для нас очень ценно.

В предлагаемой книге читатель встретит сопоставительный тайско-китайский материал, исследования по бирманскому языку, а также по другим языкам Юго-Восточной Азии. Мы исходим из того, что бирманский язык относится к китайско-тибетской семье языков и, стало быть, родственен китайскому, а тайский язык и другие языки ЮВА — типологически сходны с китайским. (Существуют гипотезы о древнем родстве тайских языков с китайскими — Тодо Акиясу).

В книге публикуются не только собственно лингвистические материалы, но и статьи посвященные методике преподавания китайского языка, а также некоторые более широкие китаеведные материалы.

Мы надеемся, что читатели с пользой для себя познакомятся с этой книгой. Редколлегия, как обычно, не считает нужным менять или корректировать содержание публикуемых материалов, хотя далеко не всегда разделяет взгляды и подходы их авторов. В интересах развертывания дискуссии важно сохранить точки зрения авторов тезисов и докладов.

Так, например, трудно согласиться с представлением о китайском языке как о языке с «лексической доминантой», т. е. таком, в котором практически все выражается якобы лексическими средствами. Вывод о «лексичности» китайского языка не-

избежен, если, к примеру, считать словом со значением «штука» универсальный и лишенный всякого лексического значения классификатор гэ.

Не соглашаясь с подобными представлениями, мы публикуем их как материал для дискуссии.

Пусть будет больше разных точек зрения. Время и дальнейшие исследования покажут, что истинно и что ложно.

Конечно, статьи сборника обладают разной степенью информативности и новизны, но все они вносят свой вклад в дальнейшее научное изучение китайского языка в нашей стране, в дальнейшее развитие отечественного китайского языкознания.

Редколлегия

Таблица

Признаки								
Тип употребления	1 Введ. <i>lai/qu</i>	2 <i>dao</i> + ИГ	3 Обст. с <i>cong</i>	4 ИГ в пре- позиц.	5 ИГ отсут.	6 <i>ba-</i> транс- форм.	7 Инф. <i>de/bu</i>	8 Г + ИГ
1 + ИГ места	+	+	+	– (+)	+	–	+ редко	+ или –
2 + ИГ времени	+ редко	+	+	– (+)	–	–	+ редко	–
3 + ИГ колич.	–	+	+	– (+)	–	–	+ редко	–
4 + ИГ – предмет речи	–	–	+, редко	+	–	+, редко –	+	+
5 <i>dao</i> в знач. 'затронуть'	–	–, редко +	–	+	+	+, или –	+	+, редко –
6 + ИГ – предмет получения	–	–	–	+	+	+	+	+, редко –

Между «пространственными» и «видовыми» употреблениями *dao* нет четкой границы. «Пространственное» значение *dao* постепенно «перетекает» в видовое по мере десемантизации *dao* и разрушения его связи с дополнением. Исчезновение «пространственных» свойств и нарастание «видовых» происходит постепенно и неравномерно (разные свойства могут утрачиваться на разных этапах). Наиболее ярко «переходный» статус *dao* заметен в употреблениях типа 4 (глагол речи/размышления + *dao* + ИГ–предмет речи/размышления). С одной стороны, *dao* в этих употреблениях обладает всеми свойствами видового показателя: глагол практически всегда может присоединять те же дополнения и без *dao*; ИГ может отрываться от *dao* (находиться в позиции, быть вынесено вперед с *ba*, может быть опущено);

употребительны инфиксированные формы. В то же время возможно присутствие в предложении обстоятельства с предлогом *cong*, что свидетельствует о сохранении у *dao* пространственного значения.

ЛИТЕРАТУРА

Яхонтов С. Е. Категория глагола в китайском языке. Л., 1957.

М.А.Брейтер
(Москва)

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ СИСТЕМНОГО ПОДХОДА В ЛИНГВИСТИКЕ

(на материале китайского языка)

Мысль о том, что естественный язык является системой, т. е. неким организованным целым, в котором различные части влияют друг на друга и поэтому соподчинены целому, в течение долгого времени постепенно осознается и развивается лингвистами. Однако теоретические представления о природе системности своего объекта в лингвистике еще далеки от завершенности.

Зарождение взгляда на язык как систему связывают обычно с именем Ф. де Соссюра, создавшего концепцию языка как функциональной семиотической системы и заложившего основу структурно-функционального направления в языкознании. Однако идеи Соссюра в значительной степени были предвосхищены и внушены ему И.А.Бодуэном де Куртене, рассматривавшим роль структуры, различных типов отношений в языке.

Понимание системности И.А.Бодуэном де Куртене заключается, во-первых, в том, что он относит язык к классу таких объектов, в которых системность, внутренняя организованность, взаимосогласованность всех статических и динамических характеристик представлены в своих высших проявлениях. Языкознание, следовательно, есть систематическое, научное описание явлений в их причинной связи, а конечная цель лингвистического исследования состоит в определении и изучении законов, которые связывают явления и представляют их как непрерывную цепь причин и следствий.

В настоящее время идея системности языка разделяется большинством лингвистов. Так, Б.А.Серебрянников замечает: «Странно было бы отрицать наличие системности в языке, поскольку системность языка обусловлена не только основной функцией языка быть средством общения, но и необходимо связана с некоторыми чисто физиологическими и психологическими особенностями человека, не говоря уж о том, что основанием ее мо-

жет служить наличие системности в окружающем человека мире» [Общее языкознание, 1972, 15]. Идею понимания языка как системно-структурного образования в ряде аспектов развил В.М.Солнцев.

Наиболее весомый вклад в развитие общих проблем системологии и реализацию системного подхода в лингвистике в отечественной науке внесен работами Г.П.Мельникова, указавшего, что объектом исследования в системной лингвистике являются важнейшие характеристики языка как системы, в том числе обнаруживаемые при сопоставлении с другими типами систем в природе. В частности, Г.П.Мельников определяет систему как сложное единство, в котором могут быть выделены составные части – элементы, а также схема связей или отношений между элементами – структура. Важнейшими характеристиками системы являются ее структура, субстанция и функция. При таком подходе любой объект реальности не просто представляется как набор элементов (с их специфической субстанцией), не только как определенная структура отношений между ними, а как связанное целое, система, объединяющая активность всех элементов в общем выходном продукте – функции.

Язык относится к 1) кодирующим и 2) адаптивным (самонастраивающимся) системам. Во-первых, язык является кодирующей системой, т.е. обладает свойством кодирования и передачи информации. Во-вторых, язык входит в разновидность систем, которые называются адаптивными. Адаптивные системы возникают или создаются для выполнения определенной функции, называемой общей функцией системы.

Г.П.Мельников выделяет детерминанту, или доминирующую тенденцию развития языковой системы, в соответствии с которой происходит ее оптимизация, в частности, в направлении ее грамматикализации или лексикализации. Детерминанта объединяет свойства структуры и субстанции и является консервирующим фактором, противодействующим существенным изменениям языка, даже если существенно меняются значимые для нее внешние условия.

В качестве примера рассмотрим строй такого максимально аналитического языка, как китайский. Ведущей грамматической тенденцией, т.е. детерминантой строя китайского языка является тенденция к лексикализации, т.е. к выражению максимума информации с помощью непрямых слов, в большей степени вещественного, в меньшей – грамматического (служебного) значения. Учитывая тенденцию к выражению не только лексического, но и дополнительного, служебного, значения с помощью лексем, можно объяснить многие семантические и синтаксические свойства китайского языка, например, тенденцию не выражать часть информации, если она очевидна из контекста (например,

множественность предметов, завершенность и незавершенность действия, связь действия с объектом и т.п.).

Для предотвращения неоднозначности истолкования употребленных лексем в китайском языке приходится широко использовать «расширители контекста», т.е. другие лексемы, которые в смысловом сочетании с данными конкретизируют, делают очевидным понятие, обозначаемое основной лексемой, например, повторы, пары из антонимов, названия действия и наиболее типичного при этом действии объекта, любые уточнения типа «этот», «тот», «все», «одна штука» и т.п. Все эти свойства приводят к относительно большему по сравнению с «грамматикализованными» языками числу лексем во фразе. Это, в свою очередь, накладывает определенные ограничения на структуру лексем, которые, оставаясь самостоятельными и легко выделяемыми на слух речевыми единицами, должны оставаться при этом максимально короткими. Такой самой короткой и легко вычленимой единицей речи является слог. Это предопределяет слогоморфемную структуру китайского языка.

Системный подход к исследованию лексики китайского языка позволяет по-новому определить единицу его лексической системы. Детерминанта максимальной лексикализации приводит к развитию служебных, грамматических значений из значений полнозначных лексем, определяя развитие полисемии китайского «слова» – от наиболее конкретного предметного значения к новым, все более абстрактным и, в конечном счете, к служебным значениям, которые в совокупности определяют семантику китайских лексем. Проверка этого предположения произведена на материале 3000 лексических единиц китайского языка, полученных на основе Большого китайско-русского словаря И.М.Ошанина и Частотного словаря современного китайского языка.

Для определения качественного типа значения была использована тезаурусная классификация Р.Халлига и В.Вартбурга. Классификационные категории тезауруса были сведены в три основные группы:

- 1) группа материально-конкретных значений (названия домашней утвари, орудий труда, растений, животных и т.д.);
- 2) группа абстрактных значений (названия основных видов логических отношений, психических явлений, временных и пространственных отношений, и т.д.);
- 3) промежуточная группа, включающая значения, не принадлежащие однозначно ни к одной из выделенных групп.

Квантитативное исследование выявило общую тенденцию к абстрактности значений лексико-семантических вариантов (ЛСВ) высокополисемичных лексических единиц и обратную ей тенденцию конкретных по своему значению ЛСВ к низкой полисемии.

Что касается соотношения параметров частоты семантического качества значений, то можно сделать вывод о том, что тенден-

ция к абстрактивизации значений от малозначных гиперлексем через среднезначные к многозначным ярче прослеживается в области высокочастотной лексики. Кроме того, можно проследить сдвиг низкочастотной лексики в сторону конкретности значений, а высокочастотной – в сторону абстрактности.

Таким образом, экспериментальное исследование выборки из 3000 китайских гиперлексем по параметру качества значений не противоречит гипотезе о неуклонном развитии качества значений в направлении утраты ими материальной отнесенности, повышения абстрактности, в сторону расширения области их референциальной отнесенности. Данная тенденция, предопределенная детерминантой китайского языка, присуща также и языкам иного грамматического строя и рассматривается как универсальная в модели жизненного цикла слова А.А.Поликарпова.

На качественном уровне тенденция к развитию новых, более абстрактных и, в конце концов, служебных значений от исходных, наиболее предметных, позволяет выделить гиперлексему как центральную единицу лексической системы китайского языка, объединяющую различные категориальные варианты (в том числе и служебные) на основе тождества наборов семантических компонентов хотя бы в одном из значений каждой из входящих в гиперлексему лексем. На примере служебных гиперлексем китайского языка оказывается возможным проследить процесс развития служебных значений на основе исходных, более конкретных по своей семантике ЛСВ. Эти наблюдения подтверждают описанную выше тенденцию к повышению абстрактности каждого из вновь появляющегося у гиперлексем в китайском языке значений.

И.Ф.Вардуль
(Москва)

ОБ ОДНОМ КЛАССЕ КИТАЙСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В ЯПОНСКОМ ЯЗЫКЕ

Имеются в виду однокорневые лексемы¹ (преимущественно) китайского происхождения, такие, как doo 'упомянутое выше' в doo gaQ.koo 'эта (упомянутая выше) школа' или zeN 'прежний, предыдущий' в zeN koo.tyoo 'прежний директор школы'.

На морфемном уровне эти doo и zeN тождественны соответственно doo в doo.koo 'эта школа' и zeN в zeN.se 'прежняя (до нынешнего рождения) жизнь'. Они являются морфемами одних и тех же морфем. Но на лексемном уровне тождество исчезает. В doo.koo и zeN.se морфемы doo и zeN входят в состав двукорневых лексем, а в doo gaQ.koo и zeN koo.tyoo образуют отдельные лексемы.

Вывод о лексемной отдельности *doo'* и *zeN* неизбежен, если принять во внимание их способность легко обособляться во фразему: /*doo gakkoo'*/, /*zɛŋ kooʃoo'*/². Когда же они акцентно объединяются с последующим, ударение фраземы определяется по «правилу словосочетания» (не по «правилу слова»: /*doo gakkoo'*/ → /*dooɡakkoo'*/, /*zɛŋ kooʃoo'*/ → /*zɛŋkooʃoo'*/).

Впрочем, присоединяясь к ударным именам, такие лексемы могут терять ударение. Например, *geN nai.kaku* 'нынешний кабинет министров' или *zeN nippoN* 'вся Япония' произносятся не только /*gɛŋ naikaku* ~ *gɛnnaikaku*/, /*zɛŋ n'ippoN* ~ *zɛnn'ippoŋ*/, но также, уподобляясь композиту, – /*gennaikaku*/, /*zenn'ippoŋ*/, что, однако, не меняет тектонического статуса *geN* и *zeN*: они и в этом случае остаются отдельными лексемами. О слиянии со следующей лексемой правомерно было бы говорить лишь при потере способности к образованию фраземы (как это имеет место, например, в *koo.ziN.butu* /*koʊz'imbucu*/ 'добрый человек', *tyoo.zi.kaN* /*c'ooz'ikaŋ*/ 'длительный промежуток времени', *naN.moN.dai* /*nammōndai*/ 'трудный вопрос').

Лексемы рассматриваемого класса выражают то или иное признаковое значение и модифицируют значение имени или адъектива, которому предшествуют: *boo hoo.meN* /*bōo hoomeŋ* ~ *bōohoomeŋ*/ 'энское направление', *zyuN nai.ti.mai* /*z'ūŋ naic'imai* ~ *z'ūnnaic'imai*/ 'импортный рис, близкий по качеству к японскому', *haN 'ei.kyuu.teki* /*hāŋ 'eek'uuteki* ~ *han'eek'uuteki*/ 'почти (букв. 'наполовину') вечный', *tyoo koQ.ka syu.ŋi* /*c'ōo kokkas'ūŋi*/ 'ультра-национализм', *ko jama.da haku.si* /*kō jamadahakusi*/ 'покойный профессор Ямада', *roo 'ei.koku huziN* /*rōo 'eekokuɸūz'in*/ 'пожилая английская дама', *hoo roku.zyuu meetoru* /*hōo rokuz'uum'eetoru*/ 'шестьдесят квадратных метров', *koN zyuu.ni.niti* /*kōŋ z'ūn'in'ic'i*/ 'сегодня, двенадцатого числа'.

Наряду со вполне знаменательными (=автосемантическими) единицами к тому же тектоническому классу³ должны быть отнесены и такие, в которых преобладает служебное (=синсемантическое) содержание. Ср., *dai 'iQ.po* 'первый шаг', *dai roQ.kan* 'шестое чувство', *'oN* (показатель вежливости) в *'oN titi.ŋimi* '(ваш) батюшка', *'oN mizukara* '(вы) сами', *hi* (показатель пассивности) в *hi.seN.kyo.niN* 'тот кто имеет право быть избранным', *hi ho.keN.butu* 'застрахованная вещь', *hi* (показатель отрицания) в *hi kumi.'ai.'in* 'не член профсоюза', *hi geN.zitu.teki* 'непереносимый'.

Синсемантизм этих лексем не отражается на их тектонике. Они сохраняют то же отношение к имени (адъективу), которому предшествуют. Действуют и те же правила акцентуации: /*dāi 'ippo* ~ *dāi'ippo*/, /*dāi rokkaŋ* ~ *dāirokkaŋ*/, /*'ōŋ c'ic'ŋim'i* ~ *'ōŋc'ic'ŋim'i*/, /*'ōŋ m'izukara* ~ *'ōmm'izukara*/, /*x'i seŋk'ōn'ŋ* ~ *x'iseŋk'ōn'ŋ*/, /*x'i hokémbucu* ~ *x'ihokémbucu*/, /*x'i*

kum'i'ai'iŋ ~ x'ikum'i'ai'iŋ ~ x'ikum'i'ai'iŋ/, /x'i genz'icutek'i - x'igenzicutek'i /⁴.

Известны два разных толкования единиц данного класса.

По одному из них [Маусита 1933, 44–6; Токиэда 1950, 138], это – приименные (連体詞, или 頭体詞). Действительно, многие из таких лексем (если они знаменательны) семантически эквивалентны приименным. Но только семантически. Хотя doo gaQ.koo синонимично сочетанию so.no gaQ.koo, а boo hoo.meN – сочетанию 'agu hoo.meN, с точки зрения тектоники они существенно различаются. Специфика лексем типа doo, boo в том, что они, в отличие от приименных, входят в состав той же синтаксемы, что и именная (адъективная) лексема, при которой они стоят (независимо от того, произносятся ли doo gaQ.koo и boo hoo.meN в две или в одну фразу, они неделимы в синтаксическом ярусе, атомарны). Между тем в so.no gaQ.koo, 'agu hoo.meN сочетаются синтаксемы.

Синтаксическая несамостоятельность doo, boo свидетельствует об их неавтономности. Такие лексемы лишь сопутствуют автономным и, следовательно, являются синномными составляющими синтаксем. Соответственно: часть речи, к которой они принадлежат, стоит в одном ряду не с именами, глаголами, прилагательными, приименными, а с артиклями, предлогами, частицами. Так что doo, boo (в doo gaQ.koo, boo hoo.meN) тектонически скорее подобны артиклям (определенному и неопределенному), чем приименным. С. Мартин такие лексемы называет «pseudo adnouns» [Martin 1975, 750].

Согласно другому толкованию [Киэда 1958, 302–303; Сакура 1980, 551], единицы, о которых идет речь, суть префиксы. Эта точка зрения (получившая, несмотря на очевидную противоречивость, широкое распространение [Ватанабэ 1980, 924]) тесно связана с именем С. Хасимото, который, признавая в теории, что аффиксы есть части слова (単語), не синтаксемы (文節) [Хасимото 1934, 21, 18], тем не менее понимал японские префиксы так широко, что к ним могли быть отнесены и рассматриваемые лексемы (ср. [Хасимото 1948, 193])⁵. С. Хаттори [1949, 438] допускает для тех же единиц (в его примерах порядковое dai и вежливое 'oN) два решения: а) это префиксы и б) это отдельные слова (単語). Причем интересно, что на случай второго решения он предлагает для них термин «слова-ПРЕФИКСЫ» (接頭詞). [Там же для «ганио» (助詞) предлагается термин «слова-суффиксы» (接尾詞)].

Противоречивость аффиксальной трактовки единиц типа doo, boo или dai, 'oN объяснима традиционным для японской лингвистики отсутствием четкого разграничения слова и части слова. Но почему эта трактовка столь «живуча»? По-видимому, сказывается то, что в тектоническом аспекте отношение единиц данного типа к имени (адъективу), вместе с которым они составляют

бается то, что в тектоническом аспекте отношение единиц данного типа к имени (адъективу), вместе с которым они составляют синтаксему, тождественно отношению аффиксальной морфемы к корневой внутри слова. В этом смысле *doo*, *boo*, *dai*, *ʔoN* тектонически подобны аффиксам. (А синсемантические *dai*, *ʔoN* подобны им еще и семантически). Но только подобны. Нельзя забывать, что они, хотя и синномные, но все же лексемы, т.е. единицы более высокого ранга, чем морфемы, каковыми являются аффиксы⁶.

К какой именно синномной части речи отнести лексемы, кратко рассмотренные выше, — тема особая. Здесь достаточно констатировать то, что непосредственно вытекает из сказанного, а именно: для синномных лексем синсемантизм не обязателен, такая лексема может быть и знаменательной⁷. Или иначе: знаменательная лексема не обязательно должна быть автономной, она может принадлежать и к синномной части речи.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Под лексемой здесь понимается слово как элемент класса «часть речи». В примерах лексемы даны в морфонологической транскрипции (точки обозначают морфемное членение). В косых скобках приводится фонологическая транскрипция.

² Японское ударение характеризует фразу (фразему). Оно просодически объединяет или обособляет лексемы, но никогда не расчленяет их. Лексем с более чем одним ударением в японском языке нет. Ср. [Киндаити 1967, 227–228]. Поэтому раздельная акцентуация некоторой морфемной последовательности не может не указывать на то, что морфы этой последовательности принадлежат разным лексемам.

³ О тектонической и семантической классификациях лексем см. [Вардуль 1991, 74–75].

⁴ Одноморные лексемы (и знаменательные, и служебные), образуя фразему, могут произноситься безударно: /kò hākusi/ 'покойный профессор', /xì senk'oniŋ/, /xì hokẽmbucu/.

⁵ Однако, если судить по материалам, опубликованным после смерти С. Хасимото, в своем университетском курсе конца 30-х годов он высказывался за признание отдельно акцентированных *ko* 'покойный', *ka*ku 'каждый', *tu*oo 'будущий', *sa*ku 'прошлый' словами и, соглашаясь с Д. Мацусита, называл их приименными [Хасимото 1959, 120].

⁶ Было бы ошибочно полагать, что такие лексемы, если они служебны, при слиянии с другой лексемой автоматически превращаются в аффикс. Ср. *hi ziQ.keN.sya* /x'i z'ikkẽŋs'a ~ x'iz'ikkẽŋs'a ~ x'iz'ikkẽŋs'a/ 'тот, над кем производят опыт, подопытный' (две лексемы) → *hi.keN.sya* /x'ikẽŋs'a/ (то же значение, одна лексема). Так как морфема не может быть в одной системе и корнем и аффиксом, отнести *hi* в *hi.keN.sya* к аффиксам

мере синсемантизм *hi* не аргумент. Корневые морфемы могут быть как знаменательными, так и служебными (в отличие от аффиксов, всегда служебных). Ср. [Вардуть 1991, 29–32]. Таким образом, в приведенном примере (и в других подобных) представлен синсемантический корень, не аффикс. Термин «полуаффикс» (準接辞), предлагаемый для таких корней [Мориока 1986, 16], не дает ничего, кроме разрешения называть некоторые корни полуаффиксами.

⁷ Автор придерживается мнения, что все синномные лексемы синсемантичны [Вардуть 1991, 74–75].

ЛИТЕРАТУРА

Вардуть И.Ф. Морфема в типологическом исследовании // Морфема и проблемы типологии. – М., 1991; *Ватанабэ Мионо-ру*. Рэнтайси//Кокугогаку дайджитэн. – Токио, 1980; *Киндайти Харусико*. Нихонго-онъин но киндзё. – Токио, 1967; *Киэда Масуити*. Грамматика японского языка. – М., 1958 [пер. кн.: Киэда Масуити. Кōтō кокубумпō синкō (хинсирон). – Токио, 1937]; *Martin S.E.* A Reference Grammar of Japanese. – New Haven, 1975; *Мацусита Дайсабурō*. Хёдзюн нихон кōгохō – Токио, 1930, 1933; *Мориока Кэндзи*. Сэцудзи то дзёси//Нихонгогаку, 1986, 3; *Сакакура Ацүёси*. Сэцудзи//Кокугогаку дайджитэн. – Токио, 1980; *Токиэда Мотоки*. Нихон бумпō. Кōгохэн. – Токио, 1950; *Хасимото Синкити*. Кокугохō ёсэцу. Цит. по кн.: *Хасимото Синкити*. Кокугохō кэнкю. – Токио, 1948; *Хасимото Синкити*. Син бунтэн бэкки. Кōгохэн. – Токио, 1932, 1938, 1948. *Хасимото Синкити*. Кокубумпō тайкэй. – Токио, 1959; *Хаттори Сирō*. «Бунсэцу» то акусэнтō. Цит. по кн.: *Хаттори Сирō*. Гэнгогаку но хōхō. – Токио, 1961.

В.И.Горелов
(Москва)

СЕМАНТИЧЕСКИЕ МОДИФИКАЦИИ (на материале китайской лексики)

Лексический состав, будучи наиболее подвижной, динамичной частью языка, постоянно претерпевает изменения. В связи с развитием лексико-семантической системы китайского языка по-разному изменяется смысловая структура слов, происходит эволюция лексических значений.

Слова живут своею жизнью. У них разный путь развития, разная судьба. Одни существуют многие столетия, неизменно сохраняя свои древнейшие значения. Им обычно присуща семантическая устойчивость. Другие вследствие определенных причин подвергаются различным изменениям – некоторые значения по-

ческая устойчивость. Другие вследствие определенных причин подвергаются различным изменениям – некоторые значения появляются, другие исчезают. Можно указать несколько разновидностей семантических модификаций лексических единиц: расширение значения, сужение значения, а также изменение исходного значения (появление нового значения).

Расширение значения. Для некоторых слов характерно расширение смыслового объема, связанное с последовательным расширением сферы их функционирования.

Сначала рассмотрим данное явление на материале слов с субстантивным значением. Например, слово 災 'бедствие' первоначально употреблялось только для обозначения наводнения 水灾 и пожара 火灾, о чем наглядно свидетельствует графическая форма данного иероглифа. В дальнейшем это слово стало употребляться в составе лексических единиц, обозначающих засуху 旱灾, бедствие от сельскохозяйственных вредителей 虫灾.

Слово 身 вначале – 'тело человека', впоследствии – 'русло реки' 河身, 'корпус корабля' 船身.

Слово 火 сначала – 'огонь', а затем 'гнев, вспыльчивость' 火气, 'вспылить, вспыхнуть гневом' 冒火.

Слово 根 в начальный период своей жизни в языке значило 'корень', в дальнейшем получило значение – 'основа, фундамент' 根基, 'основание' 根脚.

Проанализируем далее это явление на материале слов с адъективным значением.

Слово 苦 первоначально – 'горький', в последующее время – 'горе, мука, беда' 苦难, 'терпеть лишения, страдать' 吃苦.

Слово 深 вначале – 'глубокий', в дальнейшем – 'темный (о цвете), темно синий' 深蓝, а также 'поздний, поздняя осень' 深秋.

Слово 浅 в первый период своего существования означало – 'мелкий', впоследствии приобрело такие значения, как 'светлый' (о цвете), 'светло-желтый' 浅黄, 'недавний', 'еще недавно' 日子还浅.

Оба слова: 深 'глубокий' и 浅 'мелкий' – прошли один и тот же путь развития и претерпели одинаковые семантические изменения.

Иногда расширение смыслового значения слова бывает связано с увеличением его функциональных возможностей. Получив способность выполнять функцию нескольких членов предложения и тем самым становясь поливалентным словом, лексическая единица вместе с тем приобретает также новое значение, расширяет свой смысловой объем.

Слово 怪 первоначально употреблялось как прилагательное 'странный, удивительный'. В дальнейшем оно стало функционировать в роли наречия 'удивительно' и даже приобрело значение наречия степени 'очень'.

‘верх, вершина, макушка’. Впоследствии это слово получило и глагольное значение ‘нести на голове, подпирать что-либо’¹.

Одной из возможных разновидностей семантического расширения лексической единицы является превращение собственного существительного в существительное нарицательное. Для иллюстрации данного явления Чжоу Цзумо приводит два примера.

Слово 河 в древности было названием реки Хуанхэ, а впоследствии в процессе эволюции значения стало обозначением реки вообще как физико-географического объекта.

Слово 江 в древнем Китае служило названием другой реки – Янцзы. В последующий период времени, аналогично слову 河, оно превратилось в нарицательное существительное, обозначающее любую реку, реку вообще².

Расширение значения следует отличать от вторичной номинации. Эти семантические процессы различны по своему конечному результату. Расширение смыслового значения слова порождает лексическую многозначность (полисемию), тогда как вторичная номинация влечет за собой возникновение слов-омонимов.

Сужение значения. Для некоторых слов, напротив, характерно сужение смыслового объема, вызванное изменением сферы их функционирования.

Лексическое образование 妻子 *qizi* во времена Танской династии имело значение ‘жена и дети’. Со временем оно получило статус слова и стало обозначать только жену. Сужение лексического значения сопровождалось изменением морфологической сущности постпозитивной морфемы. Она, утратив вещественное значение, превратилась в формальный элемент слова – суффикс существительного 妻子 *qizi* ‘жена’.

Такой же семантической модификацией сопровождалось развитие смысловой структуры лексического образования 兄弟 *xiōngdì* ‘старший и младший брат’. В глубокой древности, когда создавались песни и гимны, вошедшие в «Шицзин», и в дальнейшем в течение длительного времени это двухморфемное лексическое образование функционировало в значении ‘братья, старший и младший брат’. В настоящее время китайцы, говоря 兄弟 *xiōngdì*, обычно имеют в виду лишь младшего брата. В результате лексикализации данного сочетания слов морфема 弟 *dì* утратила этимологический тон³.

Слово 坟 в начальный период своего функционирования означало всякую большую и высокую земляную насыпь. Однако

¹ 周祖谟·汉语词汇讲话·北京1959年34页。

² 同上。

³ Сведения, касающиеся семантической модификации названных терминов родства, взяты из книги: 周祖谟·汉语词汇讲话·北京1959年35页。

в дальнейшем объем понятия сузился, и эта лексическая единица стала употребляться только в значении 'могильная насыпь'.

Изменение значения. Иногда слово в процессе своего длительного существования утрачивает первоначальное значение и приобретает другое значение, выражающее иное понятие.

Слово 大夫 *dàfū* в древнем Китае означало чин среднего класса и служило названием сановников этого класса. В дальнейшем оно претерпело значительные семантические, а вместе с тем и фонетические изменения. В современном языке слово 大夫 *dàifū* принадлежит разговорному стилю и употребляется в значении 'врач, доктор'.

Слово 兵 раньше значило 'оружие', а ныне употребляется в значении 'солдат, боец'.

Слово 消遣 в прошлом означало 'подшутить, посмеяться над кем-нибудь', а в настоящее время значит 'развлекаться, развлечение'⁴.

Бывает и так, что лексическая единица, имеющая позитивное значение, которое она сохраняет в течение длительного времени, в определенный период истории народа и его языка приобретает негативное значение, в связи с изменением социально-политических взглядов и морально-этических представлений.

Подобное изменение значения претерпели, в частности, такие слова, как 超然 'нейтральный, независимый'; 闲适 'мирный, безмятежный'. В прошлом они воспринимались как лексические единицы с позитивным значением. В современном же Китае эти слова, по свидетельству Ян Синьяня, ассоциируются с аполитичностью и, следовательно, приобрели негативный оттенок⁵.

Слово 勾当 в древности употреблялось в значении 'дело, занятие'. В современном же языке приобрело значение 'темные делишки, махинации'⁶.

Появление нового значения. В отдельных случаях лексическая единица приобретает новое значение, сохраняя при этом старое, первоначальное.

Слово 对象 значит 'объект, предмет'. Наряду с этим значением у него сравнительно недавно появилось новое: 'возлюбленный, возлюбленная'.

У некоторых слов, обладающих негативным эмоционально-оценочным значением, с течением времени возникает новое, противоположное значение, а именно позитивное. Так, например, у слова 骄傲 'гордый, надменный, зазнайство, высокомерие' появилось новое, положительное значение 'гордиться чем-либо достойным, заслуженным'.

⁴ 語文学习1954年7其62页。

⁵ 杨欣安等·现代汉语·重庆1957年第2册131页。

⁶ 林裕文·词汇·語法·修辞上海1957年83页。

Своими путями, сообразно своим закономерностям развивается лексика китайского языка. Претерпевая в процессе развития разнообразные изменения, она расширяет свой семантический и функциональный диапазон.

Б.Ю.Городецкий
(Москва)

К СЕМАНТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ СЛОЖНОГО СЛОВА

1. Известно предложение Ф. де Соссюра выделять по степени мотивированности два крайних типа языков – «лексические» и «грамматические». Трудно переоценить значение подобного параметра для лингвистической типологии: он затрагивает саму сущность языка – его механизмы семантизации действительности. Между тем, характеристика Соссюром китайского языка как «ультралексического» оказалась, видимо по недоразумению, поспешной и неадекватной. Данные современного китайского языка говорят скорее в пользу прямо противоположной его характеристики, а именно «ультраграмматичности». Интерпретируя указанный параметр в духе теоретической лингвистики конца XX века, усматривающей источник наиболее глубинных объяснений природы языкового знака в его плане содержания, мы могли бы более точно говорить об «ультрасемантическом» характере китайского языка.

Главные механизмы реализации выразительных возможностей языка заключены в двух фундаментальных когнитивных процессах, которые можно обозначить терминами «семантическое сложение» и «полисемическая деривация». В китайском языке они оба достигают максимума своей продуктивности и активности.

Первый из указанных механизмов относится к синтагматической семантике, он управляет созданием сложных слов, а также подобных им образований (их можно объединить общим понятием композит-комплексов; именно они и служат основным объектом рассмотрения в настоящем докладе). Второй из указанных механизмов относится к парадигматической семантике, он управляет развитием многозначности, появлением новых узусуальных значений слова (и особую роль здесь играет метафора).

Каждый из этих механизмов может получать (в соответствии с принятым в когнитивной науке разграничением) либо собственное структурное (декларативное), либо процессуальное (процедурное) описание. При первом подходе мы говорим о семантических отношениях, при втором – о семантических операциях. В синтагматике отношения называются семантическими реляци-

ями, в парадигматике – семантическими корреляциями. Таковы исходные концептуальные разграничения, необходимые для конструктивного моделирования особенностей китайской лексико-семантической системы.

2. Значение композит-комплекса является, как мы отметили, прежде всего результатом семантического сложения, хотя во многих комплексах можно наблюдать совмещенное действие обоих указанных механизмов.

Сложное слово как единица языка (и речи!) ставит перед исследователем сложные методологические проблемы. Они возникают при любой исследовательской целеустановке – теоретической, описательной или прикладной. Основные трудности связаны с тем обстоятельством, что сложное слово плохо вписывается в привычные для нас рамки двух традиционных способов организации знаний о языке – грамматики и словаря.

Проблема «слово в грамматике и словаре» в самом общем виде сводится к трем аспектам: 1) какие виды информации о слове должны фиксироваться в грамматике, а какие – в словаре; 2) как влияет организация грамматики на словарь; 3) как влияет организация словаря на грамматику. Применительно к сложному слову указанные вопросы имеют свою специфику: здесь речь идет о том, должны ли сложные слова как таковые всегда включаться в словарь или правила их построения и осмысления должны отражаться в грамматике (или в какой-то другой части лингвистического описания).

В настоящем докладе мы касаемся некоторых принципиальных положений семантической теории сложного слова, прошедших практическую проверку в ходе полевых исследований в области типологии семантического сложения в рамках программы «Композит» (кафедра структурной и прикладной лингвистики МГУ и кафедра лингвистической семантики МГЛУ). Объектом исследования являются композит-комплексы в языках разных типов, в частности в дунганском языке.

Широкий подход к выделению класса исследуемых явлений диктуется типологическими соображениями (разнообразие проявлений семантического сложения в разных языках), а также теоретическим принципом непредвзятости, постоянно пропагандировавшимся Л.В.Щербой, который призывал «смелее подходить к традиционным понятиям и особенно терминам» и отмечал, в частности, применительно к немецкому языку и санскриту, что «большинство сложных слов этих языков делается в процессе речи и не входит в репертуар языка как системы». Поэтому в наших исследованиях вопрос «Что такое сложное слово?» мы не считаем вопросом первостепенной важности.

Именно синтагматическая семантика рассматриваемых образований должна находиться в центре внимания теории и типологии композит-комплексов. Система семантических реляций во

многим определяет возможность построения комплексов и характер их семантики. Такова сущность принципа структурности.

Еще один принцип, определяющий методику наших исследований, – это принцип дистрибутивного эксперимента с участием носителя языка, позволяющий получить представительную эмпирическую базу исследования. Такой подход соответствует тому широко признаваемому ныне положению, что конечным критерием истинности наших моделей является речевое поведение носителя языка – информанта.

Итак, мы можем предположить, что композит-комплексы находятся на границе между словарем и грамматикой. С другой стороны, они находятся на границе между языком и речью.

Во многих языках семантическое сложение является важным фактором, обуславливающим открытый характер семантической структуры, ее творческие потенции в освоении языком новых знаний, которые постоянно открывает для себя каждый человек и языковой коллектив в целом.

3. Семантическая модель открытого множества композит-комплексов (своего рода грамматика) должна быть основана на исчислении семантических реляций между их компонентами. Такая модель может быть воплощена в особой организации словаря и в прилагаемом к нему обобщающем очерке.

На базе тезаурусов компонентов, а также системного инвентаря семантических реляций могут быть заданы типовые структуры комплексов, вынесенные в обобщающий очерк, что позволит сделать описание достаточно экономным и в то же время объяснительным.

Семантическая реляция – это содержательное отношение между компонентами, задающее всю ту информацию, которую необходимо добавить к значениям компонентов, чтобы получить значение целого комплекса.

Например, в дунганском комплексе *теезы* 'листовое железо', состоящем из *те* 'железо' и *езы* 'лист', реляцию можно описать так:

$$r18 (X, Y) = \langle Y, \text{сделанный из } X \rangle$$

В венгерском комплексе *lemezvas* 'листовое железо', состоящем из *lemez* 'пластинка' и *vas* 'железо', реляция иная:

$$r23 (X, Y) = \langle Y, \text{имеющий форму } X \rangle.$$

(Приведенные номера условны. Реальные их коды связаны с определенной систематизацией семантических реляций языка).

Полное описание семантической реляции как своего рода пакета знаний включает: (1) имя реляции, (2) семантические классы первого и второго компонентов комплекса, (3) стандартизованное описание (толкование) содержания реляции, (4) правила ее реализации в плане выражения, (5) характеристику ее ак-

тивности в языке и речи (с точки зрения продуктивности, регулярности, устойчивости, идиоматичности).

В целом ряде комплексов наблюдаются реляции с элементом идиоматичности. В их описании имеется семантический признак, который уникален, не повторяется в других комплексах.

Пример идиоматичной реляции, наблюдаемой в комплексе *да те* 'ковать' ('бить' + 'железо'):

г58/идиом./ (X,Y) = «осуществлять действие Y, используя в качестве пациенса X, причем достигать определенного производственного эффекта»

Типы семантического сложения, реализуемые в языках мира, разнообразны, хотя наблюдаются и универсальные тенденции.

Специфика отдельных языков может касаться: степени распространения семантического сложения, набора используемых семантических реляций, состава связываемых ими классов компонентов, размеров комплексов, продуктивности реляций.

Примеры сходства реляций с интенциональной и экстенциональной точки зрения дают такие комплексы, как: дунг. *да те*, бурят. *түмэр сохихо* 'ковать железо'; дунг. *да телеграмма*, бурят. *телеграмма сохихо* 'давать телеграмму'; дунг. *мажұан*, нем. *Pferdestall* 'конюшня'; дунг. *гуфонзы*, нем. *Hundehütte* 'конура'.

Опыт конструктивного применения теории семантических реляций к ряду областей китайской лексики предпринят в работах А.Л.Семенас.

Б.Ю.Городецкий, Т.С.Зевахина
(Москва)

ДУНГАНСКАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЯ: ДОСТИЖЕНИЯ И ПРОБЛЕМЫ

1. По ряду обстоятельств сложилось так, что на сегодня наиболее крупным произведением в области дунганской лексикографии является «Русско-дунганский словарь» в трех томах, выпущенный в 1981 г. сектором дунгановедения Отдела востоковедения АН Киргизской ССР (составители: Х.Бугазов, М.Имазов, И.Кайфунов, А.Калимов, Н.Мадеюев, Ф.Х.Макеева, М.Хасанов, Ю.Цунвазо, Я.Шиваза, И.Юсупов, Х.Юсуров, Л.Янфу, Ю.Яншансин; общая редакция – М.Сушанло и Я.Хавазова).

Не касаясь практических функций словаря в сферах образования и культуры, сосредоточим внимание на его научном потенциале, на возможностях и трудностях его использования в востоковедческих и общелингвистических целях. В словаре представ-

лен дунганский лексический запас через призму семантических категорий русской лексики. В качестве исходных слов взято более 35 тысяч русских лексем.

Приведем в качестве примера две словарных статьи.

КРУТОЙ прил. 1. (отвесный, обрывистый) *ду, дудурди*: крутая гора *ду сан*; 2. (внезапный, резкий) *мынмынди*; крутой поворот *мынмынди жэгуэлэ*; 3. разг. (о характере) *жэжынди, жы (пичи)*; 4. кул. *нын*; крутое яйцо *жўлоди жидан*.

ДИПЛОМАТИЯ ж. 1. полит. *дипломатия (гуйжяди луйвэ жынжы гунзуэ)*; 2. перен. разг. (ухищрения, уклончивость) *жянчэ, сыжанчэди*.

Прежде всего рассматриваемый словарь выступает как источник материала для исследования современного языка дунган, проживающих в Киргизии и Казахстане. Можно назвать целый ряд разделов лексической семантики и грамматики, которые могут извлечь из подобного словаря полезные эмпирические данные. Так, с помощью несложных операций можно выбрать материал, относящийся к изучению лексической многозначности: *да фонзы* 'большой дом', *да щежя* 'крупный писатель', *да дыйшын* 'большая победа' (выдающаяся), *да фын* 'сильный ветер', *тади ваму ду да* 'у него большие дети' (взрослые), *да шынйин* 'высокий голос' (наряду с *го шынйин*), *жыгэ пино ташон дадихын* 'эта шуба ему велика' и т.д.

Разнообразен материал, касающийся словообразовательной семантики глагола, в частности правил употребления модификаторов – характернейшего явления дунганской глагольной системы. Ср. примеры для – *дэ*: *митандэ* 'заблудиться', *хүдэ* 'замазать', *жидэ* 'затушить'; для – *ха*: *бинха* 'заболеть', *мэха* 'закупить', *шэлүха* 'запасти'; для – *шон*: *зыншон* 'заслужить', *хуаншон* 'заменить', *гушон* 'зацепить'; для – *чў*: *кунчў* 'завязать', *ханчў* 'заклепать', *бичў* 'затворить'.

Как известно, отличительная черта словарного состава дунганского языка – преобладание сложных слов. Основные семантические модели их построения могут быть обнаружены на материале рассматриваемого словаря: ср. *цэхуар* 'загадка' ('гадать' + 'словечко'), *суанпан* 'счета' ('считать' + 'блюдо'), *жўжўвон* 'паутина' ('паук' + 'сеть'), *хокан* 'красочный' ('хорошо' + 'смотреть'), *южуан* 'путешествовать' ('гулять' + 'вращаться'), *фончўчи* 'выпустить' ('пускать' + 'выйти') и т.д.

Особенно широко авторы отразили терминологическую лексику и терминологические словосочетания, что позволяет анализировать тенденции дунганского терминообразования: ср. *луэсы* 'гайка', *дунцы* 'глагол', *жэшы* 'затмение солнца', *зыжанцўэ* 'естествознание', *фынфурди фур* 'дробное число', *луйвэди жынжы* 'внешняя политика', *цунцанпинди вэр* 'заготовительный пункт', *южин-янди гунжын* 'кадровый рабочий' и т.д.

Немало фактических сведений можно найти в словаре не только для лексико-семантических обобщений, но и для исследования грамматической структуры дунганского языка. Так, иллюстративные словосочетания могут быть рассмотрены с точки зрения правил употребления предлогов, послелогов и конголов для выражения различных типов отношений между словами: ср. *ви тэтин жынжан* 'бороться за мир', *зандо йидынзы готу* 'встать на стул', *зузудо хогун* 'заехать в канаву', *да фонзыни жуйчүчи* 'выгнать из дому', *йүн-ян да хуасан литу пынчүлэли* 'лава извергалась из вулкана', *зэ щитэшон фа* 'играть на сцене' и т.д.

Синтаксическая структура и коммуникативная организация высказывания обеспечиваются довольно большим разнообразием типов иллюстративных предложений: *Щёнчиншон та ю бынсыни* 'У него хорошие музыкальные данные'; *Жынму ду фалиди, та канлэли* 'Он заметил, что люди устали'; *Вэ (ги ни) фэщер са хуани* 'Мне нужно кое-что (тебе) сказать'; *Ни щёнда бу жыдо жыгэма?* 'Или ты не знаешь об этом?'; *Вэ ба нын зүди ду зүшонни* 'Я сделаю все, что возможно'; *Вэ бу щин та лэди* 'Я исключаю возможность его приезда' и т.д. Как видим, здесь представлен материал и по сложным синтаксическим конструкциям, и по коммуникативно-целевым типам предложений, и по проблемам, связанным с модальностью, отрицанием, употреблением видо-временных форм глагола.

2. Особое направление интерпретации словарных данных – это изучение закономерностей перевода с одного языка на другой. Здесь хотелось бы обратить внимание на два аспекта.

Во-первых, это вопросы перевода с индоевропейского языка на язык изолирующего типа. Словарь дает, в частности, возможность изучать принципы перевода ряда лексико-грамматических и словообразовательных разрядов слов, например, отвлеченных существительных отглагольного и отадъективного типов, наречий, глаголов совершенного и несовершенного видов и других (см. об этом несколько ниже). Поясним эту мысль на примере прилагательных с приставкой *бэс-* (без-): *бесчестный* – *мэю лянмянди*, *бесславный* – *мэю минвонди*, *бессловесный* – *мэю хуади*, *безводный* – *мэю фиди*, *безбилетный* – *мэю пёди* и т.д. Как видим, перевод является абсолютно стандартным словосочетанием и имеет семантическую структуру «не имеющий чего-либо».

Во-вторых, данный словарь представляет интерес с точки зрения разработки принципов перевода для языков, имеющих существенные различия в культурном фонде. В этом случае многие исходные слова не получают «чистых» переводных эквивалентов. Лексикографическая обработка таких этнолингвистически маркированных слов может проводиться несколькими способами. Все они нашли отражение в рассматриваемом трехтомнике. Проиллюстрируем эти способы: 1) в качестве перевода дает-

ся заимствованное слово и в скобках – его дефиниция: газон – газон (зэ лу бонни, фонзы гынчян дэ хуайуанни жунхади цо тьянзы); 2) в качестве перевода предлагается сложное слово, построенное из дунганских элементов и снабженное пояснением в скобках: гавань – ху чуанзан (ён хэбянни жэ фын дэ лонди вар); 3) переводом является словосочетание: газетчик – 1. мэ боди жын 2. боди зуэ гунжын; 4) перевод – словосочетание снабжается пояснением в скобках: газопровод – чинчи тунзы (михади ла чинчиди тунзы); 5) подбираются переводы, имеющие каждый в отдельности более узкое значение, чем русское слово, но в совокупности покрывающие его семантику: гирлянда – ху-арбянзы, цобянзы, хуарлянзы, цолянзы; 6) переводом является новообразование из уже объясненного заимствованного слова и дунганского суффикса: гагачий – гагади. Встречаются также различные сочетания рассмотренных способов, например: заимствование, словосочетание, примерный лексический эквивалент (генезис – генезис, гынбын чўшы, фасын). Встающие здесь проблемы весьма актуальны для любых проектов в области двуязычной лексикографии.

3. Каковы пути возможного совершенствования большого русско-дунганского словаря? Укажем лишь некоторые из таких направлений, релевантных, кстати, и для других типов словарей. Важно было бы яснее отразить динамику дунганского языка, становление его литературной нормы. Так, полезно было бы ввести маркировку различия между устоявшимися терминами и новообразованиями, еще не вошедшими в язык, в общепринятое употребление.

Специальной разработки требует проблема перевода фразеологических оборотов. Полезно указывать, что часто перевод является буквальным: у меня душа в пятки ушла – букв. *цин тёди да кунн чўлэли*, изменить в корне – букв. *цунда гынзышон ё гэбянни* и т.д. И, кроме того, в дополнение к буквальным переводам, желательно подбирать, где это возможно, дунганские фразеологические соответствия (или хотя бы более литературные переводы).

Требует единообразного подхода и проблема выбора списка переводных эквивалентов. Иначе остается неясным, насколько полон этот список в каждом конкретном случае. Возможности пополнения словарных статей подтверждаются проведенными нами полевыми экспериментами по изучению дунганских синонимов. Так, выясняется, что статью слова левый – *зуэ, зуэди* можно дополнить лексемами *зуэбонди* и *зуэмярди*.

Необходимо обратить внимание на круг вопросов, касающихся грамматической трактовки явлений дунганского языка: она требует большей четкости и последовательности. На сегодня словарные статьи прилагательных построены не единообразно с

точки зрения использования суффикса – *ди*: *высокий – го, го-ди*, *кислый – суан*, *горький – лади, кўди*. То же относится к статьям наречий: *вертикально – чошон*, *жадно – жишыди*, *горько – кў, кўди, ла, лади*. Значительный разноречивостью наблюдается при подаче родственных слов. С одной стороны, есть случаи, когда родственные существительные, прилагательные и наречия присутствуют в словаре и имеют словарные статьи, либо слегка различающиеся (не всегда ясно, по каким причинам), либо полностью совпадающие, как это имеет, например, место для слов *внезапность, внезапный, внезапно: мынмынди, мынга-лю-люди*. С другой стороны, многие родственные слова отсутствуют в словаре. Нет, например, наречий *беспокойно, весело, вяло, дико, красиво*, при наличии соответствующих прилагательных. Такого же рода непоследовательности имеются и в глагольных гнездах. Существительные отвлеченного действия в одних случаях приводятся в словаре (причем их грамматическое оформление колеблется: либо они совпадают с глагольной основой, либо оформляются показателем *-ди*), в других – отсутствуют: *гашение, вскапывание, восполнение* и т.д.

Представляется, что решение этих принципиальных лексикографических вопросов может идти для языка рассматриваемого типа по пути написания развернутого содержательного предисловия и упрощения словарных статей. А именно: в предисловии можно было бы объяснить стандартные способы перевода на дунганский язык русских отвлеченных существительных как от глагольного, так и от адъективного типов, наречий, глаголов несовершенного вида (путем отбрасывания модификаторов), а сам словарь разгрузить от стандартно переводимых русских слов или дать их в более компактном виде. Здесь, впрочем, мы имеем дело с весьма распространенной чертой двуязычных словарей, которые пока еще явно недостаточно учитывают типологические особенности описываемых языков.

4. Рассмотренный нами словарь, вместе с другими исследованиями по дунгановедению, подготавливает почву для очередного шага дунганской лексикографии, каковым может быть создание современного дунганско-русского словаря с многоаспектной информацией о каждом слове. Представляется, что немаловажно при этом, во-первых, учитывать богатейший опыт китайской лексикографии и, во-вторых, использовать данные экспериментальных полевых исследований [см. «Вопросы дунганской лексикологии и лексикографии (Материалы к семантической типологии)» под ред. Б.Ю.Городецкого и М.Х.Имазова, Бишкек: Илим, 1991].

О ПРИРОДЕ И ВИДАХ СИНКРЕТИЗМА В СКЯ

Базисной единицей СКЯ является ханьцзы, или син-грамма (в терминологии Н.П.Лысенко). В своем графическом и фонетическом облике силлабемы она является номинативной доминантой в сознании носителей китайского языка. Все остальные значимые единицы, которые условно можно назвать морфемами, словами и словосочетаниями, имеют по отношению к ней вторично-функциональный статус.

Доминирующая семантико-номинативная роль ханьцзы во многом определяет физиономию современного китайского языка, делая его тем самым симбиозом старых форм вэньяня и современных форм путунхуа (на что неоднократно указывал Н.Н.Гортков).

Изучение вэньяня, который дошел до нас только в письменных памятниках (мы можем лишь строить предположения о состоянии устно-разговорных норм языка того периода), дает возможность исследователям сделать вывод об отсутствии в его системе морфемного уровня и о наличии в ней лишь «морфемного фона» (термин Н.В.Солнцевой и В.М.Солнцева).

Исходя из того, что морфемы и слова вторичны по отношению к ханьцзы, мы считаем, что обе эти единицы существовали в данной системе языка синкретично. Под синкретизмом в языке мы понимаем способность языковой единицы в одном акте своего использования выполнять функции двух и более разноуровневых единиц (быть, например, словом и морфемой одновременно), либо двух и более разнородных единиц (т.е., например, выполнять одновременно роль корневой и словообразовательной морфемы).

Функционирование ханьцзы в виде морфемы и в виде простого слова — явление в высшей степени типичное для СКЯ. Вместе с тем, одним из проявлений симбиозности современного состояния китайского языка является, на наш взгляд, синкретичность его единиц различных видов.

Можно выделить три типа проявления синкретизма в СКЯ: 1) способность единицы в одном акте своего использования выполнять функции нескольких разноуровневых единиц; 2) способность выполнять функции нескольких разнородных единиц одного уровня; 3) комбинированный тип.

В рамках первого типа можно выделить следующие разновидности:

1. Слово-словосочетание. Комплекс может быть диагностирован основными признаками и слова (номинативность, воспроизводимость, относительная синтаксическая самостоятельность) и словосочетания (нецельнооформленность, относительная синтаксическая самостоятельность компонентов). Примерами такого

рода единиц могут быть «слова», построенные по глагольно-объектному типу связи с так называемым «пустым» дополнением. Это комплексы типа *чи* 'есть' + *фань* 'еда' > *чифань* 'есть, кушать', *цзоу* 'идти' + *лу* 'дорога' > *цзоулу* 'идти', *нянь* 'читать' + *шу* 'книга' > *няньшу* 'учиться', *хуа* 'рисовать' + *хуа* 'рисунок' > *хуахуа* 'рисовать' и т.д. Такого рода образования характеризуются высокой степенью воспроизводимости, что безусловно относит их к слову, вместе с тем легко допускают разрыв компонентов, что является признаком словосочетания. Например: *чилэ сань цы фань* 'съел три раза еда' – 'трижды поел', *няньлэ сань няньдэ чжунвэнь шу* 'читал четырехгодичную китайскую книгу' – 'четыре года изучал китайский язык'.

2. Служебное слово – грамматическая морфема. К проявлению синкретизма такого вида относится, как нам кажется, функционирование ханьцзы *бэй*. Традиционно он рассматривается как грамматический показатель (аффикс) страдательного залога. Вместе с тем, по нормам китайской грамматики, инверсия дополнения в препозицию к сказуемому сопряжена с присоединением к дополнению служебного слова – предлога. Полносоставные предложения пассивного строя в СКЯ всегда характеризуются препозитивной позицией дополнения–субъекта, перед которым и стоит *бэй*. Следовательно, в одном акте своего использования эта единица выполняет функцию аффикса по отношению к глаголу–сказуемому в виде аналитического варианта грамматической формы и служебного слова–предлога по отношению к дополнению. Появление иного служебного слова с аналогичной функцией по отношению к дополнению разрушает синкретичность функционирования *бэй* и делает его монофункциональным.

Ко второму типу можно отнести следующие разновидности:

1. Полнозначное слово – служебное слово. К этому виду проявления синкретизма можно отнести группу глаголов–предлогов, описанных С.Б.Янкивер, которые бифункциональны в своем поведении. К таковым относятся: *дао* 'в, к', *шан* 'в, к', *чао* 'в, к', *ван* 'к, в', *юн* 'с помощью', *на* 'с помощью', *ба* 'с помощью', *сян* 'к, в', *ти* 'вместо', *вэй* 'к'.

2. Корневая морфема – словообразовательная морфема. Известно, что процессы словосложения в СКЯ синтагматически носят довольно жесткий характер. В ходе словопроизводства один из элементов, не изменяя своей семантики, начинает использоваться для образования значительных рядов слов, т.е. выступает одновременно и как корневая, и как словообразовательная морфема. Единиц такого типа в СКЯ достаточно много, и список их в принципе не закрыт. Примерами единиц такого рода могут служить *сюе* 'учение', с помощью которого образуется значительный ряд слов типа русских на -логия, *шу* 'дерево' – ряд названий деревьев, *ци* или *чэ* 'машина, транспортное средство', *ци* 'механизм, аппарат', *жэнь* 'человек', *вань* 'заканчивать' и т.д.

Номинативно-лексическая семантика этих единиц совершенно прозрачна, многие из них с той же семантикой функционируют как простые слова, и это позволяет рассматривать их в рамках сложного слова как корневые морфемы. Функционально же они ведут себя как словообразовательные морфемы.

3. Словообразовательная морфема – формообразовательная морфема. Внешняя морфология в виде формообразования в СКЯ представлена довольно скудно. Все ее элементы – достаточно позднего образования. Об одном из них – *бэй* – уже говорилось выше как о синкретичной единице. Аналогичными характеристиками обладают, на наш взгляд, по крайней мере еще два элемента – глагольные аффиксы *-го* и *-лэ*. Первый восходит к глаголу 'проходить', пройдя через стадию словообразовательной морфемы, семантика которой коррелирует, подобно глагольным приставкам русского языка, с семантикой корневой морфемы, грамматикализовался и в качестве грамматической морфемы передает значение неоднократного давно прошедшего времени.

Вместе с тем, в некоторых случаях своего употребления значение времени дополняется и значением результативности, которое свойственно *-го* как словообразовательной морфеме. Например: *Вомэнь цзоуго бу шао дифан, цзю мэю даого Гуйлинь*. – 'Мы исходили немало мест, но не добирались до Гуйлиня'.

Более сложная картина имеет место при анализе суффикса *-лэ*, которому свойственны и производно-результативные, и грамматические, и модальные значения.

Говоря о первых двух значениях, нужно отметить, что в СКЯ существует словообразовательный суффикс *-ляо* и его алломорф

-лэ, передающие различные, зависимые от семантики корневого элемента, значения результативности, и суффикс *-лэ*, передающий значение прошедшего времени. В достаточно большом числе случаев своего использования при глаголах с нерезультативной структурой этому элементу присущи обе эти функции. Например: *Во ицзин майлэ чэяо* 'Я уже купил билет'; *Каньлэ дяньин во цзю хуэй цзя цюйлэ* 'Я посмотрел фильм и пошел домой'.

Разрушение синкретичности поведения *-лэ*, т.е. оставление за ним только функции формообразовательной морфемы, возможно при введении в состав глагола словообразовательного элемента с результативным значением: *Чэяо во ицзин майхаолэ* 'Билет я уже приобрел'; *Каньваньлэ дяньин во цзю хуэй цзя цюйлэ* 'Я досмотрел фильм и пошел домой'.

С поведением этого элемента связан третий тип проявления синкретизма в СКЯ – комбинированный. В СКЯ имеется модальная частица со значением появления нового свойства или качества. Она фиксируется отдельным ханьцзы *ла* и ставится в конце предложения. Довольно часто этот элемент заменяется

указанным выше *до*, который оформляет глагол-сказуемое, стоящий на конце предложения. В этом случае на него накладывается тройная функция: результативно-словообразовательной морфемы, формообразовательной морфемы и модальной частицы. Например: *Ни кань, хуа доу кайдо* 'Ты посмотри, цветы-то все распустились'; *Чжэе цы во доу ванло* 'Все эти слова я позабыл'.

Н.Я.Губарь
(Владивосток)

ИССЛЕДОВАНИЕ ГРАММАТИЧЕСКОЙ СИНОНИМИИ СОВРЕМЕННОГО КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА В РАБОТАХ КИТАЙСКИХ ЛИНГВИСТОВ

При описании грамматической системы китайского языка китайские лингвисты давно применяли метод преобразования [Люй Шусян 1956] и отмечали существование разных грамматических форм, обладающих единым содержанием (без анализа условий и степени их общности) [Ван Хуань 1957; Люй Шусян, Чжу Дэси 1951; Ханьюй-ды... 1956].

Наличие в языке предложений разных структур для выражения одного и того же смысла также отмечалось в работах по стилистике китайского языка и объяснялось только стилистическими особенностями. В работе Чжан Гуйи аналогичное лексической синонимии явление в синтаксисе называется «цзюйцзы-ды тун'и сяньсян». Наряду с выделением разноструктурных построений, имеющих одинаковое содержание, выделяются разнородные явления, которые не могут быть объяснены как синтаксические синонимы (например, разные способы постановки вопроса) [Чжан Гуйи 1960].

Активное исследование грамматической синонимии в китайском языке началось в 80–90 годы, когда широко стали использоваться трансформационная грамматика и сравнительный метод при анализе и описании грамматической системы языка.

При выделении синонимичных конструкций очень важным является выявление критериев соотносимости. Чжу Дэси считает, что «принципы параллелизма», заключающиеся в сохранении лексических единиц определенных семантических классов, общего грамматического значения структуры, возможности вступать в одинаковые трансформационные отношения с другими структурами, являются надежными критериями при выявлении синонимичности конструкций на разных уровнях: структуры, грамматического значения и смысла [Чжу Дэси 1986].

Автор многочисленных исследований по вопросам синтаксиса китайского предложения Ли Линьдин описывает трансформационные отношения, исходя из теории падежей Ч.Филлмора и

смысловых структур [Ли Линьдин 1986]. На основе пяти основных падежей «гэ» на большом практическом материале в работе описываются 61 преобразование 17 основных структур, среди которых 40 синонимичных. Основой синонимии признается одинаковое количество компонентов и общее грамматическое значение.

Основываясь на предыдущих исследованиях, Лю Суньхань [1990] выделяет и описывает 46 синонимичных конструкций и, в зависимости от совпадения тех или иных компонентов значений, выделяет разные типы синонимов: дэн' и цзюй (с одинаковыми значениями) и цзинь' и цзюй (с близкими значениями).

Описание грамматических синонимов осуществляется через сопоставление их структур, компонентами которых являются: субъект, объект, предикат, определение к имени, дополнительные элементы перед или после сказуемого. Грамматические синонимы определяются как разные синтаксические конструкции, имеющие смысловую общность, совпадающие по лексическому составу при возможном различии служебных элементов, обладающие смысловыми и стилистическими оттенками. При возможности трансформации синтаксические синонимы, по мнению автора, не всегда взаимозаменяемы в контексте. Таким образом, взаимозаменяемость не является условием синонимии.

В настоящее время явление грамматической синонимии рассматривается как многообразие форм и богатство языка. О большом внимании к изучению этого явления свидетельствует включение этих вопросов в определенные разделы грамматик и работ по стилистике [Хуан Юэчжоу 1985; Чэнь Цзяньминь 1984].

ЛИТЕРАТУРА

Ван Хуань. БА цзыцзюй хэ БЭЙ цзыцзюй. – Шанхай, 1957; Ли Линьдин. Ханьюй бицзяо бяньхуань юйфа. – Пекин, 1986; Лю Сунхань. Сяньдай хяньюй тун'и цзюй яньцзю. – Нанкин, 1990; Люй Шусян. Чжунго вэньфа яолюэ. – Шанхай, 1956; Люй Шусян, Чжу Дэси. Юйфа сюцы цзянхуа. – Пекин, 1951; Чжан Гуйи. Сюцы-ды муди, нэйжун хэ сюеси//Юйвэнь сюеси, 1960. № 1; Чжу Дэси. Бяньхуань фэньсичжун-ды пинхэнсин юань-цзэ//Цзюйсин хэ дунцы. – Пекин, 1986; Чэнь Цзяньминь. Ханьюй коуюй. – Пекин, 1984; Ханьюй-ды чжуюй биньюй вэньти. – Пекин, 1956; Хуан Юэчжоу. Сяньдай ханьюй-ды исе тун'и юйфа синши//Юйянь цзяосюе юй яньцзю, 1985, № 3.

О СВЯЗОЧНОЙ КОНСТРУКЦИИ В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Конструкция со связкой *shi* (далее – «связочная конструкция», СК) не относилась в китайском языкознании к числу особо сложных и интересных явлений синтаксиса. Ей посвящены немногочисленные специальные работы и разделы в грамматических описаниях китайского языка, которые фиксировали полифункциональный характер *shi* (собственно связка; «чистый» маркер – показатель коммуникативного фокуса высказывания; семантический элемент, соотносимый с глаголом *you* 'иметь' в бытийных предложениях) и выделяли логико-грамматические типы СК (идентификация, подведение под категорию). Однако некоторые вопросы классификации СК и особенности их строения требуют уточнения с учетом исследований в области прагматики, теории референции, лингвистики текста [например: Арутюнова 1976; Серль 1982; Стросон 1982; Падучева 1985 и др.].

Многозначный характер связки в различных языках создает трудности при разграничении типов СК. Связка может функционировать как показатель тождества, оператор включения в предложениях характеристики, квантор существования в экзистенциальных конструкциях. Китайский язык здесь не исключение, поэтому необходимы критерии для такого разграничения.

В современном языкознании одним из критериев является признак кореферентности именных групп (ИГ), что позволяет отграничить предложения характеристики типа *Ta shi gongchengshi* 'Он – инженер' (отношения включения), а также словарные дефиниции (отношения синонимии, где связка = 'значить') от СК других типов. Поскольку указанный критерий недостаточен для разграничения именуемых высказываний (связка = 'звать, называться') и высказываний тождества, Д.Вайс на материале русского и немецкого языков, приписывая всем высказываниям тождества метаязыковой характер, вслед за Н.Д.Арутюновой вводит прагматическое ограничение для последних, а именно – принцип возведения к известному [Вайс 1985]. Суть принципа состоит в том, что два приравниваемых выражения коммуникативно неравноценны: говорящий (Г) предполагает, что референт первого выражения неизвестен адресату (А), а референт второго известен¹. Идентификация, таким образом, связана с ситуацией узнавания.

¹ Оппозиция «известное/неизвестное» у Д. Вайса не совпадает с понятиями «старое» и «новое», а коррелирует, скорее, с такими признаками референтных ИГ, как «определенность» и «слабая определенность», предлагаемыми Е.В.Падучевой [Падуч-

Подход, предлагаемый Д. Вайсом, интересен, во-первых, тем, что требует обращения к текстовым категориям для интерпретации СК (вне контекста многие высказывания оказываются двусмысленными), а, во-вторых, позволяет определить место высказываний тождества в процессе развертывания текста: это последний этап постепенной идентификации, если предшествующий акт референции был неудачен, причем прибегнуть к нему Г может не раньше, чем предмет речи окажется включенным в фонд знаний А. Таким образом, установление кореферентности имен расширяет сферу внутритекстовых номинаций и входит тем самым в арсенал текстообразующих средств.

Перечисленные выше критерии могут быть использованы для разграничения типов СК в китайском языке. Опорными точками для этого служат как особенности строения СК (к какому классу принадлежат ИГ: собственные имена, шифтеры, дескрипции; какое место – справа или слева от связки – они занимают), так и речевой контекст. Последний зачастую оказывается решающим при интерпретации высказываний, в которых справа от связки стоит дескрипция:

1. *Zhege ren shi wode fuqin* 'Этот человек – мой отец'.

Правая часть здесь может прочитываться как предикатно (например, в ситуации знакомства), так и референтно. Соответственно, высказывание является бифункциональным: может выражать либо характеристику, либо идентификацию. Все зависит от типа дескрипции.

В китайском языке широко используются СК типа *shi ... de* и *de shi*. Строго говоря, данные структуры не являются оригинальными синтаксическими конструкциями, а представляют собой СК, различающиеся лишь местом расположения дескрипции: в первом случае справа от связки, во втором – слева. Связка *shi* здесь – пограничная линия между двумя выражениями, а *de* – рамка дескрипции. Тань Аошун характеризует СК с *de shi* как предложения тождества, а с *shi ... de* – как квазитождество [Тань Аошун 1985]. Однако довольно сложно а priori квалифицировать тип СК вне речевого контекста. Можно говорить лишь о том, что дескрипция слева от связки, скорее всего, имплицитно референтную интерпретацию, а все высказывание может прочитываться как идентифицирующее (разумеется, если индекс или дескрипция имеют статус «референтно определенной» ИГ):

2. *Tamen zher zui tiaopide shi Xiao Yun* 'Среди них самой капризной была Сяо Юнь'.

Соответственно, дескрипция справа от связки зачастую (но не всегда) предполагает нормальную предикацию (отношения характеристики):

чева 1985]. Использование последних представляется более удачным, т.к. позволяет избежать терминологической путаницы.

3. *Ta shi zuotian laide* 'Он вчера приехал'.

Считается, что высказывания типа (3) передают значение совершенного действия в КЯ. В принципе, это могло бы служить доводом в пользу трактовки предложений с *shi ... de* как самостоятельной конструкции с определенным грамматическим значением. В действительности дело обстоит несколько иначе, поскольку оказывается допустимым вариант:

4. *Ta shi mingtian yao zoude* 'Он завтра должен уехать'.

Употребление глагола в дескрипции (4) без модального глагола отвергается носителями китайского языка как неприемлемое. Однако выражение *mingtian zoude* вполне корректно, например, в позиции слева от связки:

5. *Mingtian zoude shi ta* 'Тот, кто завтра уезжает, – он'.

Из примеров (4) и (5) видно, что: во-первых, высказывания с *shi ... de* реализуются и тогда, когда действие еще не совершено; во-вторых, в этом случае в дескрипцию справа от связки должен быть введен модальный глагол; в-третьих, указанное ограничение отнюдь не связано с отсутствием в китайском языке соответствующей языковой формы (подобно отсутствию причастий будущего времени как нормативного образования в русском языке).

Можно предположить, что асимметричность в языковом оформлении дескрипции типа *mingtian zoude* слева и справа от связки (обязательная маркированность модальным глаголом в (4) и факультативная – в (5)) связана, главным образом, с особенностью выражения модальных значений ирреальности, потенциальности, необходимости и возможности.

Взаимосвязь будущего времени и ирреальности (потенциальности) хорошо известна. В свою очередь, оценка ирреальной ситуации с точки зрения необходимости или возможности требует выбора соответствующего модального оператора: «Необходимо, что Р» либо «Обязательно, что Р». В случае (5) экспликация оператора не требуется, т.к. дескрипция – в пресуппозитивной части высказывания: «Существует объект Х, который должен Р». В примере (4) дескрипция находится в ассертивной части, что вынуждает говорящего вербально определить тип оператора.

Вероятно, сходным образом можно объяснить и факультативность модального глагола в высказывании без связки *Ta mingtian zou*, где в коммуникативном фокусе находится не вся группа сказуемого, а только *mingtian* (высказывание отвечает на вопрос «Когда Р?». Соответственно, распределение информации в пресуппозитивной и ассертивной части имеет вид:

$\exists(\exists x Fx)$ и $(\exists Fx)$,

где $\exists$ – оператор дескрипции, F – свойство «уезжать», t – момент времени. Как видим, дескрипция расположена в пресуппозитивной части, отсюда – неактуальность типа модального оператора для коммуникантов.

В китайском языке связочные конструкции типа *Qiangshang shi huar* 'На стене картина' традиционно сопоставляются с бытийными предложениями с глаголом *you*. Вопрос о том, следует ли относить указанный тип СК к категории экзистенциальных (т.е. используется ли данная конструкция специально для указания на факт существования некоторого объекта в пространстве), предполагает скорее отрицательный ответ.

Семантические различия между *Qiangshang shi huar* и *Qiangshang you huar* достаточно очевидны и известны: в предложениях с *you* (бытийных) осуществляется операция с квантором существования, тогда как в связочной конструкции факт существования объекта X содержится в презумпции, а утверждается (либо отрицается), например, идентичность X-а некоторому другому объекту.

Можно заключить, что СК в китайском языке реализуются в таких логико-семантических типах, как предложения тождества, характеристики, а также в именующих выражениях. При этом связка *shi* не функционирует как квантор существования, а соответствующие СК не входят в парадигму экзистенциальных.

ЛИТЕРАТУРА

Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. – М., 1976; Вайс Д. Высказывание тождества в русском языке; опыт их отграничения от высказываний других типов//Новое в зарубежной лингвистике (НЗЛ). – М., 1985. Вып. 15; Падучева Е.В. Высказывание и его соотносительность с действительностью. – М., 1985; Серль Дж. Речевые акты//НЗЛ. – М., 1982. Вып. 13; Строссон П.Ф. О референции//НЗЛ. – М., 1982. Вып. 13; Тань Аошун. Актуальное членение и универсальные коммуникативные категории высказываний в китайском языке//Вестник МГУ. Сер. 13. Востоковедение, 1985, № 4.

Н.А.Демина
(Москва)

МЕТОДИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПРЕПОДАВАНИЯ ПРАКТИЧЕСКОГО КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА

Китайский язык – один из древнейших языков мира, на котором сейчас говорит более миллиарда человек, т.е. около четверти населения планеты.

Развитие политических, экономических, научно-технических и культурных связей с Китаем требует подготовки большого количества китаеведов, которые смогут существовать такое сотрудничество на всех уровнях.

Современные специалисты-китаеведы должны владеть всеми аспектами китайского языка, знать все его формы: устную и письменную, просторечную и литературную.

С этой целью должна быть создана методика преподавания китайского языка для средних и высших учебных заведений, отвечающая современным реалиям. В методике должны быть определены задачи преподавания китайского языка в конкретном учебном заведении, определено содержание обучения (отбор языкового материала, который должен стать основой для развития умений и навыков чтения и устной речи), а также разработана система методов и приемов, обеспечивающих наиболее эффективные пути усвоения знаний, умений и навыков.

В данном докладе излагаются основные принципы методики преподавания практического китайского языка в высшей школе в условиях, когда изучение китайского языка является неотъемлемой составной частью общей профессиональной подготовки студентов (МГЛУ готовит референтов-переводчиков). Свободное владение китайским языком является конечной целью обучения.

В традиционной методике цель обучения китайскому языку сводилась к овладению системой языка, т.е. к созданию языковой компетенции, что давало возможность готовить специалистов с неплохой лингвистической подготовкой, но эта методика не обеспечивала в большинстве случаев свободного общения на китайском языке. В настоящее время в основу обучения студентов МГЛУ положена способность к коммуникативно-речевой деятельности. Но это вовсе не означает, что вопрос овладения системой языка отпадает или решается сам собой.

Коммуникативная ориентация по-новому ставит вопрос о взаимосвязи языковой и коммуникативной компетенции – создании целостной структуры компетенций у выпускников МГЛУ.

В методическом плане это означает, что при сохранении лучшего из наследия традиционной методики необходимо усилить коммуникативный аспект обучения.

На наш взгляд, этого можно достичь при соблюдении следующих принципов: 1) коммуникативной направленности обучения; 2) подчинении языковых знаний развитию речи; 3) отборе и представлении языкового материала по практической грамматике с учетом ситуативно-тематических аспектов; 4) переходе от сознательного обучения языку к автоматизации навыков, порождающих речь; 5) сочетании языковой тренировки с речевой практикой; 6) поэтапности в обучении и концентрации подачи учебного материала; 7) новизне, касающейся содержания учебных материалов, условий обучения, приемов обучения, форм организации учебного процесса и т.д.; 8) комплексном обучении всем видам речевой деятельности на основе развития устной речи.

1. Коммуникативная направленность обучения подразумевает такое обучение, при котором все аспекты изучения языка (фонетика, грамматика, лексика и иероглифика) с самого начала должны служить основной цели – научить студентов использовать китайский язык как средство общения. Учащийся должен быть постоянно вовлечен в процесс общения (с преподавателями, другими студентами, с книгой и т.п.). Для этого необходимо, чтобы любой речевой материал (фраза, текст) имели коммуникативную ценность, т.е. использовались носителями языка в процессе общения.

Коммуникативная направленность определяет и систему управлений, которая используется при обучении китайскому языку. Коммуникативность – не только цель, но и средство для ее достижения, с помощью которого у студентов вырабатывается способность к новой речевой деятельности – общению на китайском языке. Поскольку такая способность складывается лишь в процессе речевой практики, практическое овладение китайским языком возможно только в результате многократной, продолжительной тренировки: аудирования, говорения, чтения и письма. Без такой практики не может быть и речи о способности к речевой деятельности, каким бы толковым ни было объяснение преподавателем грамматических и лексических явлений языка, сколько бы ни было ознакомительных, закрепляющих и аналитических упражнений. Это не значит, что можно не считаться с теорией языка. Наоборот, большое значение придается изучению фонетики, грамматики, морфологии и синтаксиса, лексики и иероглифики. На занятиях обеспечивается объяснение всех основных понятий китайского языка как системы. На старших курсах преподавание грамматики, лексикологии и стилистики выделяется в самостоятельные курсы.

2. В процессе общения всегда используется определенная система речевых средств. При обучении умению общаться студенты не в состоянии (из-за ограниченности аудиторного времени) усвоить всю систему речевых средств в полном объеме. Поэтому происходит отбор текстов, речевых единиц, словосочетаний, а также определяются способы их организации: ситуации и проблемы, которые в совокупности представляют собой ту сферу общения, к которой готовятся студенты.

Основное содержание урока при коммуникативном подходе составляют разнообразные упражнения в речевой деятельности.

3. Изучение китайского языка необходимо связывать с национальной культурой, поэтому учебные материалы должны быть оригинальными, взятыми из китайских источников, а упражнения к ним должны иметь коммуникативную ценность, т.е. могли бы быть использованы в процессе общения с носителями языка. Необходим также тщательный отбор и представление языкового материала по практической грамматике с учетом ситуативно-те-

математических аспектов. Отбор и представление языкового материала всегда связан с изучаемой темой.

4. Обучение студентов основывается на принципе «от сознательного к бессознательному» (по А.А.Леонтьеву, «сверху вниз»). Этот принцип обеспечивает правильное соотношение аналогии, интуиции, произвольного запоминания и дискурсивности (использование правил). Учитывая соотношение между языком и речью, на практических занятиях всегда на первое место ставится комплексное обучение, которое сочетается в должной мере с обучением лексике и грамматике в речевых моделях. Систематически обращается внимание на комплексное применение языковых явлений и создание речевых навыков, которые служат основой для умения.

5. Практическое овладение китайским языком является основной целью обучения, поэтому главное место на занятиях занимает речевая практика, где китайский язык используется как средство общения, а не как языковые упражнения на усвоение самой структуры языка. На занятиях у студентов вырабатывается способность к новой речевой деятельности – общению на китайском языке. Поскольку такая способность складывается лишь в процессе языковой практики, практическое овладение языком возможно только в результате многократной, продолжительной тренировки в аудировании, говорении, чтении и письме.

6. Коммуникативный учебный материал дозируется с учетом языковых навыков учащихся.

Это предъявляет высокие требования к отбору языковых средств, которые должны быть достаточно типизированными и наиболее важными для общения в той или иной ситуации. Это касается не только материала учебного пособия, но и того материала, который вводит на занятиях преподаватель, удовлетворяя коммуникативные потребности студентов. В речевых упражнениях необходимо сознательно, но незаметно для обучаемых держать меры разумного, методически целесообразного насыщения, а не перенасыщения материала, уметь направлять студентов на успешное выполнение коммуникативных задач, главным образом, с помощью новой организации уже имеющихся у них в запасе языковых средств – только на этой основе вводится языковой материал.

7. Для успешной реализации коммуникативного обучения чрезвычайно важно, чтобы принцип новизны охватывал весь учебный процесс и проявлялся в содержании материалов (текстов, упражнений, выборе видов уроков и заданий, приемов обучения). Тексты, которые читают или аудируют студенты, должны нести им нечто новое, неизвестное. Высказывания на любом этапе обучения не должны полностью повторяться в том же виде и в той же форме, также постоянно должны обновляться ситуации, которые предлагаются студентам.

8. Речевая деятельность конкретизируется в говорении, аудировании, чтении и письме. Выбатывать навыки речевой деятельности — это значит формировать у студентов способность говорить, слушать, читать и писать на китайском языке.

Практика показывает, что самым целесообразным является комплексное обучение всем видам речевой деятельности на устной основе.

Преподаватели китайского языка МГЛУ ведут обучение студентов по этой методической системе.

Студенты уже на 3-м курсе, обучающиеся по этой методике, довольно свободно оперируют бытовой и политической лексикой, предусмотренной темами программ, и успешно выступают в качестве устных переводчиков при работе с носителями языка.

Дин Кэжэнь
(КНР)

ПРОБЛЕМА ПЕРЕВОДА СОЦИАЛЬНЫХ ДИАЛЕКТИЗМОВ С РУССКОГО ЯЗЫКА НА КИТАЙСКИЙ

Социальные диалекты (профессиональные жаргоны, групповые жаргоны, жаргон деклассированных и уголовные «языки») — это такие языковые образования, которые служат средством общения для лиц, входящих в определенные социальные или профессиональные группировки.

Социальные варианты языка и речи, или социальные диалекты, входят в понятие стратификационной вариативности языка, которая «самым непосредственным образом связывается с социальной структурой общества» (А.Д.Швейцер). Использование этих социальных вариантов в конкретной речи в зависимости от социальной ситуации принадлежит ситуативной вариативности речи (А.Д.Швейцер).

Наблюдения над единицами социальных диалектов, вводимыми писателями в литературные произведения, свидетельствуют о том, что они (единицы) используются как лингвосоциопоказатели, т.е. в качестве маркеров, указывающих на общественное положение персонажа, с одной стороны, а с другой, — на социальную ситуацию конкретной речевой коммуникации. Например: *«Воронцов повернулся к двум налетчикам. — На лица наденьте чулки, это лучше любых масок. Без ножей и стрельбы — все должно быть тихо. — Он говорит, чтоб без мокрухи, — пояснила Анна Федоровна. Налетчики молча кивали. — Без мокрухи, — брезгливо повторил Воронцов»*. По употребленному в фрагменте уголовному арготизму *мокруха* 'убийство, кровь' можно идентифицировать а) принадлежность говорящего к определенной социальной группе, б) речевую ситуацию и в) ролевые отношения

между говорящими: уголовники (а) разговаривают между собой (в) в своей среде на своей территории (б). Очевидно, что, помимо денотативного значения, единицы того или иного социального диалекта содержат и коннотативные компоненты значения, дополнительную информацию. Эта информация используется автором в качестве изобразительных средств при создании образов персонажей или колорита произведения.

В конкретной речевой ситуации единицы социальных диалектов могут выполнять следующие функции: 1) социально-показательную, 2) эмоционально-экспрессивную, 3) стилеформирующую, 4) металингвистическую и 5) функцию речевой характеристики. Выполнение этих функций социально-маркированной лексики в тексте перевода непосредственным образом связано с передачей стиля оригинального произведения и тем самым с достижением прагматической цели автора в целом.

Проблема передачи социальных диалектизмов русского языка на китайский язык еще не изучена. Но в переводческой практике нередко наблюдается тенденция передачи их сугубо литературными единицами языка, что не обеспечивает сохранности стилистической окраски оригинала.

Как передать функции социальных диалектизмов русского языка в художественном произведении при переводе их на китайский язык, как добиться функционально-стилистического соответствия перевода подлиннику? Для этого мы предлагаем определенные способы и приемы.

1. Перевод профессионализмов.

Под профессионализмами понимаются полуофициальные и совершенно неофициальные слова или словосочетания, на являющиеся строго научными обозначениями понятий, т.е. просторечные эквиваленты научных терминов, бытующие лишь в устной речи представителей какой-либо профессии и имеющие определенную эмоционально-экспрессивную выразительность. По стилистическому и коммуникативному статусу термин профессионализм синонимичен термину профессиональный жаргонизм.

Исходя из функций, выполняемых профессионализмами в художественной литературе, при переводе их на китайский язык целесообразно учитывать их следующие черты: 1) профессиональный колорит; 2) неофициальность (просторечность); 3) недоступность (зашифрованность); 4) метафоричность и образность.

Согласно этим чертам профессионализмы могут переводиться следующими приемами в соответствии с выполняемыми ими функциями в тексте:

- 1) аналогичными профессионализмами китайского языка;
- 2) в случае отсутствия таковых в ПЯ просторечными или разговорными словами или оборотами, которые употребляются в

аналогичной предметной (коммуникативной) ситуации, но без типичной для ПЯ национально-культурной специфики;

3) калькированными словами или выражениями;

4) буквально, в соответствии с их прямым значением, если это не нарушает норму ПЯ. При этом можно сопроводить перевод кратким пояснением или дать комментарий в сноске, в зависимости от функций данного профессионализма в тексте.

2. Перевод групповых жаргонизмов и арготизмов.

В понятие групповых жаргонизмов входят лексические единицы молодежных жаргонов (например, студенческий сленг, солдатский жаргон, жаргон спортсменов, жаргон молодых рабочих и т.д.) и различных жаргонов других малых социальных групп (например, жаргон хиппи и панков, жаргон музыкантов, жаргон коллекционеров, жаргон пьяниц и курильщиков, жаргон любителей пива или собак и т.д.). К арготизмам относятся лексические единицы воровского жаргона, уголовного жаргона, тюремно-лагерной блатной музыки и «условных языков» (типа «языка офеней»).

В зависимости от выполняемых жаргонизмами и арготизмами функций в художественном тексте и от контекста, предлагаются следующие возможные приемы для перевода их на китайский язык. Так, они могут передаваться:

1) аналогичными жаргонизмами и арготизмами китайского языка;

2) просторечными или разговорными словами или словосочетаниями, иногда с компенсацией;

3) по их литературному значению, если данные жаргонизмы и арготизмы образованы из общеупотребительных слов путем переосмысления, при этом можно снабжать перевод пояснением в тексте или давать без него, в зависимости от функций этих слов в тексте;

4) в транскрипции с разъяснением или без него, если это возможно в ПЯ;

5) метафоричными или образными выражениями, коннотативный компонент значения которых равен или близок оригиналу;

6) созданными переводчиком словами или словосочетаниями в соответствии с словообразовательными правилами ПЯ, денотативное и коннотативное значение которых должны соответствовать оригиналу;

7) калькированными словами, в соответствии с смысловой структурой оригинала.

Выбор того или иного приема для перевода социальных диалектизмов определяется задачей эквивалентной передачи коммуникативного замысла и прагматической цели автора оригинала.

СОВРЕМЕННЫЕ ДИАЛЕКТЫ И ПОСТСРЕДНЕКИТАЙСКИЕ ПАМЯТНИКИ

Лингвогеографический и структурный анализ диалектологических материалов последних лет (в том числе данных по морфологии китайских диалектов) позволяют по-новому оценить постсреднекитайские памятники разного типа, которые в той или иной степени отражают диалектное произношение.

В китайских традиционных фонетических словарях и таблицах рифм основным объектом описания, по сути дела, являлась изолированная слогоморфема, не охваченная фонологическим варьированием.

Те из памятников, которые относятся к XI–XII вв., – как на это обращает внимание, в частности, С.Е.Яхонтов, – повторяют аналогичные старые сочинения, зафиксировавшие среднекитайскую фонетику. Единственный памятник, в котором можно обнаружить живое произношение соответствующего периода, – это фонетические таблицы из мистического трактата XI в. «Хуан цзи цзин шу»: по результатам исследования С.Е.Яхонтова, они основаны на диалекте уезда Фаньян, находившегося неподалеку от нынешнего Пекина.

Иероглифические памятники, совершенно порывающие с традицией и опирающиеся на реальное произношение диалектов, появились лишь с XIV в. Самый известный из них – «Чжунъюань инь юнь» («Рифмы произношения Центральной равнины»), в котором впервые были отмечены четыре тона, в общем совпадающие с современными пекинскими. Слоги исторического тона жу-шэн распределены в «Чжунъюань инь юнь» по трем тонам в зависимости от качества (звонкости, глухости, сонорности) среднекитайских инициалей. Подобное «тройное» распределение тона жу-шэн, как об этом свидетельствуют новейшие лингвогеографические исследования, характерно для диалектов, которые охватывают – помимо северо-восточных провинций – также Хэбэй и северную половину провинции Шаньдун и поэтому условно могут быть названы хэбэйско-шаньдунскими.

В некоторых из диалектов хэбэйско-шаньдунского типа при этом слог с тоном жу-шэн и историческими глухими инициалами относятся, как в анализируемом памятнике, к современному тону шан-шэн, в других (например, в Цзинане) – к тону инь-пин либо, как в пекинском диалекте, иррегулярно распределены между разными тонами. Хэбэйско-шаньдунские черты «Чжунъюань инь юнь» обнаруживает также и в отражении рифм с историческим конечным *-k*. Вместе с тем те диалекты, которые в новейших классификациях именуются «диалектами Центральной равнины» (см. работы Ли Жуна), на самом деле «наследниками»

«Чжунъюань инь юнь» не являются: для них характерно иное, чем в этом памятнике, «двойное» распределение тона жу-шэн по современным тонам и иное отражение рифм с конечным *-k*. К сказанному можно добавить, что в системе носовых финалей «Чжунъюань инь юнь» все еще сохраняет конечный *-m*, ныне повсюду на севере исчезнувший, и остатки деления на исторические дэны («ряды» фонетических таблиц) тех финалей, которые имеют рифму *-an* в современном пекинском диалекте. Последняя особенность ограничена ныне в ареале гуаньхуа только диалектами Цзинь провинции Шаньси и диалектами нижнего течения Янцзы. Ср. в шаньсийском диалекте Вэньшун 戔 *tsən* 'война' (первый дэн), но 產 *tsóan* 'производить' (второй дэн).

Помимо «Чжунъюань инь юнь», существуют также другие поздние памятники традиционного типа, зафиксировавшие особенности диалектов не только северной, но также и южных групп (ср. материалы Ли Синькуя и работы А. Фуруя; последние специально посвящены малоизвестным южным памятникам). В свою очередь, те материалы, которые были созданы на северной основе, могут быть – подобно «Чжунъюань инь юнь» – соотнесены с разными подгруппами, выделенными в настоящее время внутри ареала гуаньхуа. Ср., например, «У шэн фаньце чжэн юнь» («Фаньце правильных рифм, расположенных по пяти инициалам») – таблицы, составленные уроженцем уезда Цюаньцзяо провинции Аньхуэй У Ланом в годы правления под девизом Цяньлун (XVIII в.). В них отражены два признака, характерных для современных диалектов гуаньхуа бассейна Янцзы:

а) сохраняется тон IV;

б) имеется шестичленная система носовых финалей серии «э», в которой – при исчезнувшем конечном *-m* – наблюдается также попарное слияние финалей нелабиального типа, соответствующих пекинским *-ən* и *-əŋ*, *-in* и *-iŋ*. Подобное слияние, а также отпадение конечного *-m* зафиксировано для диалектов гуаньхуа бассейна Янцзы на очень раннем этапе – в рифмах эпохи Сун. В то же время в хэбэйско-шаньдунских диалектах, считающихся менее архаичными, чем диалекты гуаньхуа бассейна Янцзы, конечный *-m* (ср. выше) сохранялся по крайней мере до XIV в., а носовые финали серии «э» до сих пор представлены двумя рядами с конечными *-n* и *-ŋ*, охватывающими слоги любого medialного статуса.

Подобно традиционным иероглифическим памятникам, слогоморфемный характер по сути дела несут также и постсреднекитайские транскрипции, записывающие средствами иноязычного письма чтение каждого иероглифа.

Для рассматриваемого периода речь идет прежде всего о транскрипции китайских иероглифов с помощью монгольской квадратной письменности, изобретенной в XIII в. (исследованию этой письменности посвящен ряд работ последних десятилетий).

Сохранились тексты, написанные параллельно иероглифами и буквами, а также рукопись знаменитого словаря «Мэнгу цзыюнь», составленного в 1308 г.. В значительной степени они опираются на произношение XIV в., однако фиксируют также и некоторые особенности архаического характера – очевидно как результат влияния памятников традиционного типа (ср. точку зрения Э. Пул्लиблэнка).

Живое произношение конца XIII – начала XIV вв. представлено в проанализированной А.А. Драгуновым персидской транскрипции «Мо цзюэ», которая – как это можно утверждать, опираясь на современные диалектные исследования – отражает особенности диалектов хэбэйско-шаньдунского типа.

К более раннему периоду – XII в. относятся тангутские транскрипции. Звонкие согласные, по данным М.В. Софронова, в тангутских транскрипциях исчезли; отсутствуют не только конечные импловивные, но также и все три конечных сонанта, характерных для среднекитайского. Подобная полная деназализация носовых финалей в пределах области распространения гуаньхуа характерна, во-первых, для некоторых диалектов Цзинь провинции Шаньси (фонетика которых и нашла свое отражение в тангутских транскрипциях) и, во-вторых, для юньнаньских диалектов на юго-западе ареала гуаньхуа.

Особое место среди постсреднекитайских памятников занимают некогда широко использовавшиеся в Корее два учебника китайского языка, обычно издающиеся в виде единого тома, – «Ляоцида» и «Пяотунши». Первый учебник был написан в XIV в., второй – несколько позднее, в то время как комментарий, который включает сведения о реализации тонов и принципы их обозначения в тексте при помощи специальных знаков, относится к XVI в. В стандартных изданиях учебников знаки были опущены, однако недавно обнаружены и изданы более ранние варианты этих пособий, сохранившие обозначения тонов.

Анализ этих обозначений позволил выявить (ср. работы Мэй Цзулиня и М. Эндо) два важнейших морфонологических правила, которые действовали в предшественнике пекинского диалекта:

1) переход шан-шэн → ян-пин перед другим тоном шан-шэн, присущий также и современному пекинскому диалекту, и 2) появление тона цюй-шэн в позиции после тона шан-шэн там, где в современном пекинском мы бы ожидали фонетически относительно высокий «легкий» («нейтральный») тон. В позиции после прочих тонов вторичные тоны на месте современного «легкого» в корейских учебниках не отмечены. Последнее обстоятельство, по мнению Мэй Цзулиня, связано с тем, что после любого тона, кроме тона шан-шэн, в современном пекинском (и, очевидно, в предшественнике пекинского в XVI в.) «легкий» тон произносится на низком уровне при естественном расслаблении произноси-

тельных органов и поэтому не требует специальной тренировки при обучении.

Ставшие доступными в последние годы материалы по несегментной морфонологии китайских диалектов, однако, позволяют объяснить систему тонов в корейских учебниках несколько по-иному. Эти материалы свидетельствуют, в частности, о том, что вторичные тоны, функционально соответствующие «легкому», широко распространены по всему северному Китаю. Могли они существовать и в предшественнике пекинского диалекта в позиции после тона шан-шэн, где впоследствии появился на их месте высокий «легкий» тон. Вполне допустимо, что в XVI в. нейтрализация тона после всех остальных пекинских тонов просто отсутствовала. Возможно также, что неодинаковое произношение пекинского «легкого» тона обусловлено не столько мелодической характеристикой предшествующего слога, сколько появлением нейтрализации в разное время после неодинаковых тонов.

М.И.Задорожный
(Орехово-Зуево)

ОПРОЩЕНИЕ ЗАИМСТВУЕМЫХ СЛОВ КАК РЕЗУЛЬТАТ ИХ АДАПТАЦИИ К ИНОЯЗЫКОВОЙ СИСТЕМЕ

(на материале дунганско-русского языкового взаимодействия)

В известной статье «Иностранная терминология как элемент преподавания русского языка», опубликованной в 1931 г. в сборнике «За марксистское языкознание», Е.Д.Поливанов отмечал, что обычный языковой анализ иноязычной лексики (речь идет прежде всего о словах греко-латинского генезиса), с помощью которого производится деление на морфологические части «чисто-русского» слова, из-за специфичности основ оказывается невозможным или затруднительным. Иначе говоря, заимствованные слова, возможно, членимые в языке-источнике, Е.Д.Поливанов оценивает как нечленимые либо как слабочленимые, хотя в принципе такие слова могут (о чем он говорит далее, разбирая конкретные примеры), разлагаться в сознании носителей заимствующего языка, попадая в различные ряды соотношений (ячейки, по Е.Д.Поливанову), на значимые части – морфемы, т.е. быть членимыми [Поливанов Е.Д. 1931, 69–71].

Не составляют исключения в этом отношении и русские лексические заимствования в дунганском языке. Как показывает материал, заимствованные из русского языка слова, представляя собой единицы любой степени производности и членимости, не осознаются как таковые носителями дунганского языка и, следовательно, не разложимы на кратчайшие смысловые единицы – морфемы. Иначе говоря, будучи заимствованными из русского

языка, в дунганском языке они подвергаются формально-семантическому, или (как говорил В.А.Богородицкий, первый из отечественных лингвистов терминологизировавший это явление) морфологическому, опрощению – «процессу, посредством которого слово с сложным морфологическим составом утрачивает значение отдельных своих морфологических частей и становится простым символом данного представления... Таким образом, слова, в умах индивидуумов прежнего времени разлагавшиеся на морфологические части, в умах индивидуумов последующего времени при некоторых условиях уже не разлагаются, становятся простыми» [Богородицкий 1935, 99].

Учитывая взаимодействие языков, в этой характеристике процесса опрощения следует сделать лишь одну поправку: заменить временной фактор на локальный, поскольку морфологически

(а значит, и семантически) разложимое слово-прототип в языке-источнике может и зачастую сосуществует во времени со своим опрощенным отображением в языке-реципиенте. Впрочем, в специальной главе «О заимствованных словах в русском языке» своего университетского курса русской грамматики, подчеркивая, что заимствуются большей частью существительные, В.А.Богородицкий отмечает также опрощенный характер и заимствованных слов. «Суффиксы самих заимствуемых слов, – говорит он, – будучи чуждыми языку заимствующему и потому не обособляясь в чутье говорящих, воспринимаются вместе с корнем как одно целое и становятся, таким образом (вместе с этим корнем. – М.З.), новым корнем» [Богородицкий В.А. 1935, 322], т.е., как сказал бы У.Вайнрайх, заимствуются в неанализируемом виде [Вайнрайх 1979, 82].

Все русские лексические заимствования в дунганском языке без исключения подвергаются опрощению. Об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что дунганские формо- и словообразующие аффиксы следуют непосредственно за флексией русского изменяемого слова в его исходной (словарной) форме и присоединяются к неизменяемым полным словам и аббревиатурам русского языка, т.е. агглютинируются, «приклеиваются»: *госкомсельхозтехники* (род.п., ед.ч.) – *госкомсельхозтехника-ди*, на позиции – *позиция-шон*, *республики* (им.п., мн.ч.) – *республика-му*, *реформу* – *реформани*, на бюро – *бюрошон*, *метро* (вин.п., ед.ч.) – *метрони* и т.п.

О том же свидетельствуют и усечения у русских заимствований лексем формо- и словообразующих показателей: *пролетарский* – *пролетар*, *сепаратный* – *сепарат*, *реактивный* – *ресктив*, *региональный* – *регионал*, *национальный* – *национал*, *немецкий* – *немец*, *фашистский* – *фашист*, *арабский* – *араб*, *иорданский* – *иордан*, *идея* – *идей*, *батарея* – *батарей*, *атмосфера* – *атмосфер* и др. Ср. *Коммунистическая партия* – *Коммунист*

партия, комсомольский комитет – комсомол комитет, социалистическое соревнование – социализм пинпин, колхозная демократия – колхоз демократия, реактивный истребитель – реактив йижыди фынчуан и т.п.

Такое освоение иноязычных слов вполне объяснимо, поскольку речь идет о взаимодействии языков резко отличных морфологических типов – флективного и афлексивного, изолирующего, или формоизолирующего, в противоположность формосвязывающему, по терминологии В.М.Солнцева [Солнцев 1992, 98].

В типологических же особенностях русского и дунганского языков кроется и другое объяснение усечений лексических заимствований из русского языка: они могут быть в ряде случаев обусловлены тем, что для дунганского языка в целом не характерны длинные многосложные слова, дунганское слово значительно короче русского. Так, по нашим данным, соотношение между ними в графических единицах (буквах) составляет 4,5:7,4 в текстах по языкознанию и 4,3:5,5 в художественной прозе, а в среднем – 4,4:6,5 [Задорожный 1987, 150].

Вероятно, поэтому Х.Б.Бугазов характеризовал усечение русских лексических заимствований в дунганском языке как чисто фонетическую адаптацию, которую он сводит целиком к слоговой адаптации, т.е. к приспособлению слоговой структуры заимствуемых слов к особенностям слоговой структуры заимствующего, в данном случае дунганского, языка [Бугазов 1960, 32]. Эта тенденция проявляется, по его мнению, в отсечении у заимствуемых русских слов не свойственных дунганскому языку финалей существительных *-ий, -ая, -ие*, вследствие чего четырехсложные слова становятся трехсложными, трехсложные – двухсложными: *заведующий – заведущ, рабочий – рабочь, фамилия – фамиль, собрание – сабран, совещание – савищан, сведения – свэдэн*. Отсекаются, по наблюдениям Х.Б.Бугазова, и другие финали заимствуемых русских существительных, например *-а* и *-ы*: *бригада – бригаат, шахматы – шахмат, каникулы – каникул*.

Нетрудно доказать, что слоговая структура подобных «муantanтов» достаточно далека от идеальной (открытость и инициальная моноконсонантность), точнее, вступает в противоречие с нею уже хотя бы потому, что все они имеют консонантную финаль (которая в принципе может быть преобразована в вокалическую в сочетании с предшествующим гласным только в том случае, если эта финаль является сонантом *н* или *м*, трансформируемым в сочетании с предшествующим согласным в носовой гласный либо *р*, дающий в сочетании с предшествующим гласным эризованный ретрофлекс).

Противоречат идеальной слоговой структуре дунганского языка и стечения согласных в начале слога, а также *р*-инициали.

Следовательно, усечение лексических русизмов здесь связано вовсе не с подгонкой к идеальной (и системной, и нормативной) слоговой структуре заимствующего языка, а с чем-то иным. С чем же?

Анализ усекаемых финалей показывает, что в русском языке они несут информацию о роде существительных независимо от их лексико-грамматической разрядности (*пролетар-ий, культивация, собран-ие*) либо о числе неодушевленных существительных (*шахмат-ы, каникул-ы*). То же касается и прилагательных типа *региональ-ный, пролетарский, реактив-ный* и существительных *идей-а, батарей-а, атмосфер-а* и т.п. Но эта информация в связи с отсутствием соответствующих оппозиций совершенно избыточна для дунганского языка.

Отсюда вытекает, что рассматриваемые усечения связаны с устранением не просто финалей, а экспонентов, несущих грамматическую информацию, избыточную для языка-реципиента. Иначе говоря, в данном и в других подобных случаях (в том числе и в случае контактов иных языковых систем) налицо прежде всего не фонетическая, а морфологическая адаптация заимствуемых слов (в частности, прилагательных и существительных), т.е. формально-семантическое, или морфологическое, опрощение.

Среди примеров приспособлений русских слов к особенностям системы дунганского языка, которые приводит Х.Б.Бугазов, есть и такие, которые действительно можно объяснить только фонетически, в частности силлабически. Имеются в виду случаи сохранения вокалических конечных элементов (*гэрмошк-а, ярмарк-а, расписка, фэрм-а*) и, более того, их наращение (*банк – банк-а, митинг – митинг-а* или *митинк-а, полк – полк-а*). Тем самым устраняются (вторая подборка примеров) либо предупреждаются (первый ряд примеров) нехарактерные для дунганского языка консонантные, тем более биконсонантные финали. Точно такую же природу и функцию имеет и сохранение гласной финали с консонантным превокалическим элементом в словах типа *техник-а* и *фабрик-а*, заимствованных книжно-письменным путем. Преобразования же, в которых вокалические финали *-ы* или *-и* заменяются на гласную *-а* (*ботинк-и – ботинк-а, сутк-и – сутк-а* или *сотк-а, консерв-ы – консерв-а*) также явно грамматического, а не фонетико-аналогического, как полагает автор, порядка – устраняется избыточная для дунганского языка грамматическая информация о множественном числе неодушевленных существительных путем замены маркированной, сильной формы на немаркированную, слабую в системе числовой оппозиции, поскольку при наличии любой вокалической финали обеспечивается должная структура слога.

Фонетическое приспособление в данном случае сопровождается грамматическое. Будучи фактически автоматическим, безыск-

лучительным, оно является вторичным, тогда как грамматическое – примарным, первичным.

Оба объяснения усечений русских лексических заимствований в дунганском языке и являются следствием более общей тенденции, свойственной языкам корнеизолирующего строя, а именно тенденции к предельному аналитизму и лексикализации, т.е. к раздельному выражению во фразе лексического и грамматического значений словами по преимуществу корневого, неизводного характера [Мельников 1971, 362]. Усечение, как и тенденция к аналитизму, может быть возведено к еще более общей тенденции – экономии умственных и физических усилий.

Вполне естественно, что при тенденции к аналитизму, а значит, и лексикализации информативно опустошенные компоненты слова, не несущие, с точки зрения носителя корнеизолирующего (формонизолирующего) языка, в частности дунганского, никакой – ни лексической, ни грамматической – информации, отсекаются, и остаются лишь «голые» корнеподобные части слова–прототипа, вполне достаточные для передачи необходимой семантической информации.

С другой стороны, тенденция к аналитизму и лексикализации также естественным образом приводит к тому, что фраза перенасыщается строительным материалом, т.е. усложняется в результате увеличения конструирующих ее лексических единиц. Но чтобы при большом количестве лексем «фраза не оказалась гипертрофически длинной... нужно, – как совершенно верно, с нашей точки зрения, считает Г.П. Мельников, – чтобы каждая лексема, оставаясь самостоятельной и легко выделяемой на слух речевой единицей, была при этом максимально короткой» [Мельников 1971, 363].

Таким образом, усечение слов, заимствуемых дунганским (преимущественно корнеизолирующим) языком из языков другого строя, в частности русского (преимущественно флективного), имеет место и как теоретически предусматриваемый факт, и как факт, реально существующий в языковой действительности. И тем не менее не следует, как кажется, абсолютизировать его, а тем более сводить к какому-нибудь одному фактору, скажем, структурно-слововому.

Исходя из вышесказанного, следует иметь в виду, что усечение как таковое может и не состояться, если в слове практически отсутствуют семантически пустые компоненты. И тогда в язык проникают сколь угодно длинные слова. Ср. семисложное слово *госкомсельхозтехника*, состоящее из пяти «корней», в том числе четырех «слогоскорней», и его восьмисложное производное *госкомсельхозтехникади*, т.е. 'госкомсельхозтехниковский' или 'госкомсельхозтехники', что значительно превышает среднюю, точнее типовую, статистически доминирующую, а именно би-

номную, слоговую длину китайского [Драгунов 1962, 46] и, несомненно, в той же степени дунганского слова.

Морфологическое опрошение всегда налицо, выступая как более мощный и более стабильный фактор усечения слов, нежели приспособляемость к слоговой структуре. Как показывают примеры, приводимые самим Х.Б. Бугазовым, такие слова, освоенные даже через устную речь, не говоря уже о книжно-письменной, изобилуют слогами с консонантами, в том числе и с более чем одноконсонантными, слоговыми финалями (*коммунист*) и поликонсонантными инициалами (*коммуни-стму*) и под., что явно противоречит структуре дунганского слога, характеризующегося предельной финальной открытостью и предельной же инициальной моноконсонантностью [Имазов 1975, 18; Мансуза 1979, 14].

Итак, любое заимствованное слово подвергается морфологическому опрошению, или стиранию границ между морфемами. С одной стороны, оно может быть явным, выражающимся в том или ином видимом преобразовании слов, в частности в усечении, заменах или стяжении компонентов, в агглютинации – присоединении формо- и словообразовательных аффиксов, прежде всего исконных, не к основам, а к формам заимствуемых слов. С другой стороны, оно может быть и неявным, скрытым, не сопровождающимся подобными трансформациями в плане выражения. Но так или иначе оно налицо. И поскольку это так, то для заимствующего языка в принципе безразлично, из скольких и каких именно морфем состояло это слово в языке-источнике. Именно поэтому дунганский язык заимствует из русского языка слова любого морфемного состава – с пре- и постфиксацией (дунганский язык преимущественно, точнее, практически, постфиксальный, так как префиксов в нем, «строго говоря, нет» [Имазов 1982, 9]), одно- и многосложные (с внесением, там, где это возможно, длиннотных типологических коррективов, о которых говорилось выше). Например: *Кремль, сенаж, госкомсельхозтехника, ведомство, винсовхозкомбинат, заочно, приключение, управление, слет, съезд* и др.

Констатация неперемещения первоначального опрошения любого русского слова, попадающего в дунганский язык, вовсе не означает неизменности, постоянности этого признака. При наличии определенных условий в действие вступает процесс, обратный формально-семантическому опрошению, – усложнение, т.е. проявление морфемных границ – бывших или новых – в слове [Шанский 1968, 223; Потиха 1970, 115; Молочко, Фомина, Хмелевская, Козырев 1978, 56]. Именно это и имел в виду Е.Д. Поливанов, когда говорил о принципиальной возможности заимствованных слов разлагаться в сознании носителей заимствующего языка на значимые части – морфемы [Поливанов 1931, 69] – при определенных условиях. Одним из таких условий является

заимствование не одиночных лексем, а их групп той или иной размерности, характеризующихся, с одной стороны, корневой, а с другой – аффиксальной общностью, в результате чего заимствованные слова, как и большинство исконных, оказываются втянутыми в двойные ряды соотношений, или ячеек, по Е.Д.Поливанову, слов с той же основой и слов с тем же аффиксом – словообразовательным и/или словоизменительным.

ЛИТЕРАТУРА

Богородицкий В.А. Общий курс русской грамматики. – М., 1935; Бугазов Х.Б. Фонетическое освоение русских лексических заимствований в дунганском языке//Изв. АН Кирг. ССР. Сер. общ. наук. Т. II, вып. 2. – Фрунзе, 1960; Вайнрайх У. Языковые контакты. – Киев, 1979; Драгунов А.А. Грамматическая система современного китайского разговорного языка. – Л., 1962; Задорожный М.И. Тип языка, длина слова и членимость текста на слова по максимум–цепочкам//Ориенталистика в Киргизии. – Фрунзе, 1987; Имазов М.Х. Фонетика дунганского языка. – Фрунзе, 1975; Мансуза А.Д. Лингвистические основы обучения обучения учащихся-дунган русскому произношению: Автореф. дис. канд. филол. наук. – М., 1979; Мельников Г.П. Детерминанта – ведущая грамматическая тенденция языка //Фонетика. Фонология. Грамматика: К 70-летию А.А.Реформатского. – М., 1971; Молочко Г.А., Фомина А.П., Хмелевская Е.С., Козырев И.С. Современный русский язык. Словообразование. – Минск, 1978; Поливанов Е.Д. Иностранная терминология как элемент преподавания русского языка//Поливанов Е.Д. За марксистское языкознание. – М., 1931; Потиха З.А. Современное русское словообразование. – М., 1970; Солнцев В.М. Еще раз об основных единицах современного китайского языка//Актуальные вопросы китайского языкознания: Материалы VI Всероссийской конференции по китайскому языкознанию. – М., 1992; Шанский Н.М. Очерки по русскому словообразованию. – М., 1968.

Т.С.Зевахина
(Москва)

ЭКСПРЕССИВНО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА СЛОВА И ДВУЯЗЫЧНАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЯ (на материале дунганского языка)

1. Экспрессивно-стилистические свойства слова играют существенную роль в любом языке в любой период его развития. Более того, как теперь становится все яснее, экспрессивность об-

служивает прежде всего оценочную функцию языка, а она проявляется практически в любой сфере общения (семья, производство, политика, школа, религия, искусство, публицистика, спорт, развлечения и т.д.). Рассматриваемый компонент лексических значений теснейшим образом связан с ценностными ориентирами национальной культуры, а способы его выражения — с экспрессивным богатством тех или иных стилистических разновидностей языка. Через них мы во многом можем диагностировать и экспрессивный тип языковой личности.

Конечно, языки различаются по степени кодифицированности экспрессивно-стилистических значений и способов их выражения. На одном полюсе здесь находятся языки с богатой и древней письменной традицией, а также (в современную эпоху) имеющие поддержку в системе развитых средств массовой информации (радио, телевидение, кино и т.д.). Другой полюс — это бесписьменные языки. Интересно в этом отношении положение дунганского языка. Будучи исконно тесно связанным с историей китайского народа и китайского языка, он прошел в последнее столетие несколько этапов языкового строительства в меняющихся социальных условиях. При этом на всех этапах дунганский язык полноправно функционировал как средство устного общения в разнообразных сферах социальной деятельности.

Ввиду сказанного, и науку, и практику все меньше удовлетворяет ситуация, когда лексикография не уделяет должного внимания системе экспрессивно-стилистических средств языка (даже в случае языков с солидной литературной и словарной традицией, как китайский или русский, не говоря уже о языках, не имеющих пока развернутых описаний лексико-семантической системы, таких, как дунганский).

Пока еще не получило достаточного развития сопоставительное исследование экспрессивно-стилистических свойств лексики, а оно весьма существенно для построения адекватных двуязычных словарей, как и вообще для совершенствования межнационального общения. Нельзя сбрасывать со счетов и чисто прагматический, «пользовательский» аспект двуязычных словарей: не будучи адекватно информированным об особенностях речевых ситуаций, ассоциируемых с данным словом, пользователь словаря оказывается в весьма сложном положении (ведь он рассчитывает получить надежную лексикографическую поддержку как для вербализации своей мысли, так и для понимания устной или письменной речи).

Не требует особого доказательства тот факт, что экспрессивно-стилистические системы любых двух (даже близкородственных) языков различны. И, подобно тому, как двуязычная лексикография целенаправленно разрабатывает методы адекватной передачи денотативно-сигнификативной (референционной) семан-

тики, она обязана решать также проблемы передачи экспрессивно-стилистических значений.

2. Лексикограф располагает четырьмя способами отражения экспрессивной семантики в словаре: пометы, переводные эквиваленты, дополнительные пояснения и иллюстративные примеры. Каждый из этих способов требует научного подхода. Особенно это касается помет: они образуют базовый метаязык экспрессивной семантики и призваны играть организующую роль для других упомянутых способов.

Анализ «Краткого дунганско-русского словаря» (1968 г.) показал, что хотя в нем и предусмотрено применение экспрессивно-стилистических помет, таких, как *бран.*, *груб.*, *пренебр.*, *ласк.*, примеры использования этих помет в словарных статьях единичны; ср.: *бран.* *хуэландұзы* 'негодяй', *груб.* *пян* 'хвастаться', *пренебр.* *анён* 'мать, мамаша', а помета *ласк.* не встречается ни разу. Между тем, даже в таком небольшом словаре возникает немало проблем, связанных с квалификацией лексем и их значений в плане стиля речи, устарелости или новизны, эмотивности и оценочности. Это подтверждается, в частности, и проведенными нами экспериментами в экспедициях по дунганскому языку.

В «Русско-дунганском словаре» (1981 г.) встречаются все четыре способа отражения экспрессивной семантики (разумеется, применительно к входному русскому слову).

Идеальным можно считать случай, когда в соответствии с пометой в словарной статье появляется переводной эквивалент, адекватно передающий и сигнификативное, и экспрессивное значения; ср.: *повеса* разг. 'щандалон'.

Еще более развернутая характеристика экспрессивной семантики имеет место в случае наличия в статье адекватного иллюстративного примера; ср.: *пробиться* перен., разг. (*провозиться*) 'валуан'; *я пробился целый день над этой задачей* 'вэ ба жыгэ жонсуан валуанли йитян'.

Однако нередко мы сталкиваемся с такими словарными статьями, в которых пометы как бы «не работают»: они не находят четкого развития в словарной статье, в дунганском материале. Объясняется это, на наш взгляд, прежде всего неразработанностью данного аспекта семантики слова на теоретическом уровне. Так, русское слово *тащиться* (в значении 'передвигаться медленно, с трудом'), имеющее в указанном словаре экспрессивно-стилистическую помету разг., просто получает перевод соответствующего русского чисто концептуального толкования: 'манмар зу, манмар та жуэбу зу'. Характерен также случай, когда для русского экспрессивного значения дается целый ряд переводов, затрагивающих разные аспекты сигнификативного значения и имеющих разные стилистические свойства; ср.: *поклеп* разг. 'лэ, таца, куй, бый гуэ сы, бый таца, нёпе, дэцэ'.

Представляется своевременным анализ с указанной точки зрения таких солидных двуязычных словарей, как китайско-русские лексикографические труды. Так, например, БКРС отличается довольно активным использованием помет стилистического характера, а оценочным, эмоциональным, коммуникативно-ситуационным признакам уделяется значительно меньше внимания. Они редко встречаются в словарных статьях. С другой стороны, в целом ряде случаев явно просматривается принцип тонкого подхода к экспрессивно-стилистической семантике. Так, в БКРС слово 舊雨 *jiù-yu* 'старый друг' имеет стилистический признак поэт. (это особенно существенно потому, что русский перевод является чисто концептуальным и нейтральным в экспрессивном отношении). В словаре имеются точные пояснения историко-стилистического характера; ср.: 秀才 *xiùcái* 'сюцай, студент (неофициальное разговорное название *шэньюаня* – первой из трех учебных степеней в системе государственных экзаменов *кэцзюй* при дин. Мин и Цин)'. Вместе с тем, регулярное, систематическое использование даже простейших помет (например, *разг.*) сделало бы использование словаря еще более эффективным с научной и практической точки зрения.

Здесь уместно вспомнить о традициях составления немецко-русских и англо-русских словарей. Особенно примечательны в этом отношении «Большой немецко-русский словарь» и «Новый большой англо-русский словарь», где пометы используются активнейшим образом для характеристики лексем, узусных значений и подзначений. Другие способы экспрессивной характеристики развивают и конкретизируют смысл помет. Ср. нем.: *der Patsch* 1. шлепок; звонкий удар; разг. пощечина, оплеуха; разг. слякоть; англ.: *jam* 1. сжатие, сжимание; ... давка; затор; ... 3. амер. разг. тяжелое положение; *to be in a jam* попасть в переделку.

При любом решении вопроса о пометах, любой двуязычный словарь решает задачу подбора эквивалентов. Ввиду упомянутого ранее несовпадения экспрессивно-стилистических систем в любых двух языках, эта задача может получать в лексикографической практике разнообразные решения. Эквивалента может не быть вообще (и такие случаи требуют особенно взвешенного подхода и эксплицитной их квалификации). В словаре могут быть приведены частичные эквиваленты, в совокупности покрывающие экспрессивное значение входного слова. Часто лексикограф вынужден подбирать не столько системно-языковые, сколько речевые эквиваленты для адекватного перевода лексики в соответствующих значениях. Так, например, для разговорно-пренебрежительного значения русского глагола *малевать* русско-немецкий словарь дает, наряду с системно-языковыми соответствиями *pinseln*, *sudeln*, *klecksen*, и речевую единицу *stümperhaft malen*, а русско-китайский словарь (1990 г.) приводит по существу рече-

вое слово 涂抹 *túmō* (оно отсутствует в БКРС). Русско-дунганский словарь в этом случае ограничивается лишь примерной передачей сигнификативного значения глагола (*жан, бя*).

3. Подводя итоги, можно наметить два перспективных направления в решении рассматриваемых нами проблем. Во-первых, это разработка метаязыка помет и правил их систематического использования в тексте словаря. Во-вторых, это экспериментальное исследование экспрессивно-стилистического облика слова через тесты с участием носителей языка.

Целесообразно уделить первоочередное внимание последовательному использованию в словаре таких признаков, как разговорный стиль и книжный стиль, мелиоративное и пейоративное значение (с возможной их конкретизацией и использованием различных способов их лексикографического отражения – см. выше). Для младописьменных языков оппозиция разг./книжн. должна быть представлена в словаре своим маркированным (вторым) членом. Ср., например, в дунганском языке: книжн. *шатё* 'льгота', *лянмян* 'авторитет, престиж' и т.п.; ласк. *жуэжуэзы*, *жуэжуэр* 'столик', *гэлор* 'уголок' и т.п.; пренебр. *лёнбён* 'беспечный человек', *ландангуи* 'растяпа, неряха' и т.п. Дальнейшая разработка метаязыка и правил его применения должна быть связана с инвентарем таких частных помет, как ирон., сленг, тех., офиц., вежл., груб., уст., шутол., эмоц.-усил. В нашей экспериментальной работе рассматривается, в частности, лексика обращений, инвективов. Соответствующие коррективы предполагается внести в наш проект «Дунганско-русского семантического словаря».

В.Б.Касевич, Т.Н.Никитина
(Санкт-Петербург)

ДЕЙКСИС И АНАФОРА В ДРЕВНЕКИТАЙСКОМ ТЕКСТЕ (в сравнении с русским)

Объект нашего изучения – типологическое своеобразие дейксиса и анафоры в тексте, причем мы хотели бы обратить внимание на аспекты, обычно остающиеся в тени: на культурологическую компоненту в своеобразии функционирования дейктических и анафорических элементов.

Основное исследование проводилось на материале параллельных текстов: древнекитайского и русского. В качестве древнекитайского был избран отрывок из Сыма Цяня общим объемом около 5,5 тыс. иероглифов [Ши цзи. Пекин, 1957. С.1–10]; русский текст был переводом с указанного древнекитайского оригинала [Исторические записки /Пер.Р.В.Вяткина. М., 1975. С.117–138].

Один из основных параметров текстов, который изучался в данной работе, – распределение слов-заместителей/прежде всего местоимений. Тексты резко различаются по этому параметру. Если говорить о дейктических местоимениях – местоимениях 1-го и 2-го л. ед.числа, референтами которых выступают участники речевого акта, то их общее число в русском тексте составило 56, в то время как в древнекитайском – 20.

Введя понятие индекса дейктичности – среднее число дейктических местоимений на одно предложение текста, получаем величины 0,02 для древнекитайского языка и 0,07 – для русского. Иначе говоря, индекс дейктичности для русского текста в 3,5 раза превышает тот же показатель для древнекитайского текста.

Картина будет более полной, если мы учтем не только местоимения, но и другие формы обращения и самоназвания. Тогда индекс дейктичности для древнекитайского текста составит 0,05, а для русского – 0,09, т.е. и в этом случае показатель для русского текста в 2 раза выше.

Одно лишь предпочтение косвенного дейксиса прямому не объясняет еще столь заметной разницы между индексами дейктичности, характеризующими сравниваемые тексты. В древнекитайском тексте значительно чаще, чем в русском, – в 50 случаях по сравнению с 19 – представлен нулевой дейксис: т.е. полное отсутствие какого бы то ни было обозначения участников речевого акта. Введя понятие индекса нулевой дейктичности, получаем 0,02 для русского текста и 0,04 для древнекитайского.

Таким образом, в сущности мы сталкиваемся с двумя феноменами, приводящими к снижению индекса дейктичности, которые неодинаково представлены в древнекитайском и русском текстах. Первый феномен – полное опущение соответствующих актантов, второй – предпочтение личным местоимениям этикетных дескрипций (обозначений говорящего и/или слушающего по их социальным ролям) и имен собственных.

При полном опущении актантов важна синтаксическая и семантическая характеристика: среди опускаемых актантов, в позициях, где могли бы быть употреблены местоимения 1-го или 2-го лица, абсолютное большинство случаев составляют первые актанты, семантически, как правило, имеющие субъектную характеристику.

Вполне естественно часто высказываемое предположение о том, что неупотреблению первого актанта с субъектной характеристикой способствует наличие личных форм у спрягаемого глагола. Именно это имеет место в русском языке, где опущение первого актанта, как местоименного, так и субстантивного, весьма типично.

Однако, как мы видели, еще более типично это для древнекитайского языка, где какое бы то ни было спряжение глагола вообще отсутствует.

Применительно к русскому языку А. Вежбицка высказывает мысль о том, что тенденция к поверхностному эллиптированию субъекта в русском языке имеет под собой семантико-культурную подоплеку. В модели мира, свойственной русскоговорящему сообществу, человек – по крайней мере, в ситуациях определенного типа – представляется не столько действующим лицом или центральной фигурой ситуации, которой предиктируются определенные признаки, сколько объектом, «затронутым» ситуацией, которая складывается помимо его воли и желания. Именно отсюда выводится семантическая специфика таких конструкций, как *Мне холодно*, *Меня знобит* [Wierzbicka 1988]. В «денотативно аналогичных» ситуациях носитель английского или французского языка употребляет, как известно, личные конструкции, ср. *I'm shivering*; *J'ai des frissons* и т.п.

Это – один из аспектов возможного обоснования, апеллирующего к культурным различиям для объяснения различий грамматических. Другой возможный аспект связан с такой культурной характеристикой, как выраженность индивидуалистических (персоналистских)/коллективистских тенденций. В отличие от первого, этот аспект в большей степени поддается градуированию, и ему могут соответствовать определенные квантифицируемые явления в текстах.

Индивидуализм, персонализм, развитые в той или иной степени, вообще присущи человеку как виду, для которого бытие–в–мире (Dasein Хайдеггера) есть одновременно и погруженность в этот мир, и выделенность из него. Но степень выраженности этого феномена, этой характеристики может быть разной. В частности, уже развитость системы личных местоимений–дейктиков и их употребимость в тексте могут служить, как представляется, отражением степени индивидуалистичности. Ведь местоимение *я* есть не что иное, как присвоение себе, говорящему, точки отсчета в речевом акте, где *ты*, в свою очередь, существует лишь относительно говорящего *я* в рамках данного речевого акта. *Я* и *ты* – в чистом виде индивидуализация любых двух членов общества вне каких бы то ни было социальных характеристик (если, конечно, сами эти местоимения, их разновидности не должны выбираться в зависимости от социального положения говорящего и слушающего и/или взаимоотношения между ними, как это имеет место, например, в языках, различающих *ты* и *Вы* или «мужские» и «женские» местоимения, ср. ситуацию в бирманском языке).

В отличие от этого, использование в функции личных местоимений этикетных дескрипций не дает той же степени «чистой» индивидуализации, поскольку, лишь очень косвенно и с опорой на внеречевой контекст определяя роль в коммуникативном акте, акцентирует социальную роль – т.е. отождествляет говорящего или слушающего с той или иной социальной категорией.

Коммуникативная роль уступает здесь место роли социальной, заданной обществом.

По-видимому, нет необходимости специально доказывать, что как древнекитайское (и современное китайское), так и русское общество отличаются коллективистскими устремлениями; представляется достаточно ясным и то, что степень проявления указанных характеристик существенно отличается на древнекитайской и русской почве – что, вероятно, и демонстрируют наши сравнительные количественные данные, полученные при анализе параллельных текстов.

В параллельных текстах, изучавшихся нами, подсчитывалось также число анафорических местоимений и функционально аналогичных им языковых средств. Подсчеты обнаружили весьма значительную разницу между текстами в указанном аспекте. В древнекитайском тексте «настоящих» анафорических местоимений не обнаружено вовсе, в русском – 74 единицы. Индекс анафоричности – отношение числа анафорических местоимений к числу предложений текста – составил, таким образом, 0 для древнекитайского текста и 0,09 – для его русского соответствия.

Как и в случае с дейктическими элементами, различие между двумя языками (двумя текстами) отчасти объясняется тем, что там, где русский язык использует местоимения 3-го лица, древнекитайский прибегает к имени, чаще всего имени собственному. Но главный источник расхождения – это значительно более широкое использование древнекитайским языком нулевой анафоры – построение цепочек высказываний, связанных одной темой, где позиция первого актанта, отвечающего теме, заполнена лишь в первом высказывании. Индекс нулевой анафоричности равнялся 0,37 для древнекитайского текста и 0,21 – для русского, т.е. почти в два раза (в 1,76) ниже.

Здесь также можно обратиться, с одной стороны, к лингвистическим аспектам, с другой – к культурным (культурологическим), чтобы объяснить наблюдаемые феномены.

Лингвистический аспект проблемы, как нам представляется, состоит прежде всего в том, что русская и (древне)китайская грамматики предоставляют говорящему (пишущему) разные степени свободы в опущении анафорического местоимения – первого актанта.

В русском языке относительно более определена грань между предложениями с однородными сказуемыми и сложносочиненными предложениями (пользуемся традиционными понятиями, чтобы не усложнять обсуждение интересующей нас проблемы). Так, при употреблении двух и более синтаксических структур с кореферентными первыми актантами анафорическое местоимение недопустимо, если структуры соединены союзами *и* или *но*; по-видимому, в этом случае вся конструкция, включающая такого рода структуры, трактуется как простое предложение с од-

народными сказуемыми, ср. (1) и недопустимое (1а) при допустимом (1б):

- (1) *Я-фу принял яшмовые сосуды и поставил их на землю, а затем выхватил меч и разбил их.*
- (1а) **Я-фу принял яшмовые сосуды и он поставил их на землю...*
- (1б) *...и поставил их на землю, а затем он выхватил меч...*

В древнекитайском языке, в отличие от русского, нет той системы разграничений, которая разделяла бы простые предложения с однородными сказуемыми, предложения с оборотами вроде русских деепричастных и сложносочиненные предложения.

Таким образом, лингвистический механизм, стоящий за различиями в выраженности анафорических связей в древнекитайском и русском текстах, заключается в том, что русскому языку свойственна более сложная и располагающая разнообразными средствами система построения полипредикативных синтаксических конструкций; тип анафоры, в том числе нулевой/ненулевой, в значительной степени определяется формальным механизмом порождения полипредикативных синтаксических целостностей. Древнекитайский же язык использует более однородную систему сопряжения предикативных конструкций в рамках синтаксически сложных структур, в результате чего не возникает источников запретов и ограничений, разнообразящих анафорические связи.

Обратимся теперь к культурологическим аспектам, которые, можно думать, имеют отношение к различиям в выраженности анафорических связей в тексте. Как известно, в отличие от дейктических средств, соотносящих высказывание непосредственно с внеязыковой действительностью (участниками коммуникативного акта), анафорические средства связывают высказывания в пределах текста. Иначе говоря, дейксис имеет референтную ориентацию, а анафора – собственно языковую, текстовую.

Одновременно это должно означать, что развитость и употребимость анафорических средств приводят к тому, что высказывание с использованием таких средств приобретает меньшую автономность, меньшую автосемантическую: для его интерпретации необходимо выйти за пределы данного высказывания, соотнести анафору с ее антецедентом, который находится в другом высказывании или в другой синтаксической подструктуре того же высказывания. В отличие от этого, употребление дескрипции или же просто воспроизведение имени делают высказывание (или его часть – подструктуру) в большей степени автономным, автосемантическим.

Автосеманτικότητα фраз в отношении друг к другу (при синсемантической в отношении к речевому контексту) характерны

для диалога, когда естественно прямое указание на объекты, живые и неживые, являющиеся «окружением» участников речевого акта. Чем более традиционалистской является культура, чем выше степень общности фоновых знаний у ее носителей, чем более развиты коллективистские устремления – тем выше вероятность того, что тексты, принадлежащие этой культуре, будут строиться преимущественно по правилам диалога, протекающего в конкретном окружении, тем меньше необходимости в специальных языковых средствах, в том числе анафорических, связывающих высказывания в пространстве текста.

Иными словами, различия в индексах анафоричности, выявленные на материале древнекитайских текстов и их русских переводных аналогов, отражают, можно думать, диалогоцентричность китайского текста в сравнении с (относительной) монологичностью русского письменного текста [Касевич, в печати]. Это и будет культурологической компонентой, частично ответственной за различное распределение анафорических средств в древнекитайском и русском текстах.

ЛИТЕРАТУРА

Касевич В.Б. Типология языков и типология культур (в печати); Wierzbicka A. The semantics of grammar. Amsterdam; Philadelphia, 1988.

И.Н.Комарова
(Москва)

ОТГЛАГОЛЬНЫЕ ИМЕНА СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ В ТИБЕТСКОМ ЯЗЫКЕ

Грамматическая система тибетского языка в настоящее время недостаточно изучена с точки зрения проблем системно-структурной организации языка. Ее исследование необходимо для выявления типологической специфики тибетского языка как представителя языков китайско-тибетской семьи, относящихся к изолирующему типу. Как показывают проведенные исследования, тибетский язык обладает не монотипологическим, а политипологическим статусом: в нем в равной мере проявляются особенности, присущие как языкам изолирующего типа, так и языкам иной типологии.

В тибетском языке выделяется особый разряд имен существительных – отглагольные имена, обладающие прозрачной внутренней формой, связанной с мотивирующим глаголом общностью корневой морфемы, которая семантически отражает обобщенное понятие какого-либо действия или состояния. Структурно-мор-

фологическая формула отглагольного имени выглядит следующим образом: $R + \text{Suf}_N$; где R глагольный корень/основа, Suf_N – именной суффикс.

Словарный состав языка, призванный служить потребностям коммуникации, потенциально неограничен! Развитие лексической системы языка происходит благодаря постоянному появлению новых единиц, возникающих на основе различных способов номинации. Так осуществляются акты вторичной номинации и образуются вторичные наименования – отглагольные существительные, которые в аспекте семантических отношений между мотивирующей и мотивированной единицами на уровне синхронного среза языка относятся к производным словам и воспринимаются как образованные на определенном историческом этапе от однокоренных глагольных слов. Каждое производное отглагольное имя обладает особой семантикой, тем не менее ощущается общее значение глагольности, «начинает "светиться" огонь старого значения»². Приведем примеры типа тибетских слов འཇུང་ལམ་ *thung'ya*²⁴ 'питье; то, что пьют' (འཇུང་ *thung'* 'пью' + ལམ་ *ya*²³ именной суффикс); འཇུང་ལྷ་ *khe'kyu*¹ 'взятое с собой (вещи); то, что взято с собой' (འཇུང་ *khe'* 'беру с собой' + ལྷ་ *kyu*¹ именной суффикс).

Мотивирующей глагольной единице присущи целостность, отсутствие мотивированности, а отглагольное имя выступает как морфологически расчлененная мотивированная единица.

Поскольку глагол является мотивирующей частью речи по отношению к отглагольному существительному, в корневой основе этих двух классов слов заключен единый для них состав грамматических категорий. Как известно, в системе тибетского финитного глагола имеются такие грамматические категории, как время, вид, наклонение, лицо.

Изъявительное наклонение тибетского глагола имеет парадигму из двух или трех форм, различающихся значениями настоящего, прошедшего или будущего времени, что может выражаться посредством внутренней флексии – чередования гласных и согласных фонем, а также тоном: [e—ε—a], [zh—ch], [III тон — II тон], [II тон — III тон]. Например:

наст. вр. བྱེད་ (*byed*) *qe*²³ 'делаю'; འདྲི་ཞི་ (*'dri zhi*)² 'спрашиваю'
прош. вр. བྱས་ (*byas*) *qe*²³ 'делал'; འདྲི་ཤི་ (*dri shi*)²³ 'спрашивал'
буд. вр. བྱེད་ (*bya*) *qa*² 'буду делать'; འདྲི་ཤི་ (*dri shi*)²³ 'буду спрашивать'

Отглагольные имена существительные имеют тем не менее существенные отклонения от глагольной парадигматики.

¹ *Wotjak G. Untersuchungen zur Struktur der Bedeutung.* Berlin, 1971, S. 54.

² *Будагов Р.А. Язык, история и современность.* М., 1971, с. 36.

Если в системе тибетского финитного глагола реализуются синтетические (однословные) и аналитические формы, то в отглагольных именах функционируют только синтетические глагольные формы. В отглагольных существительных темпоральная семантика проявляется не столь явно, хотя грамматическая категория времени все же фиксируется в корневой морфеме отглагольного имени через оппозицию форм, маркированных по времени (настоящее/будущее – прошедшее).

В работах, посвященных тибетской грамматике, приводимые отглагольные имена существительные, как правило, извлекаются из лексикографических источников, поэтому в основном они представляют лишь те лексические единицы, которые вошли в лексикон. Однако отглагольные имена существительные, свободно конструируемые по словообразовательным моделям и входящие в «открытый класс», как правило, не фиксируются в эксплицитной форме в словарях, даже в таком фундаментальном (самом лучшем, по мнению китайских тибетологов) 3-х томном словаре, как «Тибето-китайский словарь» (отв. ред. Чжан Исюн, Пекин, 1984 г.), содержащий более 50 тыс. лексических единиц³. Только обращение к реальному функционированию слова в конкретных коммуникативно-прагматических контекстах позволяет выявить механизм формирования структуры и семантики этих единиц номинации.

Образование отглагольного имени представляет собой чрезвычайно сложный процесс, в результате которого посредством многообразных форм и методов образуются языковые знаки для обозначения отдельных предметов, лиц, а также фактов, отвлеченных понятий, событий и ситуаций. Таким образом, семантическое поле отглагольных имен может охватывать процессуальные, орудийные, локальные и субъектные значения. В соответствии с этим тибетские отглагольные имена можно разделить на две группы слов: со словообразовательным значением «носитель процессуального признака» и со значением отвлеченного действия и состояния.

В словах первой группы общее значение «носитель процессуального признака» актуализируется как «субъект действия», «орудие действия», «объект или результат действия». В словах второй группы семантически абсолютизируется присущее мотивирующему глаголу значение процессуального признака (действия или состояния). Таким образом, отглагольные имена характеризуются свойством двойной референции – референцией

³ བོད་ཀྱི་ཆེན་མཆོད་ཆེན་མོ། ཀླུང་དབྱི་སྐད་ཀྱིས་གཙོ་འགན་བཞུས་ནས་ཙོམ་ཞིག་
བྱས་པ། བོ་ཙན་ 1984 (*pho²³ kya² cin¹jo²⁴ qen¹mo¹, zhang yi¹syn¹*
kui²⁴ zong¹ken¹ xe² ne²³ zom¹zhi²⁴ qe²pa pel¹jin¹, 1984. Большой
тибето-китайский словарь/Гл. ред. Чжан Исюн. – Пекин, 1984 –
на тиб. яз.).

к обозначаемым сущностям и референцией к исходным единицам⁴.

Важным вопросом исследования структуры и семантики словообразовательных типов отглагольного имени является исследование их грамматических форм – грамматических маркеров, т.е. суффиксов, которые структурно, семантически и функционально различаются.

Сложная связь словообразования с лексикой и грамматикой, взаимодействие лексических и грамматических категорий предопределяют специфику способов образования отглагольных существительных, значительное число которых создано по продуктивным и широко употребительным моделям тибетской словообразовательной системы.

Известный китайский тибетолог Ху Тань выделяет около двадцати различных суффиксов, встречающихся в составе отглагольных имен⁵ [Hu Tan 1991]. Рассмотрим отглагольные имена существительные в их соотнесенности с мотивирующими глаголами и деривационными суффиксами. К самым распространенным тибетским словообразовательным формантам относятся: མཁན *ngen*¹, པ *pa*¹, ལས *ya*³, ལུ *kyu*².

– Суф. མཁན *ngen*¹ употребляется после основы глагола в форме настоящего времени, чаще всего обозначает субъект действия, названного глагольной морфемой:

ལྟོན་པ *lap*⁴ 'изучаю' – ལྟོན་པ་མཁན *lap¹ngen¹* 'изучающий; тот, кто изучает';
 འགྲུག་པ *zho*² 'иду' – འགྲུག་པ་མཁན *zho²ngen¹* 'идуший; тот, кто идет'.

– Суф. པ *pa* (нулевой тон) употребляется посл. основы глагола в форме прошедшего времени, образуя имена артефактов, т.е. продуктов, результатов действия.

བྲིས་ *chi*³ 'написал' – བྲིས་པ *chi²pa¹* 'написанное; то, что уже написано';
 བཟོས་ *so*³ 'сделал' – བཟོས་པ *so²pa¹* 'сделанное; то, что уже сделано'.

– Суф. པ *pa*¹ (нулевой тон) может употребляться после редуплицированной формы глагола прошедшего времени, означать продукт, результат законченного действия с дополнительным перфективным оттенком. Структурно-морфологическая формула подобных отглагольных имен выглядит иначе: $R_1 + R_2 + \text{Su}^1_N$:

རྒྱས་ལུའུ་པ *nyu³* 'купил' – རྒྱས་རྒྱས་པ *nyu²nyu²pa¹* 'давно купленное';
 ཤེས་མེད་པ *xen¹* 'знал' – ཤེས་ཤེས་པ *xen¹xen¹pa¹* 'давно известное'.

– Суф. ལས *ya*³ употребляется почти с любым глаголом. В сочетании с непереходными глаголами выражает действие или состояние, а в сочетании с переходными глаголами – предмет

⁴ Кубрякова Е.С. Типы языковых значений. – М., 1981.

⁵ Hu Tan. Zang yu dongci de mingcihua//Journal of Asian and African Studies, № 41, 1991, pp. 71–81 (на кит. яз.). Отдельные примеры заимствованы из этой работы

или лицо, имеющие отношение к действию, выраженному глагольной морфемой:

ན na^2 'болею' – ན་ལས na^2ya^{24} 'болезнь';

འཇུག $larp^4$ 'изучаю' – འཇུག་ལས $larp^1ya^{24}$ 'изучающий; тот, кто изучает'.

– Суф. ལྷ kyu^2 употребляется после глаголов в форме настоящего/будущего времени и обозначает объект действия, которое будет закончено с дополнительным оттенком возможности завершения действия:

ཟ sa^2 'ем' – ཟ་ལྷ sa^2kyu^1 'то, что будет съедено';

ཁྱད xo^{24} 'говорю' – ཁྱད་ལྷ xo^1kyu^1 'то, что будет сказано'.

Основным средством словообразования является суффиксация, но наблюдаются и другие способы образования отглагольных имен существительных, например, сложение двух глагольных основ (антонимические или синонимические пары):

ནྟ nyo^{23} 'покупать' + ཚང $cong^1$ 'продавать' – ནྟ་ཚང nyo^2cong^1 'торговля';

འཇུག lop^4 'учиться' + རྒྱང $jong^1$ 'учиться' – འཇུག་རྒྱང lop^1jong^1 'учеба'.

Особо отметим малопродуктивный способ образования отглагольных имен не только суффиксальными средствами, но и их сочетанием с морфонологическими процессами, а именно с чередованием тоном.

I тон – 0 тон: བསམ sam^4 'думал; мыслил' – བསམ་པ sam^1pa^1 'мысль' – བསམ་པ sam^1pa 'то, о чем думал'

I тон – 0 тон: བྱས qe^{23} 'делал', བྱས་པ qe^2pa^1 'трудовые достижения', བྱས་པ qe^2pa 'сделанное; то, что сделано'.

В морфемном облике отглагольных имен проявляется ряд таких типичных явлений тибетской морфемки, как несовпадение современной фонетической оболочки морфемы и ее графического отображения, что равно относится и к именным деривационным суффиксам, и к глагольным корневым морфемам:

འཇུག་མཁའ་ན $bslab + mkan$ (письм. форма, транслитер.) – $larp^1ngen^1$ (фонет. транскрип.) 'тот, который учится; изучающий';

བྱས་ལས $byas + yas$ (письм. форма, транслит.) – qe^2ya^{24} (фонет. транскрип.) 'сделанное; то, что сделано'.

Перечисленные выше способы суффиксального образования представляют сложную семантико-функциональную сущность тибетских отглагольных имен.

В морфологической и семантической структуре отглагольного имени отображаются не только категории глагола (время, наклонение), но и категории имени существительного через субстантивную суффиксацию, через аналоги падежных маркелов и т.п. Получив от глагольного корня/основы важнейшие категориальные свойства, отглагольное имя выражает их в совокупности с именными, т.е. имеет «двойное гражданство».

Таким образом, отличаясь оригинальными чертами, тибетское отглагольное имя существительное обладает двусторонней глагольно-именной парадигматикой, что дает основание сделать вывод, что оно имеет поликатегориальный характер.

Е.А. Кондрашкина
(Москва)

ЯЗЫКИ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ КИТАЯ И РАБОТА ПО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЮ ИХ ПИСЬМЕННОСТЕЙ

В многонациональном Китае все проживающее в нем население (по данным последней переписи 1990 г. – 1 133 682 501 чел.) делится на две неоднородные по количественному составу группы – группу хань (92% от всего населения) и группу малочисленных народов (8%), по-китайски называемых «шаошу миньцзу». Официально в эту группу включаются 55 национальностей и, несмотря на небольшой удельный вес в общей численности всех проживающих в Китае, эти народы занимают почти 62,5% всей территории страны. Среди них выделяются такие крупные, как чжуан (свыше 15 млн. чел.), маньчжуры (свыше 9 млн.), хуэй (свыше 7 млн.), но одновременно в эту же группу входят и такие малочисленные народы, как лоба (2132 чел.), гаошань (2902 чел.) и нек. др.

55 неханьских народов Китая используют в общении более 80 языков. Такое расхождение в числе функционирующих языков и официально зарегистрированных этнических групп объясняется прежде всего отсутствием у некоторых из этносов статуса самостоятельных этнических образований.

Некоторые народы при наличии своего языка используют в повседневном общении и другие национальные языки. Так, в пров. Внутренняя Монголия дауры и эвенки, наряду со своими языками, пользуются также и монгольским языком; в пров. Синьцзян татары и киргизы. – уйгурским.

Отдельные малочисленные народы смешиваются с ханьцами и переходят на использование ханьского языка и ханьской письменности. К таким относятся: часть народов туцзя, шэ, гэлао, часть монголов, маньчжуров. Единственная национальность, не имеющая собственного языка и считающая родным ханьский язык – хуэй.

Из общего количества всех существующих в Китае национальных языков лишь 24 имеют письменность (по другим данным – 18). История письменностей уходит в далекое прошлое, и формировались они на основе различных график. Так, монголь-

ская письменность, насчитывающая более семи веков, формировалась на основе уйгурской письменности и раньше была единственной для монголов, живущих как в Китае, так и за его пределами. Но затем собственно монголы перешли на кириллицу, и монгольский алфавит остался только во Внутренней Монголии Китая. Тибетская письменность, существующая с IX в., создавалась на основе индийского письма, уйгурская – на основе арабского в конце XIV века, казахская – также на арабской основе в конце XIII века, киргизская – на арабской основе в XVII веке, узбекская и татарская также, корейская – самостоятельная письменность, создана в XV в., сибиряки используют маньчжурскую письменность, хотя сами маньчжуры, как говорилось выше, в связи с переходом большинства населения на китайский язык, перешли на китайскую иероглифику. Самой старой является письменность, известная со времени династии Тан (V в.). Письменность цзинпо создали англичане сначала в Бирме в XII в., а затем в Китае. Письменность лису также создавали английские проповедники с 1912 по 1924 г., она представляет из себя перевернутую латиницу. Менее известна другая письменность лису* – на основе алфавита мяо, который создал британский миссионер С.Поллард в начале XX в. У лису была и третья письменность – слоговая неалфавитная, с большим количеством знаков, но имевшая весьма ограниченное распространение.

Ситуация с письменностями в Китае достаточно сложная, большая часть национальных языков вообще не имеет письменности. Многие старые письменности имели узкую сферу использования, чаще всего только сферу религиозного культа, были несовершенны, громоздки, трудны для получения образования на национальных языках, развития издательского дела. Поэтому в первые же годы после образования КНР основная работа в области языкового строительства была сосредоточена именно на проблеме письменностей: их модернизации, развитии, создании новых. Были начаты работы по переводу некоторых из них на латинскую основу.

Но начавшаяся во второй половине 60-х годов так называемая «культурная революция» практически приостановила работу в этом направлении – в связи с политикой насильственного насаждения китайского языка среди неханьского населения. Национальные языки и их письменности оказались «ненужными», их употребление снизилось до минимума, а нередко даже запрещалось. Лишь к концу 70-х – началу 80-х гг. после окончания «культурной революции» в Китае возникли условия для возобновления работы в этой области.

Именно в 80-е годы, когда роль национальных языков, имеющих письменности, в значительной степени возросла, а функции таких языков в жизни неханьских народов расширились вплоть до применения их в органах автономного самоуправления и судо-

производства, вопрос об их дальнейшем развитии и совершенствовании вновь стал одним из главнейших в языковой политике государства. И хотя пока не принят, а только разрабатывается закон о языках, тем не менее, в отдельных законодательных актах, в том же в конституции 1982 г. национальные меньшинства получили право на «свободу употребления и развития собственных языков и письменностей». О том, что проблемы национального письма стали проблемами государственными, говорит тот факт, что в 80-е гг. они обсуждаются на научных конференциях в центре и на местах, в средствах массовой информации, в научной и популярной литературе. Опыт прошлого изучается и критически пересматривается, учитываются пожелания самих народов относительно усовершенствования и создания письменностей, все большее число филологов-теоретиков помогают найти научный подход к проблеме письма.

С самого начала работы было решено использовать проекты письменностей, которые были разработаны в 50-х гг., взять из них лучшее, усовершенствовать и провести, таким образом, вторичную реформу национального письма. При этом тут же встали вопросы: всем ли народам нужна своя письменность, как быть с теми, кто пользуется двумя или тремя языками, как быть с диалектными различиями, следует ли создавать диалектные национальные письменности?

В 50-е гг. сторонники «национальной сплоченности» активно отрицали необходимость такой работы, считая, что создание для одной национальности двух или более письменностей «не в интересах развития взаимоотношений внутри данной национальности». В 80-е гг. позиция китайских ученых по этому вопросу существенно меняется, а иногда в создании диалектных письменностей видится «единственный выход» для решения проблемы письма у данной национальности.

Что касается латинизированных письменностей, то такие, например, как чжуанская и буи, включали помимо латинских букв ряд других, отсутствующих в латинице, для записи специфических звуков этих языков и для обозначения тонов. В 80-е гг. в целях унификации было решено использовать лишь 26 латинских букв, а специфику звуков передавать диграфами.

Были восстановлены традиционные письменности на арабской графике у синьцзянских уйгуров и казахов (они были заменены латиницей в 1976 г., что вызвало тогда недовольство казахской и уйгурской интеллигенции, поскольку латиница не отражала древней культуры и истории этих народов). Вначале они использовались параллельно с латинской графикой, а в 1982 г. было принято решение постоянного комитета Собрания народных представителей Синьцзян-Уйгурского автономного района о возвращении к старой арабской письменности. Однако латиницу

можно использовать для транскрипции или в «необходимых ситуациях».

В конце 80-х гг. китайскими лингвистами была выдвинута идея о разработке новых письменностей неханьских народов на базе китайской иероглифики, поскольку китайский язык является языком межнационального общения и его влияние постоянно растет, китайская иероглифика выступает как наддиалектное и наднациональное письмо.

Таким образом, в 80-е гг. начался новый этап в работе по развитию, совершенствованию и созданию письменностей малочисленных народов Китая. Объективная оценка роли и места традиционных письменностей в жизни неханьских национальностей способствовала выработке наиболее целесообразной языковой политики, а учет мнения самих этих национальностей, несомненно, содействовал улучшению межнациональных и внутринациональных отношений в Китайской Народной Республике.

Ю.А.Кунина
(Москва)

КАТЕГОРИЯ СЧЕТНЫХ СЛОВ И ДЕНОТАТИВНЫЙ СТАТУС ИМЕНИ В СОВРЕМЕННОМ КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Счетные слова в современном китайском языке (СКЯ) определяются как разряд полужнаменательных слов, образующих конструкции с количественными и кванторными детерминативами [Чжао 1968]. Из этого разряда европейскими языковедами обычно исключаются слова метрологической терминологии [см., например, Койо 1973], а слова, составляющие данный разряд, делятся на две основные группы: именные и глагольные счетные слова [Словарь счетных слов СКЯ, 1988].

Предлагаемое сообщение касается именных счетных слов.

Именные счетные слова, в свою очередь, подразделяются на следующие подгруппы: 1) слова индивидуального счета предметов, включающие собственно единичные классификаторы, партитивные счетные слова и нек. др. (по отдельным классификациям китайских лингвистов ([см. Люй Шусян, 1982])); 2) слова количественного выражения предметов, веществ и явлений, включающие собирательные счетные слова и слова со значением вместимости [Люй Шусян 1984]; 3) мнимые счетные слова, автономно следующие за своим детерминативом [Чжао 1968]; 4) временные счетные слова, в роли которых выступают существительные [Лю Юэхуа 1986]; 5) составные счетные слова, исключаемые из данного рассмотрения по причине приближенности их к единицам измерения.

Слова подгрупп 3) и 4) смыкаются со знаменательными существительными и не могут рассматриваться в рамках разряда полуслужебных слов.

Слова количественного выражения (группа 2), хотя и в большей степени грамматикализированы, нежели предыдущие, сохраняют знаменательное значение (видимо, подобные слова присущи всем языкам мира [Солнцев 1991]). Слова же индивидуального счета предметов (1) являются специфической чертой языков Юго-Восточного ареала, как в пределах китайско-тибетской языковой семьи, так и вне ее [Пейроб 1991].

Именные счетные слова входят в конструкции с числительными, указательными и вопросительными местоимениями и некоторыми другими детерминативами [Ли, Томпсон 1981]. Функционирование в данных конструкциях берется в современной европейской лингвистике за основу определения счетных слов, в особенности – слов индивидуального счета [см. Пари 1989; ЛЭС 1990].

Действительно, формирование системы счетных слов китайского языка в III–V вв. н.э. происходило в самой непосредственной связи с их употреблением в нумеративных конструкциях [Гуревич 1974; Зограф 1977]. А с завершением процесса грамматикализации для большинства единичных счетных слов к IX–X вв. н.э. становится возможным их появление и в дейктических конструкциях [Пейроб 1991].

В целом, к концу периода позднего средневековья в истории китайского языка, т.е. к XIII в. н.э., как считает А.Пейроб, ситуация со счетными словами в значительной степени напоминала ситуацию в СКЯ. Наличие среди приводимых у Пейроба примеров предложения с редукцией числительного «один» перед классификатором с последующим существительным наводит на мысль и о возможности становления уже в то время корреляции между счетными словами и выражением неопределенности/определенности имен существительных.

Высказанное утверждение гипотетично, но наличие такой корреляции в СКЯ несомненно. Синтаксически реализуясь в конструкциях с числительными и местоимениями, счетные слова непосредственно участвуют в механизме выражения референциальных признаков имени [Солнцева 1992]. Числительное «один» в сочетании со словами индивидуального счета выступает как актуализатор признаков неопределенности и единичности соответствующей именной группы (ИГ); неопределенное числительное «несколько» в сочетании с единичными счетными словами – как актуализатор признаков неопределенности и множественности; указательные местоимения в препозиции к числительному «один» и счетному слову (с возможным опущением числительного) маркируют ИГ как определенную и единичную, а в препозиции к неопределенному числительному в сочетании со счетным

словом указательные местоимения манифестируют определенность и множественное число денотата соответствующей ИГ [Тань Аошуан 1988].

Последовательно проводимое разграничение по признаку неопределенности/определенности в рамках противопоставления «нумеративная конструкция с числительными "один" или "несколько"» – «дейктическая конструкция» сопоставимо со значением, передаваемым английскими артиклями *a* и *the*. Аналогия, правда, не является полной, в частности из-за несовпадения случаев «безартиклевого» употребления существительных в английском и китайском языках. Для СКЯ появление актуализатора неопределенности ориентировано и на «отрицательное значение признака данности и/или положительное значение признака значимости» [Тань Аошуан 1989].

Указанное выше противопоставление является не только последовательным, но и довольно значимым в системе СКЯ. В этом отношении интересны статистические данные, полученные по материалам китайских очерков и рассказов. В среднем, 100 конструкций с именными счетными словами включают 40 конструкций с индивидуальными классификаторами в сочетании с числительным «один», 10 конструкций со счетными словами и числительным «несколько», 12 конструкций с редукцией числительного «один» перед классификаторами, 25 конструкций со счетными словами в сочетании с указательными местоимениями, пять конструкций с указательными местоимениями непосредственно перед существительными при опущении предметного классификатора и только две конструкции, включающие единичные классификаторы в сочетании с другими числительными (кроме «один» или «несколько»), причем нередко одна из нумеративных конструкций не содержит счетного слова, являясь взъязызированной.

Таким образом, счетные слова, некогда появившиеся и развившиеся в категорию в нумеративных конструкциях, а затем распространившиеся на дейктические конструкции, в СКЯ представляются тесно связанными с выражением категорий неопределенности/определенности, референтности/нереферентности, данности, значимости.

Интересно, что на когнитивном уровне единичные счетные слова соотносятся с референциальными свойствами ИГ и непосредственно за счет апелляции к существенным свойствам денотатов этих ИГ (форме, одушевленности, функции), заложенной в категоризирующей природе слов индивидуального счета [Карпен-тер 1992]. И в этом смысле вовлечение их в механизм выражения денотативного статуса ИГ видится закономерным.

ОБРАЩЕНИЕ В РЕЧЕВОМ ЭТИКЕТЕ СОВРЕМЕННЫХ КИТАЙЦЕВ

Политика «открытых дверей», проводимая в Китае, открыла возможность для мира еще глубже и шире ознакомиться со страной древней цивилизации и культуры. Перед языковедами встал задача изучения проблем китайского языка, связанных с активным повседневным общением и контактами на различных уровнях. Решение проблем речевого и неречевого этикета с учетом национально-культурной специфики современных китайцев открывает новые пути понимания культуры этой страны.

Китайские языковеды обращают внимание на такое понятие, как коммуникативная культура, или культура общения, в изучении китайского языка. Очевидно, осмысление этой проблемы необходимо и важно как в связи с преподаванием иностранных языков, так и в связи с другими проблемами межкультурных контактов.

Обращение к собеседнику считается самым ярким и самым употребительным этикетным знаком. Обращения относятся к тем элементам речевого этикета, которые в первую очередь предназначены для маркирования социальных отношений, устанавливаемых в рамках коммуникативного акта. Общество заинтересовано в том, чтобы обращения были однозначно маркированы, факт употребления того или иного обращения должен обязательно свидетельствовать об определенной ситуации, определенном социальном отношении.

На выбор обращений у современных китайцев влияет ряд определенных факторов, к числу которых относится социальный статус коммуникантов, абсолютные и относительные соотношения возрастов коммуникантов, пол адресата и адресанта, степень близости коммуникантов (свой – чужой, знакомый – незнакомый), тональность общения. Обращения в современном китайском языке могут быть разделены на две категории

1. Родственные обращения.
2. Социальные обращения, или обращения, принятые в обществе.

В Китае существует богатая и сложная система родственных обращений. Это обусловлено тем, что в традиционном китайском обществе в центр внимания ставились родственные связи. Термины родства включают в себя термины прямого и непрямого родства, родства по материнской линии и по отцовской линии. Все обращения ориентировались прежде всего на мужской пол и разделялись только порядком по старшинству в роде. Система родственного обращения существовала в Китае несколько тыся-

челетий, и тех, кто не соблюдал эту систему родственных обращений, считали людьми невоспитанными и невежливыми.

С изменением общественного строя многие родственные обращения стали использоваться и в обращении к людям, не состоящим в родственных отношениях. Чаще всего эти обращения употреблялись в неофициальной обстановке и выражали относительно теплое отношение адресанта к адресату, но в основном эти обращения адресовались людям старшего поколения или старшим по возрасту.

В китайском языке существует пять критериев использования родственных обращений к людям, не состоящим в родственных отношениях. Не менее сложную и интересную систему представляют собой социальные обращения.

На использование этой категории обращений оказывают влияние различные факторы, в том числе ситуация, в которой происходит общение (обращения, употребляемые в обычной обстановке между соседями, коллегами, друзьями; обращения, употребляемые при первой встрече; обращения, употребляемые в официальной обстановке). Например, особую группу обращений составляют так называемые *чжие чэнвэй* — профессиональные обращения. Они используются в учреждениях, на заводах, в университетах при обсуждении различных рабочих вопросов.

Использование такого обращения означает уважительное отношение адресанта к профессии адресата и одновременно указывает на то, что содержание беседы будет в основном касаться профессиональных вопросов. К числу таких обращений относится *шифу*. В этом обращении одновременно содержится уважительное отношение к старшим по возрасту. В последнее время, а точнее после так называемой «культурной революции», это обращение стало почти универсальным и даже заменяет по-настоящему самое распространенное обращение в Китае после образования КНР, как и в бывш. СССР, — обращение «товарищ» — *тунчжи*.

К профессиональным обращениям также относятся такие, как *лаоши* 'учитель', *дайфу* или *ишэн* 'доктор' (эти слова одновременно являются названием должности), *хуши* 'медсестра', *хулиюань* 'санитар'. Но существует разница: после *дайфу* и *ишэн* можно не добавлять обращение *тунчжи*, а после *хуши* и *хулиюань* необходимо добавлять обращение *тунчжи*.

К профессиональным относятся такие обращения: *сыцзи* 'водитель', *юдиюань* 'почтальон', *миньцзин* 'милиционер', *шоупя-оюань* 'кондуктор' и др., но они отличаются от обращения *шифу* и *лаоши* тем, что одновременно являются и названием должности и в них нет оттенков особого уважения, как в обращении *шифу* и *лаоши*. Поэтому после этих обращений нужно добавить обращение *тунчжи*. В таком случае обращение будет звучать тепло и уважительно.

Следующая категория обращений, часто встречающихся в современном китайском языке, – это должностные обращения *чжиу чэнвэй*. Эти обращения употребляются главным образом для уточнения круга обязанностей и ответственности. Они используются в официальной обстановке, но если у коммуникантов отношения не близкие, то принято и в неофициальной обстановке пользоваться такими обращениями. В армии, например, *сылли* 'командующий', *чжэнвэй* 'политрук' и др.; в административных учреждениях *бучжан* 'министр', *цзюйчжан* 'начальник управления', *кэчжан* 'начальник отдела' и др.; в строительной и технической сфере *цзунгунчэнши* 'главный инженер', *гунчэнши* 'инженер', *цзишюань* 'техник'. Перед названием должности можно добавить фамилию или после названия должности добавить *тунчжи* 'товарищ'. Но обычно, если используется фамилия + должность, то после обращения *тунчжи* не добавляют. Должность + *тунчжи* более теплое обращение, нежели без *тунчжи*.

В высших учебных заведениях существуют такие должностные обращения, как *цзяошоу* 'профессор', *фуцзяошоу* 'доцент', *цзянши* 'старший преподаватель', *чжуцзяо* 'ассистент'. Раньше эти обращения не использовались в устном общении, но в последние годы все чаще в речи стало встречаться обращение *цзяошоу* – профессор,

Согласно внутрипартийному постановлению, к партийным лидерам КПК необходимо обращаться без названия должности, просто *тунчжи* – товарищ, но тем не менее существует обращение *шущи* 'секретарь партячейки', хотя даже к секретарю Центрального Комитета КПК обращаются по форме: имя + *тунчжи*, а не фамилия + *шущи*.

В китайском языке к общеупотребительным обращениям относится слово *сяньшэн* 'господин', которое было применимо и к женщине. Это обращение использовалось по отношению к людям интеллигентным или имеющим положение в обществе. Такого же рода обращение к незамужним женщинам *сяоцзе* 'барышня', к замужним – *тайтай* 'госпожа, дама'. Слово *гуянь* 'девушка' чаще использовалось в обращении старших по возрасту к молодым незамужним девушкам. Обращения *сяньшэн*, *тайтай* и *сяоцзе* после революции 49-го года сократились в общении до минимума. В настоящее время обращение к женщине – *нюйши* 'мадам' становится общеупотребительным.

После создания КНР самым общеупотребительным и удобным обращением стало *тунчжи* 'товарищ'. Его использование не зависит от профессии, должности, пола. Слово *тунчжи* 'товарищ' в китайском языке изначально имело значение «чжицзюй сянтун», т.е. совпадение воли и интересов; оно встречалось в древних трактатах. Революционный оттенок это обращение получило после демократической революции в Китае. Правила использования этого обращения несколько изменились по сравне-

нию с начальным этапом революционной истории в Китае. Чтобы выразить уважение к старшим по возрасту и ласковое обращение к детям перед *тунчжи* добавляют *лао* 'почтенный, старый' или *сяо* 'маленький'. Слова *нань* 'мужчина' и *нюй* 'женщина' перед *тунчжи* используются при обращении к незнакомым людям в общественном месте для уточнения, к кому именно обращаются.

Интересным разделом обращений в китайском языке являются обращения по фамилии и имени – *синмин чэнвэй*. Перед фамилией и именем или после фамилии и имени добавляются другие формы обращения, например: XXX *лаоши*; XXX *шифу*; XX *цзяошоу*; XXX *бучжан*; XXX *чжэнвэй*. Такая форма используется в официальном обращении. При неофициальном обращении добавляются *лао*, *чжун*, *да* и т.д. для подчеркивания степени уважения.

Особую группу как в составе родственных, так и социальных обращений составляют клички и прозвища.

Многообразная и богатая система обращений в современном китайском языке находится в развитии, каждое из обращений имеет свою историю возникновения и использования. Коммуникант выбирает такую форму обращений, такое языковое средство, которое в наибольшей степени соответствует потребностям общения в определенной обстановке.

С.И.Лизогуб
(Москва)

ГЛАГОЛЬНО-ИМЕННЫЕ КОМПЛЕКСЫ И СТРУКТУРА БИРМАНСКОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Одним из видов глагольных комплексов в бирманском языке являются глагольно-именные комплексы. Их особенностью является наличие неоформленного имени в препозиции к глаголу.

Как известно, бирманский язык обладает достаточно развитыми средствами маркирования синтаксических функций. Это, прежде всего, использование послелогов, которые могут оформлять как подлежащее, так и различного вида дополнения, а также имя в атрибутивной конструкции и др.

Не все синтаксические показатели являются обязательными. В определенных условиях, связанных, как правило, с актуальным членением и формой языка (письменной или устной), послелоги подлежащего, прямого дополнения и дополнения направленности могут опускаться.

Что же касается глагольно-именных комплексов, то в них именной компонент никогда не может быть оформлен каким бы то ни было синтаксическим показателем. Однако имя может

быть отделено от глагола префиксом отрицания *мэ*, который почти всегда ставится перед глагольным компонентом комплекса, а также приименными частицами *ка́* (показатель топики) и *ли́* (письм.)/*лэ́* (устн.) 'тоже' и некоторыми другими.

В данной работе мы попробуем выяснить соотношение валентностей глагольно-именного комплекса и валентностей входящего в него глагольного компонента при его самостоятельном употреблении.

Теоретически и здесь возможны различия в зависимости от того, заполняет ли именной компонент обязательную¹ или факультативную валентность, а также от того, насколько валентностные характеристики комплекса отличаются от характеристик глагольного компонента, употребляемого самостоятельно. Рассмотрим случай, когда именной компонент заполняет обязательную валентность.

Иногда валентностные характеристики глагола и глагольно-именного комплекса не совпадают только в количественном отношении, так как одну из валентностей заполняет именной компонент, при этом остальные валентности остаются свободными и могут быть заполнены при употреблении комплекса в составе предложения – случай (А).

К этому случаю относятся глагольно-именные комплексы с так называемым «пустым дополнением», т.е. с дополнением, не несущим никакой семантической нагрузки и появляющимся только в том случае, если соответствующая валентность оказывается незаполненной, например *тхэмин са́* 'рис (вареный) + есть' = 'есть вообще (не обязательно рис), питаться' и *са пха́* 'письмо, нечто написанное + читать' = 'читать вообще'. Примерами синтаксических конструкций с последним глаголом может служить следующая пара конструкций, в которой сначала дается пример на употребление глагола в составе обычной синтаксической конструкции, а затем – в составе глагольно-именного комплекса: *мйэма ба́да са́ т́ан коу маун п́ита т́оу та́ хмү ц́и лэй йау́ п́йайн ту́ тан п́йайн п́ха́ лай́ ча́ и́* 'Надпись на бирманском языке четверо офицеров с Маун Питером во главе прочитали хором наперегонки'; *хмвэй хоу т́дун ка́ й́д са́ тэй́ п́ха́ тэ́ ла́* 'Хмвэй, ты тогда много читала?'.²

К комплексам такого типа можно отнести и такие комплексы, как *элоу́ лоу́* 'работа + работать, трудиться' и т.д., а также комплексы, которые, по аналогии, можно было бы назвать комплексами с «пустым подлежащим», например, *м́ду й́ва* 'небо (самост. не употребляется) + идти (о дожде)' = 'идти (о дожде)'.

¹ Такая возможность является чисто теоретическим допущением, так как примеры комплексов, в которых именной компонент занимал бы факультативную валентность, в имеющихся у нас материалах отсутствуют.

Комплексы этих двух типов мы будем обозначать соответственно $(NV)_{obj}$ и $(NV)_{sub}$. В ряде примеров валентностные характеристики глагола и соответствующего глагольно-именного комплекса не совпадают по количеству и/или по содержанию валентностей – случай (B).

К этой группе можно отнести прежде всего глагольно-именные комплексы, в которых именной компонент замещает субъектную валентность $(NV)_{sub}$, а также идиоматизированные комплексы NV_{idiom} .

В предложении у комплекса типа $(NV)_{sub}$ появляется новая субъектная валентность, замещаемая именем, которое может сочетаться с соответствующим синтаксическим показателем.

Такие конструкции, чрезвычайно распространенные в языках Юго-Восточной Азии и Дальнего Востока, описываются как конструкции с «двойным подлежащим» [Okell 1969, 37], конструкции с «тематическим членом предложения» [Морев 1991, 196], с «тематическим подлежащим» [Горгониев 1966, 247] или как конструкции с «атрибутивным подлежащим» [Драгунов 1962, 168]. Последний термин очень хорошо отражает отношения между грамматическим подлежащим и именным компонентом комплекса – «обладатель и обладаемое».

Как правило, в качестве грамматического подлежащего в подобных предложениях бирманского языка выступает имя, обозначающее живое существо (чаще всего – лицо), а в качестве именного компонента глагольно-именного комплекса – имя, обозначающее «неотчуждаемую собственность» посессора, такую, как части тела или характеристики, например: *чхәун схәу* 'горло + быть плохим' = 'кашлять', *әтэ' чһ* 'возраст + быть большим' = 'быть взрослым, пожилым'.

Подлежащее в предложениях с комплексами этой группы может характеризоваться следующими семантическими ролями: а) абсолютива *кан кәун* 'карма + быть хорошим' = 'быть удачливым', *әтэ' чһ* 'возраст, жизнь + быть большим' = 'быть взрослым, пожилым'; б) экспериенцера – *сәй' на* 'душа + болеть'; в) копулятива – *тәйа мэ* 'закон + быть лишенным' = 'быть незаконным'. Примером предложения с этими комплексами может служить следующее: *схәйа тәу тә әтэ' чһ тһә пһи* 'Учитель уже постарел' (букв.: 'что касается учителя, возраст стал большим'), где подлежащему приписывается семантическая роль абсолютива.

Кроме того, имеются и переходные случаи, когда один и тот же комплекс может как сохранять первоначальные валентности глагольного компонента, так и приобретать новые – случай (C). Примером такого комплекса может служить комплекс *сәкә пһид* 'слово, речь + говорить' = 'разговаривать'.

Глагольный компонент этого комплекса при самостоятельном употреблении образует следующие синтаксические конструкции:

$$1) A^1_S A^2_{Dir} A^3_O V / A^1_{don} A^2_{recip} A^3_{delib} P$$

эмá коу то чэно тэ кху пйð йá лэйн мэ 'Старшей сестре я, пожалуй, скажу кое-что (букв.: одну вещь)';

$$2) A^1_S A^2_{Dir} A^3_{Cit} V / A^1_{don} A^2_{recip} A^3_{delib} P$$

...у хлá шэйн í зэни кá чэно í мйкхйн á мэйнкэлэй мвэй пин кàун мэ ... ху пйð пá ðи 'Жена У Хларр Шэйна сказала моей матери: – Если родится девочка, хорошо'.

Что же касается самого комплекса, то в нем именной компонент всегда занимает позицию третьего актанта, а второй актант либо остается дополнением направленности (семантическая роль – реципиент), например: эчхи' коу лэ чэно сэкá мэ пйð йэ пá пху 'Любимой я тоже ничего не решился сказать', либо становится дополнением совместности (семантическая роль – контрагент), например: [дау'та схоу ðу] схэймá хнйн лэкáун чэно í пхá кхйн хнйн лэкáун сэкá пйð чá пá ðи '[Тот, кого называли доктором], разговаривал и с той, кого называли медсестрой, и с моим отцом'.

В первом примере синтаксическую конструкцию можно представить:

$$A^1_S A^2_{Dir} (NV)_{Obj} / A^1_{don} A^2_{recip} P^{nv}_{delib}$$

а во втором:

$$A^1_S A^2_{Comit} (NV)_{Obj} / A^1_{abs} A^2_{contrl} P^{nv}_{res}$$

Из приведенных выше примеров видно, что более или менее просто вопрос о синтаксической конструкции предложения, сказуемое которого является глагольным комплексом, решается в случае (B), когда актантно-аргументные характеристики исходного глагола и глагольного комплекса не совпадают. В случае же (A) возможны следующие решения:

1) Считать именной компонент комплекса входящим в актантно-аргументную структуру образуемой синтаксической конструкции, а саму конструкцию признать идентичной элементарной синтаксической конструкции соответствующего глагола;

2) считать именной компонент входящим в состав предиката (сказуемого) и, соответственно, вывести его из актантно-аргументной структуры синтаксической конструкции. Тогда конструкции, образуемые глагольным компонентом комплекса при самостоятельном употреблении, и конструкции, образуемые самим комплексом, будут различаться числом и (иногда) составом валентностей.

Каждый из этих подходов имеет свои плюсы и минусы. Первый подход удобен тем, что позволяет отождествить сочетание сэкá пйð 'слово, речь + говорить' = 'разговаривать' в следующих примерах:

э ðи нау' мá мá нэ тото ча сэкá мэ пйð пхйи' чá пху 'После этого им долго не удавалось поговорить со старшей сестрой';

[*dau'ta pa di*] ... *чэно í míkхiн хни́н сэ́ка тэ кху́н пйò па ди* (букв.: моя мать + Comit слово один + клф два + клф говорить) '[Доктор Пади]... сказал моей матери пару слов', – хотя, по определению, во втором примере данное сочетание не должно считаться глагольно-именным комплексом, так как в нем *сэ́ка* употребляется в сочетании со счетными словами и числительными (количественное определение)². Кроме того, при таком подходе выделение каких-либо глагольно-именных комплексов, кроме (NV)_{idiom} является излишним, что позволяет уменьшить количество единиц, задаваемых словарем, однако увеличивает число правил, обеспечивающих построение высказываний.

С другой стороны, при втором подходе сочетания *сэ́ка пйò* 'слово, речь + говорить' = 'разговаривать' в предыдущих двух примерах следовало бы признать омонимичными, а синтаксические конструкции этих предложений – различными. Это увеличивает число словарных единиц, однако несколько упрощает синтаксическое описание, поэтому такой подход нам кажется более предпочтительным.

ЛИТЕРАТУРА

Okell J. A Reference Grammar of Colloquial Burmese. V.1-2. – London, 1969; *Морев Л.Н.* Сопоставительная грамматика тайских языков. – М., 1991; *Горгониев Ю.А.* Грамматика кхмерского языка. М., 1966; *Драгунов А.А.* Грамматическая система современного китайского разговорного языка. – Л., 1962.

Л.Н.Морев
(Москва)

КИТАЙСКИЙ И ТАЙСКИЙ СИНТАКСИС СКВОЗЬ ПРИЗМУ ИКОНИЧНОСТИ

Одни языковые картины подобны полотнам художника-реалиста, а другие – произведениям художника-абстракциониста. На первых внешний мир отображается с помощью определенных символов, а на других действительность представлена в абстрактном, перекодированном в ходе мыслительного процесса виде. Соответственно этому языки первого типа могут называться ико-

² На близость этих сочетаний указывает и тот факт, что и в том, и в другом случае требуется в качестве второго актанта дополнение совместности, что нехарактерно для глагола *пйò* в самостоятельном употреблении.

ническими (реалистическими, аналогическими), а вторые – абстрактными.

Различие между иконическими и абстрактными языками можно видеть на примерах из китайского и тайского языков и их русских эквивалентов: кит. *qí ma zǒu* (букв. 'сидеть верхом – лошадь – идти – показат. соверш. вида') – *уехал на лошади*; лаос. *sai vééntaa aan nangsi* (букв. 'носить – очки – читать – книга') – *читать в очках*. В китайском и лаосском примерах имеет место иконическое отображение действительности: каждый компонент реального мира обозначен определенным символом и порядок компонентов отражает последовательность действий в реальном мире. В русском эквиваленте информация передается в переработанном в ходе процесса мышления виде, а именно: *сидеть верхом* перекодировано в «предлог *на* + местный падеж существительного», *носить очки* – в «предлог *в* + предл. падеж существительного», кроме того, изменена конфигурация актантов.

На самом деле, по-видимому, не существует чисто иконических или чисто абстрактных языков. Едва ли найдутся естественные языки, которые с кинематографической точностью воспроизводили бы действительность, вместе с тем, очевидно, нет языков, полностью оторвавшихся от действительности и представляющих мир абстрактно, вне связи с реальностью. Границы между типами довольно относительно. Тем не менее можно сказать, что китайский и тайские языки принадлежат к иконическим языкам, а флективные языки типа русского – к абстрактным (в указанном смысле). Выступая на 26-й Международной конференции по сино-тибетским языкам (1993), китайский лингвист Ни Дабай отмечал, что в названных языках «порядок слов в грамматических структурах отражает естественную временную последовательность событий и состояний, о которых идет речь», и что «языковая структура непосредственно отражает структуру реального времени, а порядок слов соответствует естественному ходу мысли».

В данном случае предметом сопоставления служат китайский и тайские языки. Задача состоит в том, чтобы выявить меру иконичности этих языков, установить степень различия между ними в рассматриваемом аспекте. Но сопоставление ведется не фронтально, а только в пределах части синтаксической системы этих языков, относящейся к актантной структуре простого предложения.

В изолирующих языках, к которым принадлежат китайский и тайские языки, синтаксические отношения между действующими лицами (актантами) выражаются либо порядком слов, либо предлогами, а во флективных языках – либо предлогами, либо флексиями. Но при этом нужно иметь в виду, что существуют серьезные различия между предлогами в изолирующих и во флективных языках. Большинство морфем, которые в китайском

и тайском языкознании принято называть предлогами, семантически прозрачны и конкретны, большинство из них имеют грамматические омонимы в сфере знаменательных слов (отсюда дискуссия о категориальной принадлежности этих элементов), в то время как во флективных языках большинство предлогов не ассоциируется с конкретным лексическим значением и служит показателем синтаксической функции. Важно также отметить, что китайские и тайские предлоги вместе с именем в большинстве случаев сохраняют в структуре предложения то место, которое занимал их этимон, а во флективных языках предложные сочетания позиционно более свободны.

При взгляде на китайский язык обращает на себя внимание тот факт, что большинство приглагольных актантов занимают позицию предшествования относительно глагола, составляющего семантическое ядро сказуемого (предиката). Так, из 24 случаев, когда синтаксические роли определялись различными отглагольными предлогами, в том числе нулем предлога, в 19 случаях предлоги находились в препозиции к предикативному глаголу, и только в четырех – в постпозиции [Шутова 1991].

Семантический анализ препозиционных актантов в китайском языке показывает, что действие, обозначенное глагольным этимоном того или иного предлога, в действительности предшествовало действию, названному в предикативном глаголе. Например, кит. *dui wo zhao shou* (букв. этимол. 'противопологаться – я – махать – рука') 'помахать мне рукой', т. е. сначала развернуться к кому-нибудь, а затем махать рукой (обратный порядок противоестественен); *qi ma zoula* (букв. этимол. 'сидеть – верхом – лошадь – идти – показ. соверш. вида') 'уехал на лошади', т. е. сначала сесть на лошадь и лишь после этого тронуться в путь (обратный порядок действий также противоестественен). Однако такой изоморфизм расположения элементов в поверхностной структуре предложения и событий в реальном мире проявляется далеко не всегда. Имеют место многочисленные отступления от естественного порядка. Это касается актантов с предлогами: объекта действия *ba*, адресата *gei*, местоположения *zai*, достижения какого-либо пункта *dao* и нек. др. Например, *ba yangla chui mie* 'задуть свечу' (букв. этимол. 'братъ – свеча – дуть – уничтожать'), *zai ben zi shang xie zi* (букв. этимол. 'находиться – тетрадь – верх – писать – иероглиф') 'писать иероглифы в тетради', *gei ta song xin* (букв. этимол. 'давать – он – посылать – письмо') 'послать ему письмо'. В этих примерах актанты *ba yangla* 'аккуз. + свеча', *zai benzi shang* 'локатив + тетрадь', *gei ta* 'адресат + он' находятся не на «своем» исконном месте: никто не берет свечу, никто не находится на тетради, письмо нельзя передать раньше, чем отправившь его.

Актантная структура тайских языков заметно отличается от китайской. Прежде всего отмечается, что в тайских языках при-

глагольные актанты находятся преимущественно в позиции следования к предикативному глаголу. В позиции предшествования может находиться по существу только одна синтаксическая функция – «инструмент», вводимая морфемой *aw* 'брать', аналогичной по функции китайской морфеме *youg*. Спорадически в этой позиции можно встретить синтаксическую функцию «локатив» и нек. др. Остальные функции, как правило, находятся в постпозиции, не нарушая при этом принципа иконичности. Ср. кит. *xiang he qu* (букв. этимол. 'поворачиваться – к – река – идти') 'идти к реке' с лаос. *pai ha nam* (букв. этимол. 'идти – искать – река') 'идти к реке'.

Тайский языковой материал показывает, что традиционные иконические конфигурации имеют тенденцию трансформироваться в постпозиционные конструкции с предлогами. Например, вместо иконического лаос. *khui lot maa* (букв. 'ехать верхом – машина – приходить') 'приехать на машине' употребляется форма *maa nam lot* 'приехать на машине', где элемент *nam* – предлог, этимологизируемый как глагол со значением 'следовать, сопровождать, вести'; вместо тай. *aw miit tat* (букв. этимол. 'брать – нож резать') 'резать ножом' используется форма *tat duai miit* 'резать ножом', где элемент *duai* – предлог с инструментальным значением, происшедший от вышедшего из употребления глагола *duai* 'сопровождать, сопутствовать'.

В ходе эволюции синтаксических структур китайского и тайских языков происходил отход от принципа иконичности, благодаря чему возрастали изобразительные и коммуникативные возможности языков. При этом в китайском языке актанты имеют тенденцию смещаться в препозицию к предикативному глаголу, а в тайских языках наоборот – в постпозицию. Поэтому китайский язык, хотя и с известной натяжкой, можно отнести к типу SOV, а тайские языки остаются в типе SVO. Причиной этому может быть либо разный генетический код, либо мутация в ходе филогенеза, либо внешнее влияние, либо какие-то другие факторы. Этот вопрос остается пока открытым. Несмотря на происходящие трансформации синтаксических структур, оба сопоставляемых языка остаются в рамках иконического типа языков. Но китайский язык все же более абстрактный в определенном выше смысле, он имеет меньше черт иконичности, чем тайские языки. Это выражается в более частом отступлении от принципа иконичности в порядке следования приглагольных актантов в поверхностных структурах, а также в большей грамматизации китайских предлогов по сравнению с тайскими, имеющими более узкое, специализированное значение. В общем, различие между китайским и тайскими языками в рассматриваемом аспекте заключается в глубине переработки информации из внешнего мира.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ НАРОДОВ МЯО-ЯО

(на основе анализа языковых материалов)

1. Народы мяо-яо известны с глубокой древности. В процессе формирования и развития народов юга Китая и Юго-Восточной Азии они сыграли заметную роль, однако в этнической истории этих народов осталось еще много неясных мест. До сих пор ведутся споры об их происхождении, местах проживания предков, их взаимоотношениях с другими доисторическими народами.

Численность народностей мяо-яо составляет приблизительно 7 млн чел. (в том числе мяо – около 5 млн чел., яо – около 2 млн чел.), они проживают большей частью в Китае, а также во Вьетнаме, Лаосе, Таиланде и Бирме.

Языки мяо-яо¹ подразделяются на три ветви: мяо, яо и хо-нте (Ho Ntê), или шэ. К мяо относятся несколько десятков языков, которые объединяются в четыре группы: 1) восточную – язык мху (на востоке провинции Гуйчжоу); 2) северную – язык Qoxiong (на границе пров. Гуйчжоу, Хунань и Хубэй; 3) западную, содержащую большое количество языков и диалектов во Вьетнаме, Лаосе, Таиланде, Бирме (в том числе язык хмонг) и 4) группу ну. Ветвь языков яо включает три группы: мьен-мун (в том числе диалекты языка яо во Вьетнаме), цзаоминь и минь-мен. Народность хо-нте (шэ) (численностью 330 тыс. чел.) проживает в пров. Фуцзянь, Чжэцзян, Гуандун (Китай). На языке хо-нте говорит лишь малая часть этой народности, а большая пользуется китайским языком. П.Бенедикт предлагает рассматривать язык патхен² (пахынг, наз; самоназвание народа – *pahŋ*) во Вьетнаме в качестве отдельной ветви языков мяо-яо. однако

¹ Этнографическая и лингвистическая классификации мяо-яо не всегда совпадают. Так, некоторые этнографические группы мяо говорят на языках яо (например, одна из народностей мяо о-ва Хайнань), и наоборот: народность (пу)му в Гуйчжоу говорит на одном из языков мяо. Имеется также этническая группа яо, часть которой говорит на языках ветви яо (мьен, мун), другая – на языке лаккья (дун-шуйская группа), а третья – на китайском языке. Поэтому, чтобы избежать путаницы с использованием термина «мяо-яо», ряд китайских исследователей предлагает называть языки мяо-яо языками хмонг-мьен [Strecker D., 1987].

² Самоназвание этнической группы патхен [*pahŋ*] во Вьетнаме совпадает с самоназванием этнической группы [*pahŋ*], проживающей в пров. Гуйчжоу (Китай)

возможно, что он принадлежит группе ну (материалы по языку патхен пока еще не опубликованы).

2. О генетических связях языков мяо-яо. Китайские лингвисты упорно продолжают относить языки мяо-яо к тибето-китайской языковой семье [Ван Фуши, 1989]. Главным основанием для этого является структурная схожесть этих языков: 1) отсутствие словоизменения, выражение всех грамматических значений с помощью словопорядка и служебных слов; 2) наличие большого количества классификаторов; 3) наличие наречных слов, позволяющих разделить слова, обозначающие действия, и слова, обозначающие свойства. Кроме того, в языках мяо-яо и в китайском имеется немало общих слов, однако, как утверждают многие исследователи, эти слова – результат заимствования из китайского [Downer G.B.].

Однако следует отметить, что в языках мяо-яо, тайском, китайском, а также вьетнамском все же существует достаточное количество родственных слов: «баклажан (род. назв.)» – яо *kyee*⁴, тай. *khia*, вьет. *cà*; «бобовые (род. назв.)» – яо *top*⁸, мео *taw*⁴³⁴, тай. *thua*¹, вьет. *đâu, đậu*; «имбирь» – мео *qha*³, тай. *khing*, вьет. *gừng*; «лошадь» – яо *ma*⁴, тхай *ma*², «курица» – мео *qai*⁵³, тай. *kai*¹, вьет. *gà*; «железо» – яо *hle*⁷, тай. *hlèk*, вьет. *sắt*, «золото» – яо *sim*¹, тай. *khêm*, вьет. *kim* и т.д.

В начале XX в. была выдвинута гипотеза о генетической общности языков мяо-яо и мон-кхмерских языков. В тот момент это прозвучало малоубедительно из-за недостаточности материалов и неточностей в их записи. Впоследствии А.Одрикур как бы поддержал эту версию, научно доказав наличие ряда (хотя и очень ограниченного) общих слов для мяо-яо и мон-кхмерских языков: «глаз», «нос», «кровь», «кость», «вода», «собака», «орел», «стрела». Список этих слов был пополнен С.Е.Яхонтовым (слова со значением «земля», «мышь, крыса», «три», «рука», «мы» [Яхонтов, 1983]).

Нужно отметить, что слова, общие для мяо-яо и мон-кхмерских языков (хотя их и немного), принадлежат к наиболее базовой лексике, и трудно представить, что общность этих слов лишь случайное совпадение. С другой стороны, народы мяо-яо и мон-кхмеры исторически не имели тесных контактов, поэтому наличие в этих языках общих слов не может считаться результатом заимствований. Таким образом, возможно, языки мяо-яо и имеют общее происхождение с аустроазиатскими языками, но в любом случае их генетическое родство очень отдаленное.

В 1942 г. П.Бенедикт высказал новую гипотезу о генетическом родстве языков юга Китая и Юго-Восточной Азии: тайские языки, кадайские языки (ле, лакуа, гэлао, лати) и австронезийские принадлежат к одной группе, образуя вместе с аустроазиатскими языками аустрическую семью. По мнению П.Бенедикта,

языки мяо-яо также ведут свое происхождение от протоаустрической семьи. В 1966 г. П.Бенедикт разделил языки Юго-Восточной Азии на китайско-тибетские, мяо-яо, аустроазиатские и аустротайские, включающие австронезийские, кадайские, камсуйские (дун-шуйские) и тайские. В 1973 г. он вновь пересмотрел свою гипотезу, рассматривая теперь языки мяо-яо как отдельную группу среди аустротайских языков наряду с кадайскими, австронезийскими и аустроазиатскими языками. Наконец, в 1975 г. П.Бенедикт опять вывел аустроазиатские языки из аустротайских. Таким образом, аустротайские языки, по его мнению, состоят из двух групп: мяо-яо и кадайско-австронезийские языки, при этом к кадайским языкам помимо лакуа, лати, ле. гэлао, относятся также тайские, кам-суйские языки, язык лаккья и онгбе.

В 1909 г. С.Конов определил мяо-яо как отдельную языковую семью и назвал ее семьей языков ман. В настоящее время данной точки зрения придерживается С.Е.Яхонтов [Яхонтов, 1983].

3. О расселении народов мяо-яо (по данным лингвистической географии и глоттохронологии). В настоящее время можно выделить три района распространения языков мяо-яо. Первый – пров. Гуйчжоу, север пров. Хунань, юг пров. Сычуань, северо-восток пров. Юньнань и ряд областей на севере и северо-востоке пров. Гуанси. Это район распространения языков группы мяо (включая ну). Второй район – юг пров. Хунань, север пров. Гуандун и область на северо-востоке пров. Гуанси. Это область распространения языков и диалектов группы яо. Третий район – юг пров. Юньнань, Гуандун, Гуанси, о-в Хайнань, а также Вьетнам, Лаос, Таиланд и Бирма. Здесь распространены языки мяо и языки яо. Однако в этот район народности мяо-яо переселились только недавно.

Граница между районом, где проживают только народности мяо, и районом, где проживают только народности яо, проходит по Гуйчжоу, Хунань и Гуанси. Здесь распространены также камсуйские (дун-шуйские) языки. Камсуйские народности исконно проживали на юге, а затем переселились в этот район. Таким образом, районы расселения народов мяо-яо перемежаются районами расселения камсуйских народностей. Можно выдвинуть гипотезу, что изначально народности мяо-яо являлись единым народом с компактным районом расселения, а затем мяо-яо оказались разделенными на две части переселенцами с юга. Потомки этих переселенцев – современные камсуйцы.

Количество общих слов по диалектам мяо-яо составляет приблизительно 40% (как и для тайских языков. Таким образом, время разделения языков мяо-яо то же, что и разделение тайских и камсуйских языков, которое произошло приблизительно три тысячи лет назад [Яхонтов, 1979]. Это

совпадает с данными историков, которые утверждают, что процесс становления народов мяо-яо протекал в конце второго тысячелетия до н.э.

Определение прародины мяо-яо вызывает большие споры. В начале XX в. Ф.Савина высказал гипотезу о северном происхождении народов мяо-яо [Savina, 1930]. Опираясь на данные глоттохронологии, С.Е.Яхонтов утверждает, что начиная с V тысячелетия до н.э. предки народов мяо-яо уже проживали на юге Китая, однако определить северную границу проживания народов мяо-яо в тот период трудно [Яхонтов, 1979].

На севере предки мяо-яо, возможно, контактировали с тибето-бирманцами. Числительные от «четырёх» до «восьми», а также слова «луна»/«месяц», «солнце»/«день» в языках мяо-яо заимствованы из тибето-бирманских языков. Например, «четыре» – мяо (Хунань) *prei¹*, ну *tla¹*, мьен (яо) *pje¹*, хмонг *plaw¹*, тиб. *bzi¹*, бирм. *lei³*; «пять» – мяо (Хунань) *pra¹*, ну *tsu¹*, мьен (яо) *pja¹*, хмонг *tsi¹*, тиб. *lnga*, бирм. *nga³*. Числительные «четыре» и «пять» в мяо-яо еще сохранили следы пресиллаба *b-*. Во многих современных тибето-бирманских языках сохранился этот пресиллаб в виде губного: «четыре» – гаро *bri*, магар *buli*, лусей *pāli*, ронг *fāli*; «пять» – гаро *bang*, магар *bang*, ронг *fāngo*.

Хотя это достаточно ранние заимствования, в языке, из которого заимствовались эти слова, уже сложилась система пресиллабов с глухими согласными, а в системе гласных, по сравнению с прототибето-бирманским, уже произошли изменения. Из этого можно сделать вывод, что этот язык принадлежал восточной тибето-бирманской группе.

Перечисленные выше заимствования стали частью языка протомяо-яо до того, как древние мяо-яо стали контактировать с предками китайцев. Таким образом, можно предположить, что древние мяо-яо переселились на запад во втором тысячелетии до н.э., уже заимствовав ряд слов из тибето-бирманского языка; затем они переселились на север и использовали эти слова, общаясь с предками китайцев. Отсюда можно сделать вывод, что мяо-яо очень рано переселились на северо-запад Китая.

К этому можно добавить, что говоря о том, что мяо-яо принадлежат аустро-тхайской семье наряду с тайско-кадайской и австронезийской группами, Бенедикт, возможно, считал, что прародина мяо-яо, граничила с областью распространения тхайско-кадайских языков на юге (Гуандун, Гуанси и северная часть Тихого океана) и с областью распространения австронезийских языков на востоке (вдоль южной границы Китая).

Район Сычуани, северо-восток Юньнани – это прародина китайско-тибетских языков, а район Юньнани – колыбель тибето-бирманских языков.

Может быть два объяснения относительно контактов предков мяо-яо и тибето-бирманцев.

Первое: уже до первого века до н.э. район расселения древних мяо-яо включал северо-запад Китая, где возможны были контакты с тибето-бирманцами, как это предполагал Бенедикт.

Второе: до первого тысячелетия до н.э. тибето-бирманцы из центрального района расселения (Юньнань) распространились на восток и север, контактируя с мяо-яо.

(Пер. И.В.Самариной)

Ю.Я.Плам

(Москва)

ФУНКЦИОНАЛЬНО-ГРАММАТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА КЛАССИФИКАТОРОВ В СИСТЕМЕ ГРАММАТИЧЕСКОГО СТРОЯ ИЗОЛИРУЮЩИХ ЯЗЫКОВ КИТАЯ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

Проблема функционально-грамматической характеристики классификаторов постоянно привлекает внимание всех, кто занимается исследованием строя изолирующих языков Китая и Юго-Восточной Азии. Практически в любой работе, посвященной систематическому описанию того или иного изолирующего языка региона, в том или ином объеме дается описание функционирования классификаторов в данном языке, предлагается в прямой или косвенной форме оценка их природы и места в системе языка. Наиболее широко и всесторонне проблема функционально-грамматической характеристики классификаторов изучалась на материале китайского языка (см., например, [Исаенко, Коротков, Советов-Чень 1954; Коротков 1968; Лю Шишэн 1954; Москалев 1980; Солнцев 1957; 1977; Солнцева 1985; Чжан Лянцян 1961; Ян Синьань 1956] и др.). Большой материал в последние годы накоплен по проблеме классификаторов и в результате изучения вьетнамского языка (см., в частности, [Нгуен Тай Кан 1963; 1976; Панфилов 1988; Строганов 1974; Као Суан Хао 1982; Нгуен Тай Кан 1975] и т.п.), причем оценки и выводы ряда исследователей расходятся с оценками и выводами исследователей китайского языка. В значительной мере этой проблемой занимались также исследователи тайских языков [Благонравова 1971; 1974; Морев, Москалев, Плам 1972; Москалев 1980; Плам 1971; 1981; 1982; Плам 1972 и т.д.]; несколько меньше — исследователи бирманского языка [Мазо 1980], других изолирующих языков региона [Jones 1970].

Как известно, в языках Китая и Юго-Восточной Азии чаще всего классификаторы используются в нумеративно-предметных (числительно-именных) словосочетаниях, т.е. при сочетании

числительного с существительным. Вообще, подобное явление отмечается и в языках иной типологии (например, в русском, английском и др.) при необходимости исчислить существительные, означающие вещество или некоторое нерасчлененное множество, например, *две ложки сахара, два литра молока, пять голов скота* и т.п. Однако сходство между этими явлениями носит в действительности чисто внешний характер, и за внешним подобием явлений скрывается разная сущность, определяемая местом явления в разных языковых системах. Это проявляется, в частности, в том, что в изолирующих языках классификаторы используются не с существительными, обозначающими вещество как некоторое нерасчлененное множество (т.н. вещественными существительными), а, наоборот, с существительными, обозначающими дискретные предметы, которые в языках иной типологии, как правило, не требуют при сочетании с числительным применения каких-либо дополнительных языковых средств.

В русском и других подобных языках при исчислении т.н. вещественных существительных в качестве дополнительного языкового средства используются обычные знаменательные существительные, которые в грамматическом плане выступают как члены обычного атрибутивного именного словосочетания, и вопрос о природе и функции этих слов, о природе и характере самого явления практически не возникает. Перед исследователем изолирующего языка постоянно стоят два вопроса, связанные с феноменом классификаторов, — первое, их природа и характер, т.е. вопрос о том, являются ли они в данном языке знаменательными или служебными единицами, и, второе, их роль и назначение в данном языке, т.е. какова их функция в этом языке¹.

¹ Здесь мы не касаемся вопроса о семантических причинах существования самого явления классификаторов в изолирующих языках, связанных, например, по мнению Као Суан Хао (высказанному им на заседании Ученого Совета Института языкознания в Ханое в марте 1981 г.) с различным видением мира у носителей разных языков. Что же касается соотношения природы классификаторов и их функционирования в языке, то, как отмечает В.С.Панфилов [1988], при выяснении вопроса, что такое классификатор, одни исследователи термином «классификатор» обозначают служебные слова, т.е. «некоторую грамматическую группировку слов — часть речи», другие — этим термином обозначают «некоторую синтаксическую функцию» (выделено в обоих случаях мною. — Ю.П.).

С нашей точки зрения, эти два подхода не противоречат друг другу, поскольку, оценив классификаторы как «некоторую грамматическую группировку слов» (или как, например, в китайском языке как некоторую грамматическую группировку служебных элементов—морфем), мы одновременно можем говорить и о свой-

Материал китайского языка, подход, выработанный на материале этого языка, дал почти однозначные ответы на эти вопросы. В работах лингвистов-китаеведов было показано, прежде всего, что сам термин «классификатор» не является термином, достаточно точно отражающим сущность этого явления. Никаких лексико-грамматических подклассов существительных, с которыми сочетаются те или иные классификаторы, выделить не удалось. Во-первых, существительные, сочетающиеся с разными классификаторами, никак не различаются между собой какими-либо иными грамматическими свойствами, во-вторых, одни и те же существительные в зависимости от точки зрения говорящего на обозначаемый ими предмет (речь идет о тех или иных признаках внешней формы этих предметов) могут сочетаться то с одним, то с другим классификатором. Самое большее, что сочетаемость с классификаторами позволяет сделать, – это выделить некоторые семантические группировки существительных, в состав которых нередко попадают самые разнообразные и далекие друг от друга понятия (см., например, [Чжан Ляньцян 1961]).

В то же время, основываясь на свойстве классификаторов быть некоей прилепой к числительному, когда оно сочетается с существительным, в китаистике их называли счетными словами (поскольку в китайском языке они употребляются главным образом при исчислении существительных) и пришли к выводу, что основное их назначение – актуализация сочетающихся с ними существительных, выражение значения «штучности, единичности» при указании на некоторое количество предметов или на единичные предметы. Способность числительного или указательного местоимения в сочетании со счетным словом употребляться просубстантивно, вместо того существительного, к которому они относятся, позволила сделать вывод, что сочетание числительного со счетным словом представляет собой единое целое (со значением предметного счета), в составе которого счетные слова следует рассматривать как особые служебные элементы с тенденцией к морфологизации, к превращению в аффиксы числительных и указательных местоимений. Соответственно был выработан и термин – аффиксы единичности (см., например, [Исаенко и др. 1954; Солнцев 1957 и др.]).

Таким образом, основной вывод, к которому пришли исследователи китайского языка, повторенный затем и при описании некоторых других изолирующих языков, состоит в том, что классификаторы – это служебные единицы языка, образующие особую форму числительных и указательных местоимений. Их основное назначение – актуализация, выделение одного предмета

ственных этой группировке грамматических (синтаксических или морфологических) функций.

из ряда ему подобных, выражение значения штучности, единичности.

С этим выводом, полученным на материале китайского языка и в целом достаточно обоснованным, можно было бы согласиться, хотя и здесь остаются некоторые спорные вопросы, которых в настоящей статье мы касаться не будем, поскольку это уже дело конкретного исследования. Однако если подходить к феномену классификаторов с более широких позиций, то факты других изолирующих языков региона, в частности, тайских, вьетнамского и тех языков, которые были обследованы на территории Вьетнама российско-вьетнамской лингвистической экспедицией, не позволяют так однозначно решать проблему функционально-грамматической характеристики классификаторов в отношении всех изолирующих языков региона.

Этому есть и методологические основания. Если рассматривать каждое явление в системе, положив в основу принцип системности языковых явлений, а также исходить из системы языковых явлений в каждом конкретном языке, то следует признать, что вполне может и не существовать единой оценки явления классификаторов для всех изолирующих языков, что функционально-грамматическая характеристика классификаторов может изменяться от языка к языку в зависимости от тех ограничений или возможностей, которые допускает каждая языковая система. Многообразие функций классификаторов, выявленное в процессе обследования языков региона, различное их использование от языка к языку диктует необходимость решать проблему функционально-грамматической характеристики классификаторов применительно к каждому конкретному языку. Это касается и их функционирования в данном языке, и оценки их с точки зрения присущей им в данном случае природы и характера, т.е. того, являются ли они в данном языке служебными или знаменательными единицами. Только выявив сущность данного явления в конкретном языке, можно перейти к более высокому уровню обобщения. Несомненно, что при всех различиях в феномене классификаторов есть и нечто общее, но оно, это общее, может быть выявлено и выделено не на основе сопоставления внешних похожих явлений, а на основе сопоставления сущностей самих явлений. Таким образом, только с учетом особенного, т.е. того, что характерно для каждого данного языка, может быть выведено общее и дана общая характеристика классификаторов как особого специфического явления изолирующих языков.

Системный подход требует прежде всего оценки места и роли того или иного явления в данной системе. Поскольку классификаторы во всех языках используются в именной синтагме, а порядок слов в изолирующих языках является одним из основных грамматических способов, непосредственно влияющих на функционирование данной языковой системы, языки региона с этой

точки зрения могут быть распределены на три группы в зависимости от синтаксического порядка слов в именной синтагме:

1) языки, в которых и определение (О), и счетный комплекс, т.е. числительное (Ч) с классификатором (КЛФ) занимают препозитивное положение в отношении существительного (С), с которым они сочетаются – $O + (Ч + КЛФ) + С$; к таким языкам относится, например, китайский язык;

2) языки, в которых и определение, и счетный комплекс в составе числительного с классификатором занимают постпозитивное положение в отношении существительного, с которым они сочетаются – $С + (Ч + КЛФ) + О$; к таким языкам относятся, в частности, тайский и лаосский;

3) языки, в которых определение находится в постпозиции к существительному, а счетный комплекс (числительное с классификатором) занимает препозитивное положение в отношении существительного, с которым он сочетается – $(Ч + КЛФ) + С + О$; к таким языкам относятся, например, вьетнамский, а также языки хмонг, ма, тьру и нек. др.²

Теоретически возможен и четвертый случай, т.е. когда определение находится в препозиции к существительному, а счетный комплекс в составе числительного с классификатором в постпозиции, т.е. – $O + С + (Ч + КЛФ)$, но такой язык нам пока не встречался.

С порядком слов в именной синтагме в значительной мере связана и реализация в данном языке тех или иных функций классификаторов. Строго говоря, в языках с различным расположением компонентов в именной синтагме мы встречаем лишь два возможных использования классификаторов. (Под термином «использование» понимается функционирование классификаторов в именных синтагмах различного состава, но не разнообразие самих функций классификаторов, поскольку таких функций может быть выделено значительно больше, о чем и пойдет речь у нас ниже). Это – либо использование классификаторов в нумеративно-предметных словосочетаниях, т.е. в словосочетаниях, состоящих из трех компонентов – существительного, числительного и классификатора, либо использование классификаторов в синтагмах без числительного в качестве некоего препозитивного элемента при существительных (а в некоторых случаях и при глаголах и прилагательных), т.е. в двухкомпонентных образованиях.

Первое использование классификаторов, т.е. в нумеративно-предметных словосочетаниях, характерно для всех трех типов изолирующих языков. Второе использование классификаторов в

² В некоторых языках этого типа, например, в языке хмонг, существует вариативность в позиции определения, однако, в основном, оно занимает постпозитивное положение.

качестве некоторого препозитивного элемента в двухкомпонентных образованиях не характерно для 1-го типа языков с препозитивным расположением и определения и счетного комплекса; это использование также не характерно (но все же отмечается в языках 2-го типа с постпозитивным расположением и определения, и счетного комплекса — см., например, [Благонравова 1971₂], и оно весьма распространено в языках 3-го типа с препозицией счетного комплекса и постпозицией определения.

Причины такого распределения в использовании классификаторов по трем типам языков пока не исследовались, но можно предположить, что значительное влияние на него оказывает именно порядок слов в именной синтагме, причем существенную роль здесь играет не только и не столько позиция счетного комплекса в синтагме, а, следовательно, и позиция самого классификатора, сколько, в первую очередь, позиция определения вообще, присущая данному типу языков.

Мы уже имели возможность высказать наши соображения относительно функционально-грамматической характеристики классификаторов в нумеративно-предметных словосочетаниях [см. Морев и др. 1972; Плам 1971; 1981; Плам 1972]. Наши выводы были построены на базе исследования материалов языков 2-го типа (лаосского, тайского), последующий анализ материалов языков 3-го типа также подтверждает эти выводы.

Суть нашего подхода, основывающегося на анализе роли и места классификаторов в общей системе отношений в данном языке (что в свою очередь позволяет судить об их природе и характере в этом языке), кратко сводится к следующему.

Анализ особенностей сочетаемости существительного с числительным во всех изолирующих языках выявляет два способа синтаксической организации нумеративно-предметных словосочетаний — медиативный (опосредуемый) и немедиативный (неопосредуемый). При медиативном способе само сочетание числительного с существительным либо требует, либо допускает постановку некоторого опосредующего элемента — медиатива, выполняющего особую синтаксическую функцию грамматической связи числительного и существительного, функцию, которую мы называем синтаксической функцией опосредования. Формулировка, принятая нами — «либо требует, либо допускает» охватывает все известные нам изолирующие языки, поскольку в одних языках при медиативном способе организации нумеративно-предметных словосочетаний постановка медиатива обязательна, в других — возможна.

При немедиативном способе синтаксической организации нумеративно-предметных словосочетаний числительное сочетается с существительным без всякого опосредующего элемента, и, более того, в этом случае сама постановка такого опосредующего элемента вообще невозможна. К таким словосочетаниям во всех

языках относятся сочетания типа «два года», «два килограмма», «два овальных предмета», «два раза», «два вида» и т.п.

Поскольку выбор языком медиативного или немедиативного способа синтаксической организации каждого конкретного нумеративно-предметного словосочетания зависит не от того или иного числительного, логично предположить, что этот выбор определяется синтаксическими свойствами входящего в данное словосочетание второго, предметного компонента, т.е. существительного, обладающего определенным лексико-грамматическим значением, на базе которого и формируются его синтаксические свойства, требующие/допускающие или воспевающие постановку медиатива.

Таким образом, само наличие в языке четко определенного выбора между медиативным и немедиативным способами организации нумеративно-предметных словосочетаний позволяет выделить в каждом изолирующем языке два крупных лексико-грамматических подкласса существительных в зависимости от их синтаксических свойств – способности использовать при сочетании с числительным медиативный или немедиативный способ. Соответственно эти подклассы мы назвали – подкласс медиативных существительных, т.е. требующих/допускающих постановку медиативов, и подкласс немедиативных существительных, т.е. воспевающих постановку медиативов.

Связано ли с этим подразделением понятие так называемой исчисляемости, которое нередко используется при классификации существительных на исчисляемые и неисчисляемые имена? Прежде чем ответить на этот вопрос, необходимо, видимо, более четко определить само понятие исчисляемости как языкового явления. Практика описания многих изолирующих языков показывает, что под исчисляемостью/неисчисляемостью существительных обычно понимается возможность/невозможность исчисления самих предметов или явлений, существующих в объективном мире и нашедших свое отражение в значении того или иного существительного. Исчисляемыми в этом случае называют существительные, обозначающие отдельные дискретные предметы объективной действительности, которые можно посчитать поштучно, т.е. элементы некоторого расчлененного множества. Неисчисляемые существительные в этом понимании суть существительные, обозначающие предметы и явления, представленные как нерасчлененное множество и не поддающиеся поштучному подсчету.

Как мы видим, основные логические операции при подобном понимании исчисляемости производятся фактически не с единицами языка, а с их референтами, существующими во внеязыковой действительности. Однако, как известно, способы номинации, т.е. способы отражения свойств реальных объектов в семантике языковых единиц могут в разных языках оказываться различными, поскольку и насколько различны и разнообразны сами

свойства этих объектов, а также и в связи с тем, насколько различно восприятие этих свойств и тех или иных сторон самих объектов носителями разных языков. В результате при отсутствии достаточной опоры на собственно языковые критерии классификации языковых единиц создаются широкие возможности для тех или иных толкований семантики самих этих единиц. Именно на этом пути к тому же наиболее вероятно и давление категорий других языков, в частности, родного языка исследователя, при сопоставлении языковых единиц разных языков, отражающих одни и те же внеязыковые реалии.

Естественно, что каждый язык в той или иной мере находит свои собственные языковые средства для того, чтобы как-то отразить различие во внеязыковых реалиях, например, ту же дихотомию референтов, представляющих собой расчлененное и нерасчлененное множество. Именно одним из таких средств, отражающих данную дихотомию в изолирующих языках, и выступают классификаторы, которые употребляются при языковых единицах, отражающих расчлененное множество, и не используются при языковых единицах, отражающих нерасчлененное множество. Однако сам по себе этот факт еще не свидетельствует о том, является ли следующее за классификатором существительное как собственно языковая единица исчисляемым или неисчисляемым именем, так же как ничего не говорит и о природе самого классификатора.

На наш взгляд, в качестве наиболее надежного чисто языкового формально-грамматического критерия при определении исчисляемости существительных может быть использована упомянутая выше сочетаемость существительного с числительным. Если подходить к изолирующим языкам с этих позиций, то, на первый взгляд, окажется, что понятие исчисляемости существительных для них, строго говоря, не релевантно; все существительные так или иначе сочетаются с числительными и, с этой точки зрения, все они исчисляемы. Существенное различие заключается в том, что одни существительные сочетаются с числительными непосредственно на синтагматической оси (и их в изолирующих языках меньшинство), а другие требуют при этом использования каких-либо дополнительных языковых средств (и их в изолирующих языках большинство).

Характерно, что данное различие вовсе не совпадает с делением существительных на группу имен, обозначающих расчлененное множество, и группу имен, обозначающих нерасчлененное множество. Так, например, в число существительных, сочетающихся с числительными с помощью различных дополнительных языковых средств, входят как имена, обозначающие дискретные объекты, в частности, «стол», «дом», «река» и т.п., так и имена, обозначающие вещества или абстрактные понятия типа «вода», «соль», «доброта» и т.д. В свою очередь и сами эти до-

полнительные языковые средства не сводятся только к классификаторам, а включают кроме них и слова – единицы измерения, и просто обычные знаменательные существительные.

Таким образом, выделенные нами выше два подкласса существительных – немедиативные и медиативные – имеют непосредственное отношение к понятию исчисляемости в том плане, что немедиативные существительные представляют собой синтаксически непосредственно исчисляемые существительные, а медиативные существительные являются именами, требующими при исчислении, т.е. при сочетании с числительным на синтагматической оси, использования дополнительных языковых средств – медиативов, и только в этом смысле мы можем назвать их синтаксически непосредственно неисчисляемыми именами. При этом мы не вдаемся в характер их собственной семантики, как это делает, например, Као Суан Хао в отношении вьетнамских существительных, обозначающих дискретные объекты³.

Какие же элементы языка могут выступать в функции медиативов, нести на себе или выполнять синтаксическую функцию опосредования в нумеративно-предметных словосочетаниях? Набор этих элементов от одного языка к другому различен и в каждом языке должен быть исследован конкретно. Для тех языков 2-го и 3-го типов, например, тайского, лаосского, чжуан, хмонг и др., материал которых нам знаком, набор этих элементов достаточно широк и включает как немедиативные, так и многие медиативные существительные (последние с некоторыми семантическими ограничениями). В составе подкласса немедиативных существительных при этом выделяются такие регулярно используемые в функции медиативов субподклассы имен, как существительные – единицы измерения типа «килограмм», «литр» и т.д., кратные существительные типа «раз», разрядные существительные типа «вид», «сорт», «образец» и т.д. и, наконец, классификаторы. В составе подкласса медиативных существительных, выступающих в функции медиативов, можно выделить такие имена, обозначающие дискретные предметы, которые по своей семантике могут быть использованы для обозначения меры штучных предметов или вещества (например, «три коробки спичек», «три ложки сахара»), родо-видовые слова типа «птица», «насекомое», «плод», «растение» и т.п. В функции медиативов могут также выступать и любые другие медиативные существительные, обозначающие дискретные предметы, образуя конструкции с повторением существительного в тех случаях,

³ Соображения Као Суан Хао на этот счет были изложены им в выступлении на уже упоминавшемся заседании Ученого Совета Института языкознания КОН СРВ в марте 1981 г. и нашли свое более полное обоснование в его статье [Као Суан Хао 1982].

когда за данным медиативным существительным не закреплен определенный классификатор или он утрачен. Таковы, например, нумеративно-предметные конструкции в лаосском языке типа *патхеет саам патхеет* 'три страны' (букв. 'страна + три + страна'), в шанском языке – *венг хок венг* 'шесть городов' (букв. 'город + шесть + город') и т.п.

Таким образом, как мы видим, выступая в составе нумеративно-предметных словосочетаний в функции медиатива, классификатор не есть нечто уникальное, в этой своей функции он представляет собой не более чем частный случай более широкого явления, а его функционально-грамматическая характеристика не отличается от функционально-грамматической характеристики других существительных, используемых языком в этой функции в нумеративно-предметных словосочетаниях. Это функционально-грамматическое тождество, а также сохранение классификаторами определенной лексической наполненности (о чем свидетельствует их ограниченная сочетаемость с семантически ограниченными группами существительных) позволяет охарактеризовать классификаторы, например, в тайском и лаосском языках, а также в ряде других языков 2-го и 3-го типов (чжуан, хмонг, ма, тьру и т.д.), как знаменательные слова, образующие один из субподклассов немедиативных, непосредственно исчисляемых существительных и наделенные в языке в составе нумеративно-предметных словосочетаний специфической для изолирующих языков функцией опосредования (медиатива).

Наряду с функцией опосредования, которая выявляется лишь в составе нумеративно-предметных словосочетаний, классификаторы в изолирующих языках 2-го и, особенно, 3-го типа обладают и рядом других функций, в частности, классификаторы используются в качестве некоторого препозитивного компонента в двухкомпонентных образованиях без числительного. Такое явление выше мы назвали вторым использованием классификаторов. В некоторых случаях классификаторы используются и в самостоятельной синтаксической функции в предложении или словосочетании.

Рассмотрим эти явления на примере языка хмонг и некоторых других языков 2-го и 3-го типов. Анализ материала этих языков позволяет выделить три разновидности подобного использования классификаторов:

1. В позиции перед простыми или сложными существительными, обозначающими как дискретные, так и не дискретные объекты, при отсутствии числительного. При своем функционировании в языке конструкция «классификатор + существительное» может выступать в двух формах – в форме, характеризующейся неотделимостью классификатора от существительного другими знаменательными словами, как, например, в лаосском, вьетнамском, чжуанском и других языках, и в форме, допускаю-

щей постановку между классификатором и существительным другого знаменательного слова, как это имеет место в языке хмонг. Слитные конструкции «классификатор + существительное» типа вьет. *cái dao* 'нож' (букв. клф + нож), чжуан. *tu² pja¹* 'рыба' (букв. клф + рыба), лаос. *дуанг таа* 'глаз' (букв. клф + глаз), *коон син* 'мускул' (букв. клф + мясо), *коон хин* 'камень, булыжник, каменная глыба' (букв. клф + камень вообще) и т.п. напоминают единую лексическую единицу, близкую по своим грамматическим свойствам к сложному слову, связь между компонентами которого может оцениваться либо как аппозитивная, либо как атрибутивная. Учитывая, что в языках с постпозитивным расположением определения порядок компонентов определяется принципом «от общего к частному» и второй компонент всегда является грамматически зависимым, слитные лексические единицы «классификатор + существительное» в любом случае следует рассматривать как единицы с подчинительными отношениями между компонентами, причем в качестве ядерного компонента в них выступает сам классификатор.

Что же касается конструкции «классификатор + существительное» с возможным раздельным употреблением компонентов, как, например, в языке хмонг — *fau puor ntour* 'все эти книги' (букв. клф + все + книга), то такие конструкции мы оцениваем как расчлененные единицы типа «определенный артикль + существительное»⁴. И в слитной, и в раздельной конструкциях классификатор выступает как некоторая именная морфема, наделенная помимо своего лексического значения одновременно и индивидуализирующей, актуализирующей функцией, предназначенной для выделения обозначенного существительным предмета из ряда ему подобных, т.е. для актуализации самого существительного.

Наличие такой индивидуализирующей, актуализирующей функции иногда может создать впечатление, что подобные двухкомпонентные конструкции с классификатором в препозиции представляют собой нумеративно-предметное словосочетание с эллиптированным числительным «один». Однако, если такое толкование, на первый взгляд, еще возможно для языков 3-го типа с формулой (Ч + КлФ) + С + О, например, вьетнамского или хмонг, где классификатор сохраняет свое препозитивное по отношению к существительному положение как в нумеративно-предметной, так и в двухкомпонентной конструкциях, то в языках 2-го типа с формулой С + (Ч + КлФ) + О, например, в лаосском, классификатор при отсутствии числительного меняет свое постпозитивное положение на препозитивное и образует

⁴ На существование артиклевой функции у классификаторов указывала, например, С.Б.Янкивер [1982], а также другие лингвисты [Чжан Ляньцян 1961; Hashimoto 1972].

вместе с существительным двухкомпонентную конструкцию, отличную от нумеративно-предметной. Характерно, что при необходимости исчислить подобное двухкомпонентное образование (с классификатором в препозиции), в языках 2-го типа в постпозиции к существительному появляется обычный счетный комплекс с тем же самым или иным классификатором, например в лаосском языке — *лам-кхоонг саам лам* 'три канала' (букв. клф + канал + три + клф).

Эти факты, на наш взгляд, являются подтверждением того, что и в языках 3-го типа двухкомпонентные образования с классификатором в препозиции по аналогии не следует считать редуцированными нумеративно-предметными сочетаниями. В пользу такого вывода говорит и факультативность использования классификатора в препозиции к существительному, обозначающему дискретные предметы, при отсутствии числительного, а также функционирование и в самих языках 3-го типа двухкомпонентных образований с классификатором в препозиции в таких предложениях, где количественная характеристика предмета по контексту вообще отсутствует, например, в языке хмонг — *zangv huv hu uo tzaz lies* 'эта вещь называется серп'. В этом предложении, исходя из его общего смысла, никакое числительное, в том числе и числительное «один», восстановлено быть не может.

Вообще в языках 2-го и 3-го типов существительные, имея в препозиции классификатор, могут обозначать предмет, мыслимый и как отдельная определенная единица, и как множество определенных дискретных единиц. На это, в частности, указывает А.А. Москалев в применении к чжуанскому языку, приводя следующие примеры: *tu² ɲuu² don³ hāw³ dāj¹ kam³ pāj¹* 'Змей вполз в пещеру' (*tu² ɲuu²* 'змея' — единичный предмет) и *tu² mōw¹ ɲōn² pej³ ɲōn² pi² hīn³* 'Свиньи начали день ото дня жиреть' (*tu² mōw¹* 'свиньи' — множество предметов) [Москалев 1980]. Это наблюдение подтверждается и фактами ряда обследованных нами языков 2-го и 3-го типов во Вьетнаме. Однако, не давая количественной характеристики следующему за ним существительному, классификатор всегда актуализирует его, выделяя обозначенный им предмет или предметы из ряда им подобных.

2. В позиции перед глаголом или прилагательным (или, точнее, перед глагольными и адъективными морфемами). В составе таких образований классификатор не факультативен и, в первую очередь, выполняет словообразовательную функцию, как и любая другая именная морфема, образуя от глагольных и адъективных морфем, к которым он присоединяется, слова с иным категориально-грамматическим значением — существительные типа в языке хмонг *tzaz vonv* 'плуг' (клф + пахать), *tul maog* 'больной' (клф + болеть), *tul du siez* (клф + добрый) 'добряк' и т.п. В составе подобных существительных функция актуализации у классификатора отходит как бы на второй план, а в некоторых слу-

чаях и вообще стирается, например, *tul leix liex zuor muox jos henhr* 'Пахарь должен быть сильным'. Здесь слово 'пахарь' на языке хмонг (букв. клф + пахать + земля) употреблено в обобщенном значении без какой-либо конкретизации (пахарь вообще), и таким образом входящий в состав данной лексической единицы классификатор выполняет только словообразовательную функцию. Чисто словообразовательный характер функции классификатора, подобно любой другой именной морфеме, при присоединении к глаголу или прилагательному подтверждается также и тем, что при необходимости исчислить вновь образованную лексическую единицу в препозиции к ней появляется счетный комплекс с тем же классификатором, например, *iz tul tul souv ntour* 'один ученик' (один + клф + клф + учиться). Приведенный пример наглядно демонстрирует, как один и тот же классификатор одновременно дважды употребляется в двух разных функциях – первый раз в функции опосредования (медиатива) и второй раз как именная словообразовательная морфема.

3. В позиции перед глагольно-именным или адъективным словосочетанием, глаголами или прилагательными в функции самостоятельного определения, а также перед придаточным предложением, присоединяемым к классификатору с помощью относительных служебных слов. В указанной позиции классификатор уже не является каким-либо словообразовательным элементом и не образует с последующими за ним лексемами единой лексической единицы, а выполняет субстантивирующую функцию, формируя, как и всякое иное существительное в этой позиции, субстантивное словосочетание⁵, например, в языке хмонг – *tul cuk tsenhv muos rax txir zaos pezjaol li tiznenhs* 'Тот, кто торгует сейчас там фруктами, – из нашей деревни' (букв. клф + относительное слово + показатель продолженного вида + торговать + фрукты + быть + мы + деревня + показатель притяжательности + человек). Как мы видим, здесь классификатор, подобно всем обычным существительным, выполняет самостоятельную синтаксическую функцию, выступая в составе субстантивного словосочетания в качестве определяемого слова, имеющего постпозитивное определение, выраженное придаточным предложением, вводимым относительным служебным словом. Аналогичное явление отмечается и в чжуанском языке, например, *tu² kōp³ tūk⁶ tu² dej¹* 'Лягушка – полезное животное' (букв. клф + лягушка + быть + клф + полезный), где классификатор в сочетании с прилагательным функционирует как самостоятельный член предложения, имеющий определение, выраженное прилагатель-

⁵ Термин «субстантивное словосочетание» мы здесь используем в понимании О.С.Ахмановой как «словосочетание с именем существительным в роли главного слова» [См. «Словарь лингвистических терминов». М., 461].

ным [Москалев 1980]. Ср. также $ku^3ka^3...toj^5tu^2n\ddot{a}w^2,k\ddot{a}j^5r\ddot{o}w^4$ 'Кука,... обращаясь к животному, сказал: Петух!' (букв. Кука ... говорить + животное + сказать + петух), где классификатор выступает в качестве самостоятельного члена предложения без какого-либо определения [Там же].

Анализ материала языков 2-го и 3-го типов позволяет выделить следующие функции классификаторов в этих языках:

а) в нумеративно-предметных словосочетаниях:

– служебная синтаксическая функция опосредования–медиатива (свойственна не только классификаторам, привносящим при этом определенное индивидуализирующее, актуализирующее значение, но и всем другим немедиативным существительным, а также многим медиативным, непосредственно не исчисляемым существительным, обозначающим дискретные предметы);

б) в двухкомпонентных образованиях с препозицией классификатора без числительного:

– при присоединении к именной морфеме, указывающей на дискретный предмет, – словообразовательная функция в качестве знаменательной именной морфемы, наделенной при этом индивидуализирующим, актуализирующим значением (свойственна, в основном, только субподклассу классификаторов);

– при присоединении к существительному, обозначающему дискретный предмет, – артиклевая функция в качестве служебной именной морфемы, наделенной при этом индивидуализирующим актуализирующим значением (свойственна только субподклассу классификаторов);

– при присоединении к глагольной или адъективной морфеме – словообразовательная функция в качестве знаменательной именной морфемы, наделенной индивидуализирующим, актуализирующим значением (свойственна только субподклассу классификаторов) или не наделенной таким значением (свойственна любой именной морфеме, в том числе, при определенных контекстных условиях, и классификаторам);

в) в предложениях или словосочетаниях:

– самостоятельная синтаксическая функция члена предложения в предложении или самостоятельная субстантивирующая функция в словосочетании в качестве определяемого члена (свойственна всему классу существительных, в том числе и классификаторам с некоторыми семантическими ограничениями в силу большей абстрактности лексического значения классификаторов).

Сопоставление сущности явления классификаторов в изолирующих языках 1-го, 2-го и 3-го типов показывает, что наряду с учетом особенного, т.е. тех конкретных функций, которые присущи классификаторам в каждой из этих групп языков или в отдельно взятом языке, может быть выведено и общее, характеризующее классификаторы как особое специфическое явление изо-

лирующих языков. Таким общим является оценка классификаторов как одного из субподклассов непосредственно исчисляемых (в нашей терминологии – немедиативных) существительных.

При этом в языках 1-го типа, например, в китайском, классификаторы употребляются, главным образом, в нумеративно-предметных словосочетаниях, и процесс их грамматикализации в силу такого ограниченного функционирования достиг уже уровня, при котором они могут быть охарактеризованы как некие служебные элементы (например, аффиксы единичности при числительных и указательных местоимениях). Об их генетической природе как немедиативных существительных напоминают в китайском языке, с одной стороны, возможность их просубстантивного употребления с числительным, а с другой – отмеченные в китаеведческих исследованиях случаи использования классификаторов в двухкомпонентных образованиях с собирательным значением типа *чжичжан* 'бумага' или *мапи* 'лошади', где классификаторы аналогичны знаменательным морфемам в составе сложных слов.

В языках 2-го и 3-го типов сфера функционирования классификаторов значительно шире, и здесь классификаторы как один из субподклассов немедиативных существительных во многом сохраняют общность свойств со всеми существительными, выступая в одних случаях как обычные знаменательные слова или именные морфемы, а в других выполняя определенные служебные функции.

ЛИТЕРАТУРА

Благонравова Ю.Л. О значении классификаторов современного тайского языка//Вопросы семантики. – М., 1971₁; Благонравова Ю.Л. О предсубстантивной позиции классификаторов в современном тайском (сиамском) языке//Языки Китая и Юго-Восточной Азии. Проблемы синтаксиса. – М., 1971₂; Благонравова Ю.Л. О грамматическом и лексическом значении классификаторов в современном тайском языке//Языки Китая и Юго-Восточной Азии. Вопросы грамматического строя. – М., 1974; Исаенко Б., Коротков Н.Н., Советов-Чень И.И. Учебник китайского языка. – М., 1954; Коротков Н.Н. Основные особенности морфологического строя китайского языка. – М., 1968; Лю Шишэн. О счетных словах//Юйвэнь сюэси, 1954, № 5; Мазо В.Д. Семантические и структурные характеристики счетных слов в современном бирманском языке//Разыскания по общему и китайскому языкознанию. – М., 1980; Морев Л.Н., Москалев А.А., Плам Ю.Я. Лаосский язык. – М., 1972; Морев Л.Н. Шанский язык. – М., 1983; Москалев А.А. О различиях в структуре цепочек «числительное–классификатор–существительное» в китайском и чжуан//Разыскания по общему и китайскому языкознанию. – М., 1980; Нгуен Тай Кан. Группа существительного во

вьетнамском языке//Вестник ЛГУ, 1960, № 14, вып. 3; Нгуен Тай Кан. К вопросу о классификаторах во вьетнамском языке//Филология стран Востока. – Л., 1963; Нгуен Тай Кан. О конструкциях типа «существительное со значением единицы измерения + существительное»//Вьетнамский лингвистический сборник. – М., 1976. Панфилов В.С. О вьетнамских классификаторах//ВЯ, 1988, № 4; Плам Ю.Я. Относительно особой синтаксической функции «опосредования» (на материале лаосского языка)//Языки Китая и Юго-Восточной Азии. Проблемы синтаксиса. – М., 1971; Плам Ю.Я. Исчисляемость и классификаторы в изолирующих языках. /Доклад на научной конференции на Ученом Совете в Институте языкознания КОН СРВ. – Ханой, 1981; Плам Ю.Я. Процедура применения минимального числа релевантных грамматических признаков при выделении частей речи в языке изолирующего строя//Теоретические проблемы восточного языкознания. – М., 1982. Ч. 6; Плам Ю.Я. Способы выражения значений квантитативной характеристики существительных в языке хмонг и их связь с выражением актуализации//Материалы III-го советско-вьетнамского симпозиума по вьетнамскому языку и языкам народов Вьетнама. – М., 1989; Солнцев В.М. Очерки по современному китайскому языку. – М., 1957; Солнцев В.М. Язык как системно-структурное образование. – М., 1977; Солнцева Н.В. Проблемы типологии изолирующих языков. – М., 1985; Строганов В.А. К идентификации классификаторов вьетнамского языка//Вопросы структуры языка. Синтаксис. Типология. – М., 1974; Чжан Ляньцян. Грамматические особенности счетных слов в гуанчжоусском диалекте//Чжунго юйвэнь, 1961, № 1; Янкивер С.Б. К вопросу о контактах между китайским и тайским языками//Теоретические проблемы восточного языкознания. – М., 1982. Ч. 6; Ян Синьань. К вопросу о счетных словах//Юйвэнь чжиши, 1956, № 10; Cao Xuân Hạo. Tính đếm được của danh từ và câu trúc của danh ngữ Việt Nam//TL, Viện KHXH tp. HCMINH, 1982 (Kao Суан Хао, Исчисляемость существительных и структура группы существительных во вьетнамском языке//Материалы Института общественных наук. – Хошимин, 1982); Hashimoto, Oi-kan Jue. Studies in Jue dialects, I. Phonology of Cantonese. – Cambridge, 1972, p. 20; Herrfuth H. Die Klassifikationsaffixe in Chinesischen//Beitrage zum Problem des Wortes im Chinesischen, 1964, Bd. II, s. 1–44; Jones R.B. Classifier constructions in Southeast Asia//Journal of American oriental society, 1970, vol. 90, № 1; Nguyễn Tài Cẩn, Từ loại danh từ trong tiếng Việt hiện đại. – Hà Nội, 1975. (Нгуен Тай Кан. Категория существительного во вьетнамском языке. Ханой, 1975); Plam Yu.Ya. Sur la classification des noms dans la langue Thai (Siamoise)//Langues et techniques, Nature et société. Paris.

СЕМАНТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА СЛОЖНОГО СЛОВА ТИБЕТСКОГО ЯЗЫКА

Для современной теории словообразования тибетского языка (ТЯ) актуальны проблемы словообразовательной семантики. Предлагаемое исследование, связанное с определением различных типов семантических структур сложных слов в тибетском языке, исходит главным образом из анализа семантических отношений между компонентами сложного слова (СС).

Классификация сложных слов известного американского тибетолога М. Гольдштейна основана преимущественно на частеречной принадлежности и лишь отчасти на внутренних семантических отношениях между составляющими компонентами. [М. Goldstein 1975].

Смысловое единство слова достигается за счет взаимодействия различных лексико-семантических вариантов в семантической структуре слова, при этом разные типы сложений демонстрируют разные закономерности.

Общая классификация семантической структуры некоторых типов сложных слов ТЯ выглядит следующим образом:

1. Словообразовательное значение СС предстает как результат сложения значений обоих компонентов (простое сложение значений, сложение значений с семантическим сдвигом, обобщение значений составляющих компонентов).

Примеры СС, значение которых составляет простое суммирование значений компонентов. Компонентами могут выступать синонимы или лексические единицы, отличающиеся семантической однородностью: རྩ་ཆལ་ *ngo¹ tshē¹ /sngo'tshal/* 'овощи': རྩ་ *ngo¹ /sngo/* 'зеленый, овощи' + ཆལ་ *tshē¹ /tshal/* 'овощи'; དད་མྱེས་ *the² nyø² /dad'myos/* 'вера': དད་ *the² /dad/* 'вера' + མྱེས་ *nyø² /myos/* 'вера'; དཀེ་ཁྱེས་ *ge² le² /dge'legs/* 'почитание, вера, добродетель': དཀེ་ *ge² /dge/* 'добродетель' + ཁྱེས་ *le² /legs/* 'хорошо'.

Примеры СС, значение которых складывается из значений компонентов, при этом наблюдается определенный семантический сдвиг: གསལ་འགྱུར་ *sa¹ gyu¹ /gsar'gyur/* 'новости': གསལ་ *sa¹ /gsar/* 'новый' + འགྱུར་ *gyu² /gyur/* 'изменение'; གཤར་འདུལ་ *yan¹ zin¹ /g.yar'dzin/* 'расписка': གཤར་ *ya¹ /g.yar/* 'брать взаймы' + འདུལ་ *zin² /dzin/* 'обязательство'; གོ་ཁྱེས་ *go² ja² /sgo'lcags/* 'замок': གོ་ *go² /sgo/* 'дверь' + ཁྱེས་ *ja² /lcags/* 'железо'; འགྱུར་ཁམ་ *zhøn² khang¹ /'gron'khang/* 'гостиница': འགྱུར་ *zhøn² /'gron/* 'гость' + ཁམ་ *khang¹ /khang/* 'дом'; ཟ་ཁམ་ *sa² khang¹ /za'khang/* 'столовая, ресторан': ཟ་ *sa² /za/* 'есть' + ཁམ་ *khang¹ /khang/* 'дом'.

Примеры СС, значения которых представляют обобщение значений компонентов-антонимов, отличающихся семантической

неоднородностью: དཀར་ནག *ka¹ na⁴ /dkar'nag/* 'противоположности': དཀར *ka¹ /dkar/* 'белый' + ནག *na³ /nyeng¹ /gsar'nyeng/* 'возраст': ལས་རྒྱུད་ *sa¹ /gsar/* 'новый' + རྒྱུད་ *nyeng¹ /rnyeng/* 'старый'; བདེ་ཐུག་ *de²du⁴ /bde'sdug/* 'благополучие': བདེ་ *de² /bde/* + 'счастье' + ཐུག་ *du³ /sdug/* 'страдание'.

2. Словообразовательное значение сложных слов совпадает со значением одного из компонентов. Значение другого компонента может находиться в смежном семантическом поле. Например, རང་ཁོག་ *nang² lo⁴ /nang'logs/* 'внутри': རང་ *nang² /nang/* 'внутри' + ཁོག་ *lo³ /logs/* 'сторона'; ཁ་ཟས་ *kha¹ se⁴ /kha'zas/* 'еда, пирожное': ཁ་ *kha¹ /kha/* 'рот' + ཟས་ *se³ /zas/* 'еда'; མཐའ་འཁྲར་ *tha¹ kho¹ /mtha'khor/* 'окружение': མཐའ་ *tha¹ /mtha'/* 'край, предел, конец' + འཁྲར་ *kho¹ /'khor/* 'вращение, колесо, окружение'; འགྱུར་ཐུག་ *gyur² do⁴ /'gyur'ldog/* 'изменение': འགྱུར་ *gyu² /'gyur/* 'изменение' + ཐུག་ *do³ /ldog/* 'противоположный'.

Словообразовательное значение СС, хотя и содержит смысловые структуры компонентов, однако отличается семантическим своеобразием, так как идиоматично в большей или меньшей степени. Как правило, эти значения отличаются метафоричностью. Например, སྤྱིན་གྱིས་ལྷུག་མ་ *zhin¹ gyi⁰ ju¹ ma¹ /sprin'gyis'ltugs'ma/* 'молния': སྤྱིན་ *zhin¹ /sprin/* 'облако' + инструментальный синтаксический показатель + གྱིས་ *gyi /gyis/* + ལྷུག་མ་ *ju¹ma¹ /lcugs'ma/* 'побег растения'; སྐད་འཁྲར་ *ke¹ kho¹ /skad'khor/* 'магнитофон': སྐད་ *ke² /skad/* 'звук, голос' + འཁྲར་ *kho¹ /'khor/* 'вращение, колесо'; གནས་གྲག་ *nam¹ zhu¹ /gnam'gru/* 'самолет': གནས་ *nam¹ /gnam/* 'небо' + གྲག་ *zhu² /gru/* 'корабль'.

Описанные способы семантической структуры сложных слов лежат в основе большинства неологизмов современного тибетского языка.

М.Б. Рукодельникова
(Москва)

К ПРОБЛЕМЕ ИЗУЧЕНИЯ ЛЕКСИЧЕСКИХ КОМПЛЕКСОВ В СОВРЕМЕННОМ КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ (ПОДТИП ГЛАГОЛЬНЫХ КОМПЛЕКСОВ)

1. Основной источник создания новых лексических образований, пополнения словаря китайского языка – словосложение. Однако типологические особенности обуславливают порой непреодолимые трудности, возникающие при попытке разграничения сложных слов и словосочетаний. В ряде случаев известных критериев оказывается недостаточно, и многие лингвисты отмечают относительный характер границ китайского сложного слова и наличие большого количества «несловарных», так называемых «речевых» сложных слов. [Солицев 1958, Коротков 1963, Рождест-

венский 1963, Задоевко 1958 и др.] Таким образом, возникает потребность наряду с понятиями слова и словосочетания использовать понятие лексического комплекса – образования, характерного для семантических особенностей сложения.

Лексические комплексы (в другой терминологии – композит-комплексы) – это сложные слова и подобные им образования в языках различных типов. Комплекс – последовательность единиц, в которой имеется два или более корня. Лексический комплекс в СКЯ представляет собой семантическое образование, способное реализовываться как на уровне слов, так и на уровне словосочетаний, поскольку их внутренней структуре зачастую присущи общие законы [Семенас 1992, 30].

2. Большое разнообразие семантических структур китайского глагола обусловило выбор глагольных комплексов в качестве предмета исследования. (В круг рассматриваемых образований не были включены редупликация и сочетания с модальными глаголами). Сочетания вида «глагол + глагол» исследовались фрагментарно в ряде работ, посвященных изучению формальных словообразовательных моделей [Т.П.Задоевко – результативные комплексы, А.Л.Семенас – копулятивные комплексы, Ю.Д.Маматюк – глагольно-именные комплексы], но образование глагольных комплексов не ограничивается какой-либо одной моделью, они могут быть и атрибутивной, и копулятивной, и результативной структуры. В современной китайистике плодотворно исследуются синтаксические функции сложных глагольных образований [М.В.Румянцева – синтаксические свойства биномов различной структуры, Н.И.Шевцова – сериальные глаголы]. Семантический аспект разработан на меньшем материале (изучение отдельных семантических полей), хотя в китайском языке, менее формализованном, чем языки другой типологии, структурно-семантический подход к описанию грамматических фактов и явлений представляет большой интерес.

В основе лексическо-семантической организации высказывания лежит отбор и наименование элементов ситуации (дискретно выделяемых говорящим при восприятии ситуаций, предметов, процессов, их признаков). Характерной чертой китайского и типологически близких ему языков является большая подробность описания-наименования денотата-действия. Эта подробность достигается употреблением одного, двух и большего числа глаголов при наименовании некоторой ситуации, в результате чего и возникают глагольные комплексы. Таким образом, через образование глагольных комплексов происходит конкретизация действия в китайском языке.

3. Описание семантической структуры глагольных комплексов, ее взаимосвязи с грамматической структурой открывает широкий спектр проблем, таких как классификация типов глаголь-

ных комплексов, их количественно-слоговой состав, установление семантических реляций между компонентами комплекса.

В данном исследовании предполагается ввести следующие основания для классификации глагольных комплексов: 1) число компонентов – двух-, трех- и более компонентные; 2) отношение значений компонентов к значению лексического комплекса в целом (это не простая сумма значений компонентов); 3) способность к редупликации; 4) порядок компонентов – фиксированный, нефиксированный; 5) временная характеристика действия, выраженного компонентами, – одновременное, последовательное действие и т.д. 6) принадлежность комплекса в целом к частям речи (глагол, имя, прилагательное).

Исследование предполагает анализ не абстрактных, изолированных глагольных комплексов, а рассмотрение их в реальном тексте, диалоге или речи. Поэтому в процессе работы возможно появление дополнительных оснований для классификации комплексов.

4. Для более полного описания механизма образования глагольных комплексов в СКЯ проведен компонентный анализ лексических комплексов, образующих глаголы мышления. В результате было выявлено:

- семная структура глаголов мышления (интегральный, дифференциальные, потенциальные компоненты значения);
- строение – ядерные и периферийные глаголы;
- выделены семантические корреляции между частями комплекса (синонимические и общеассоциативные);
- основная тенденция образования данных глагольных комплексов – создаются в основном из элементов одного семантического поля;
- максимальное число синтагматических связей позволило определить наиболее активные компоненты комплекса, обладающие большой продуктивностью.

Продолжение исследования глагольных комплексов в китайском языке представляется интересным, результаты его могут в дальнейшем иметь практическое значение и быть использованы в лексикографии.

И.В.Самарина
(Москва)

О ПОРЯДКЕ СЛОВ В ЯЗЫКЕ ЗАО-ДО

Язык зао-до относится к группе мьен ветви яо языков мяо-яо, генетические связи которых до сих пор точно не установлены. Однако всеми исследователями отмечается типологическое сходство языков мяо-яо с другими языками ареала Юго-Восточ-

ной Азии, в частности китайско-тибетскими и аустроазиатскими¹. Материалы по языку зао-до были собраны в 1991 г. во Вьетнаме российско-вьетнамской лингвистической экспедицией².

Основной порядок слов «П + С + Д» – это одна из общих типологических характеристик языков данного ареала. Что же касается порядка следования компонентов в различных конструкциях, например, позиции определения относительно определяемого, позиций указательных местоимений, числительных, классификаторов относительно имени и т.д., то эти языки не дают единой картины. Так, определение во вьетнамском языке постпозиционно, независимо от того, чем оно выражено, а в китайском – препозиционно, в языке зао-до позиция определения зависит от состава и типа конструкции (см. ниже). Рассмотрим порядок следования компонентов в некоторых конструкциях языка зао-до.

Качественные определения, выражаемые предикативными прилагательными, постпозиционны: *luɿ² re⁴* ‘белая рубашка’ (букв. ‘рубашка + белый’); достаточно регулярно в подобных случаях употребление слова *dai³* ‘очень’: *pjaɿ¹ dai³ zuɿ³* ‘красивый дом’ (букв. ‘дом + очень + красивый’). Прилагательные *sjaŋ²* ‘новый’ и *ko²* ‘старый’ могут употребляться и в препозиции к определяемому слову. Со значением «большой» имеется два слова – *tom²* и *to²*, из которых *tom²* употребляется препозиционно, а *:o²* – постпозиционно, например: *tiu¹ tom² djaŋ⁴* (букв. ‘клф + большой + дерево’) и *tiu¹ djaŋ⁴ to²* (букв. ‘клф + дерево + большой’) ‘большое дерево’.

Если определение выражено комплексом «глагол + существительное (дополнение)», то оно может стоять как в препозиции, так и в постпозиции к определяемому: *isəu⁴ koŋ¹ miən²* (букв. ‘делать + работа + человек’) и *miən² isəu⁴ koŋ¹* (букв. ‘человек + делать + работа’) ‘крестьянин’; *miən² miŋ² tun³ ʔ¹* (букв. ‘человек + идти + гонять(ся) + мясо’) и *tun³ ʔ¹ miən²* (букв. ‘гонять(ся) + мясо + человек’) ‘охотник’; *pu⁵ pæŋ⁴ miən²* (букв. ‘становиться + болеть + человек’) и *miən² pæŋ⁴* (букв. ‘человек + болеть’) ‘больной’. Если же у глагола отсутствует зависимое существительное, то подобное образование следует рассматривать скорее как словообразовательную модель, т.е. сложное

¹ См. Нгуен Ван Лой, наст. сборник.

² Народность зао-до расселена на севере уезда Тьемхоа пров. Туенкуанг (население 106 тыс. человек), в которой проживает девять групп яо общей численностью 60 тыс. человек, а также народности тай, хмонг и вьетнамцы. В последнее время происходит активное вытеснение языка зао-до вьетнамским и тайским из всех сфер общения. Зао-до – это изолирующий тоновый язык, характерной особенностью которого является наличие двух типов слов: сильных и слабых, или пресиллабов.

слово: $t'ia^4$ nom^5 'плач' (букв. 'голос, звук + плакать'), $da\eta^2$ dai^4 'самолет' (букв. 'лодка + летать').

Относительные определения, выражаемые существительным, препозиционны: kem^2 $mian^2$ βa^4 'язык зао-до' (букв. 'лес + человек + язык').

Притяжательные конструкции имеют следующий вид: «обладатель + показ. притяж. nyi^2 + обладаемое»: nyi^2 tia^1 nyi^2 kon^2 'работа моего отца' (я + отец + показ. притяж. + работа). Следует отметить, что принадлежность 1-му лицу может быть выражена двумя способами: ja^2 nyi^2 tiw^3 'моя сестра' (букв. 'я + показ. притяж. + сестра') и nyi^2 tiw^3 'моя сестра'. В последнем случае местоимение ja^2 'я' опускается, но при этом у показателя притяжательности появляется пресиллаб n .

Классификатор всегда предшествует существительному: nai^3 not^2 pja^1 lai^4 'этот маленький дом' (букв. 'этот + клф + дом + маленький'), а числительное – классификатору.

Указательные местоимения (nai^2 'этот' и βiw^2 'тот') занимают в номинативных конструкциях либо крайнюю левую, либо крайнюю правую позицию. Если имеется показатель множественности или числительное, то они употребляются в препозиции к существительному, а указательное местоимение передвигается в крайнюю правую позицию. В ряде случаев постпозиционное положение указательного местоимения объясняется влиянием вьетнамского языка. Часто наблюдается стяжение местоимения nai^2 'этот' и следующего за ним классификатора: nai^2 $ta\eta^2$ fan^2 $siwi^3$ (букв. 'этот + клф + ребенок') ~ $ntau^2$ fan^2 $siwi^3$ 'этот ребенок', что как бы фиксирует препозицию nai^2 'этот', в то время как βiw^2 'тот' достаточно часто встречается и в постпозиции.

В конструкциях, выражающих пространственные значения, локативы $kanai^3/ai^3$ 'верх', $kadia^1/dia^1$ 'низ', $kaniw^2/niw^2$ 'внутри', $kaniw^2/niw^2$ 'снаружи', $kaven^2/ven^2$ 'рядом, около' и т.д. могут быть как в препозиции, так и в постпозиции к соответствующему существительному. При этом в препозиции локативы обычно употребляются в форме с пресиллабом, а в постпозиции – без пресиллаба: $kaniw^4$ lan^2 ven^2 'на краю деревни' (букв. 'снаружи + деревня + край'); $jiem^2$ $kaven^2$ lan^2 'на краю деревни' (букв. 'находиться; в + край + деревня').

Таким образом, в языке зао-до параллельно сосуществуют средства, позволяющие реализовывать в ряде конструкций как препозицию, так и постпозицию зависимых членов относительно главного, что является специфической чертой его синтаксиса, отличающей его, например, от вьетнамского или китайского, где в конкретной конструкции доминирующим является один из порядков.

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ЭКСПОНИРОВАНИЯ ИНФОРМАЦИИ В ИЗОЛИРУЮЩИХ ЯЗЫКАХ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

1. Человеческий язык является важнейшим средством накопления информации и ее передачи. Термин «информация» употребляется, как известно, в двух значениях: в общепринятом (бытовом) и терминологическом. Под информацией в первом значении понимается всякое сообщение. Это может быть предложение, в котором сообщаются какие-то факты, сочетание предложений (сверхфразовые единства и абзацы), а также целый текст. Информацию в данном понимании обычно отождествляют с номинацией, смыслом, т. е. с содержанием. Так, правомерно в общепринятом употреблении назвать информацией сообщения типа: кит. *Wǒ qùguó lè zhōngguó hǎo duō cì* 'Я бывал в Китае неоднократно' и вьет. *Chúng tôi chưa ăn cơm* 'Мы еще не ели'.

Второе значение термина «информация» употребляется в работах по теории коммуникации, но предполагает использование этого термина лишь при получении новых сведений о предметах, явлениях, отношениях, событиях объективной действительности. Как видно, научно-терминологическое значение «информация» снимает некоторую неопределенность в уже воспринятых и частично познанных предметах и явлениях.

Неопределенность — свойство многих явлений, фактов, событий. В теории коммуникации мера неопределенности обозначается термином «энтропия» и поэтому информация рассматривается как нечто противоположное, или противопоставленное энтропии.

2. Если рассматривать информацию как сведения, передаваемые от одного источника (человека) к другому, а также сам процесс передачи или получения этих сведений, то очевидно, что для лингвистики основной интерес заключается не в самой информации как таковой, а в технике ее передачи (экспонировании) и в изучении механизмов самого этого процесса.

3. Хотя все живые языки обладают универсальным набором своих основных структурных единиц, однако не все эти конститутивные единицы в разных языках одинаково задействованы в процессе экспонирования информации. Изучение этого вопроса важно и для самой теории информации.

Лингвистика уже накопила определенный опыт в этом отношении. Проводилось измерение информационной емкости языков. Был установлен, например, факт избыточности естественных языков и довольно точно измерена ее величина. В книге И.Р.Гальперина «Информативность единиц языка» (М., 1974) была сделана попытка выявить способность звуков, морфем, слов, словосочетаний, синтаксических конструкций и стилисти-

ческих приемов участвовать в коммуникации путем модификации своих форм и значений (лексических и грамматических) в процессе их функционирования в индоевропейских языках, и прежде всего в русском. Что касается изолирующих языков ЮВА и ДВ, таких, например, как китайский и вьетнамский, то насколько известно, таких исследований пока не проводилось.

4. В контексте поставленной проблематики информационный подход к исследованию структурных единиц изолирующих языков ДВ и ЮВА позволит сделать некоторые типологические обобщения, что также является важным. В основе процесса передачи любой информации лежит наличие тех или иных структурных элементов – носителей информации. Так, например, нервные волокна, передающие сигналы от акцепторов к мозгу человека, обладают свойствами, присущими идеализированному каналу связи, фигурирующему в теории информации, так как выступают в роли носителей информации. Точнее – материальными ее переносчиками. В молекулярной биологии и генетике, в результате исследования, выяснена роль молекул РНК как передатчиков информации.

Структурность – неотъемлемый атрибут всех реально существующих объектов и систем. И язык человека не составляет исключения. Однако вопрос о том, какие материальные единицы являются в нем основными, или наименьшими носителями информации – звуки (фонемы), слоги, морфемы, слова, является до конца невыясненным. Ясно одно, что в качестве материальных переносчиков информации в живых языках выступают звуковые цепочки, которые представляют (экспонируют) значимые единицы, то есть языковые знаки.

5. В исследовании этого вопроса большая роль принадлежит фонологии, поскольку именно она имеет дело с незначимыми единицами языка, которые служат для формирования (конституирования) языковых знаков и участвуют в их различении. Характер языкового типа определяет специфику использования его фонологических единиц. Каждый языковой тип обладает своими позиционными особенностями в фонологической синтагматике, а следовательно, и в механизме передачи информации. С этой точки зрения главные типологические различия языков относятся именно к звуковой (фонетической) синтагматике. Фонетическая синтагматика таких языков, как дагестанские, абазинский, семитские языки, банту, тюркские, малайско-полинезийские, изолирующие языки ДВ и ЮВА и другие различаются друг с другом прежде всего синтагматикой на фонологическом уровне. Г.П.Мельников уже подчеркивал эту мысль и говорил, что фонемная синтагматика является основанием для ведущей черты, или доминанты, языкового типа.

6. Известно, что в процессе передачи информации в индоевропейских языках большая роль принадлежит отдельным звукам

(фонемам), которые характеризуются относительной свободой на синтагматической оси. Отдельные звуки в русском языке, например, способны в одиночку передавать ту или иную информацию. Ср., например, предлоги, союзы, окончания, префиксы, суффиксы: В четверг мы с тобой сделали много дел.

В изолирующих же языках ДВ и ЮВА отдельным звукам в процессе передачи информации отводится меньшая роль. Особенностью этих языков является то, что отдельные звуки (фонемы) в них самостоятельно нести (экспонировать) информацию не могут. Наименьшей единицей, способной выполнять эту функцию в этих языках, является тонированный слог. Для обозначения слога в этой функции в фонологии изолирующих языков ДВ и ЮВА используется термин «силлабема», который впервые был предложен Е.Д.Поливановым в 30-е годы нашего столетия. Впоследствии этот термин стал широко использоваться для обозначения фонологического слога и в других, неизолирующих языках. Однако важно подчеркнуть, что силлабема изолирующих языков ЮВА и ДВ и силлабема индоевропейских языков – это принципиально разные структурные единицы, а следовательно, и совершенно разные понятия.

7. Тонированный слог в таких изолирующих языках, как китайский и вьетнамский, как правило, соотносится с морфемой или односложным словом. В этих языках тонированный слог – силлабема является наименьшим, или основным носителем информации, в то время как в других, неизолирующих языках слог не обязательно выполняет эту функцию. Можно, по-видимому, говорить о том, что информация и процесс ее передачи в изолирующих языках ДВ и ЮВА базируется на силлабемах, или точнее – на цепочках силлабем. Тот же процесс в индоевропейских языках основывается на звуковых цепочках, необязательно соотносящихся со слогами. Здесь информация может передаваться звуковыми цепочками, состоящими из нескольких звуков (в том числе и из нескольких согласных), сочетаниями меньшими или большими, чем слог. Для иллюстрации сказанного обратимся к примерам:

1. *В сто-ле ле-жа-ли ис-ни-сан-ные лис-ты;*

2. *О-ни сде-ла-ли же-ле-зо-бе-тон-ные две-ри*

(Знаками тире отмечено деление фраз на слоги.)

Та же информация в китайском и вьетнамском языках будет передана следующим образом:

1. кит. *Zài-zhǔo-zǐ-lǐ-yǒu-yī-xiě-zhì-shàng-xiě-zì-dě-zhǐ*

2. вьет. *Họ-đã-làm-cửa-bê-tông-cốt-thép*

Как видно из приведенных примеров, в передаче указанной информации на русском, китайском и вьетнамском языках используются звуковые цепочки – фонемы. При этом в русском языке отдельные фонемы сами экспонируют информацию: предлог *в*, приставка *с*, грамматический показатель глаголов 3-го ли-

ца, совершенного вида *л*, окончания *е, и, ы*. Фонемные цепочки образуют слоги, которые не соотносятся с морфемами или словами (за исключением приставки *ис-* в слове *исписанные*). Информация в русском языке передается звуковыми цепочками, соотносимыми с морфемами и словами, могущими состоять из одного или нескольких слогов: *же-ле-зо-бе-тон-ный*. Что касается китайского и вьетнамского языков, то здесь иная картина. Из приведенных примеров также видно, что информация передается фонемными цепочками. Но ни одна фонема самостоятельно не представляет никакого значения. Исключение составляет *yí /i¹/*, которая обязательно тонируется и выступает в качестве слога. Деление на слоги здесь совпадает с делением на морфемы или слова. Следовательно, процесс передачи информации в таких изолирующих языках, как китайский и вьетнамский, базируется на слогах–силлабемах. Хотя во всех языках имеются слоги, однако их назначение может быть разным. Слог как естественная произносительная единица речи необходим для манифестации единиц языка в речи. Однако в изолирующих языках ЮВА и ДВ он также является парадигматической единицей. Силлабема, таким образом, здесь является структурной единицей языковой системы, наряду с другими – фонемой, морфемой и словом (лексемой).

8. Другой важной типологической особенностью экспонирования информации в изолирующих языках, подобных китайскому и вьетнамскому, является то, что из-за строгих ограничений, накладываемых на сочетание звуков в пределах слога в этих языках, звуковые цепочки в пределах силлабемы группируются в фонетические блоки, занимающие промежуточное положение между звуком и слогом. Это так называемые инициали, финали и субфинали, которые традиционно выделялись национальными лингвистическими традициями. Они также служат процессу передачи информации, может быть, даже в большей степени, чем фонемы, поскольку обладают большей свободой и мобильностью на синтагматической оси.

Н.В.Солнцева, В.М.Солнцев
(Москва)

О СМЕНЕ НАУЧНЫХ ПАРАДИГМ В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКОЗНАНИИ

В течение многих последних десятилетий в отечественной китаистике при оценке строя и направления развития китайского языка достаточно отчетливо наблюдаются две тенденции. Одна – убежденность в «лексичности» китайского языка (КЯ), или, как иногда пишут, в наличии «лексической доминанты», определяю-

щей направленность его развития. В рамках этой концепции подразумевается, что все то, что в иносистемных (скажем, европейских) языках выражается средствами грамматики, в КЯ, кстати сказать, как и в других изолирующих языках, передается с помощью лексики (или лексикоподобных вещественных единиц). Вторая тенденция исходит из противоположного убеждения, а именно, из того, что КЯ некогда в глубокой древности, утратив старую морфологию¹ и приобретя черты, на основании которых его стали определять как моносиллабический, корневой и аморфный (что, кстати, никогда в полной мере не соответствовало действительности), уже в I тыс. н.э. стал развивать новую морфологию и идет по пути все большей грамматикализации, наращивания и усложнения грамматических средств. Среди изолирующих языков Восточной и Юго-Восточной Азии (В и ЮВА) КЯ относится к числу наиболее усложненных грамматически (главным образом, за счет новой морфологии), и эта усложненность нарастает.

С нашей точки зрения, питательной средой первой тенденции в оценке КЯ является относительная молодость новой морфологии, которая определяет этимологическую прозрачность многих (хотя и не всех) грамматических элементов (как, например, этимологически прозрачна форма простого будущего во французском языке, возникшая сравнительно поздно от глагола *avoir* 'иметь'), а также факультативность использования многих грамматических показателей. (Заметим попутно, что, хотя факультативность, по мнению многих, свидетельствует о неграмматичности соответствующих показателей, с нашей точки зрения, она, т.е. факультативность, доказывает нечто обратное: факультативными могут быть только грамматические показатели, которые передают сопутствующие, а не основные значения. Опускание любого вещественно значимого элемента ведет к изменению смысла, а то, что передает опускаемый грамматический показатель, всегда может быть выражено другими средствами, даже т.н. контекстом). Вторая тенденция исходит из наличия в языке определенных показателей и их функционального назначения, а также из фактов в большинстве случаев невозможности приписывания соответствующим показателям значений тех лексических единиц, которые их породили. И хотя этимология показателей иногда влияет на их использование, прямой связи здесь нет. Иначе говоря, этимология этимологией, а функционирование функционированием.

¹ Остатки подобной старой морфологии, иногда еще достаточно продуктивные, наблюдаются в некоторых южных и центральных диалектах КЯ и ряде изолирующих (или близких к изолирующим) языках Юго-Восточной Азии.

Представление о «неграмматичности» КЯ и других изолирующих языков поддерживается апелляцией к китайской национальной филологической традиции (КНТ), которая не содержит собственно грамматического учения, не оперирует понятиями слова, основы, корня, аффикса, морфемы, частей речи, грамматических категорий и т.д. Хотя полностью отрицать наличие в КНТ элементов «грамматичности», с нашей точки зрения, нельзя (подробнее см. ниже), тем не менее большинство перечисленных понятий в КНТ отсутствуют. Надо полагать, что это во многом обусловлено тем состоянием КЯ (речь идет о старом языке взънянь и его разновидностях), которое учитывалось складывавшейся филологической традицией. Но дело не только в том состоянии КЯ, при котором складывалась КНТ. Древний КЯ мог не иметь морфологии, но он имел синтаксис. (Как известно, теоретически могут быть языки без морфологии, но нет языков без синтаксиса.) Синтаксическое учение в рамках КНТ также полностью отсутствует. А синтаксис был, и о древнекитайском синтаксисе много писали уже в нашем веке, когда произошла смена национальной филологической традиции.

В силу сказанного, мы должны констатировать, что формирование национальной филологической традиции в Китае было обусловлено вовсе не только особенностями КЯ, но и другими факторами, а именно потребностью толковать и комментировать древние тексты. Это последнее, в свою очередь, было обусловлено теми историческими традициями китайского общества, согласно которым знание древности и, соответственно, древних текстов считалось одной из высших ценностей. Как известно, в Китае господствовало представление о том, что эталоном образцового государственного устройства была та система государства, которая существовала в древности и описанию которого практически были посвящены все каноны и философско-этические трактаты. Именно поэтому институт административной власти, введя специальную систему экзаменов (в основе которой было заложено доскопальное знание канонов, умение их комментировать и писать сочинения на заданную в соответствии с этими канонами тему), обеспечивал сдавшему экзамены чиновничью должность. Таким образом, в Китае сохранялись и знание древности и связь времен. Человек, стремящийся к занятию должностей, должен был быть филологически образованным. Устанавливалась связь филологии и власти. В итоге складывалась не только филологическая «власть», но и власть самой филологии.

Итак, КНТ была ориентирована не столько на строй языка, сколько на толкование и комментирование текстов. В этой традиции, тем не менее, в частности, сложилось разделение всех единиц языка на «полные» и «пустые» (ср. европейское деление на вещественные и служебные), что очевидно есть грамматический взгляд на язык. По свидетельству английского китаеведа

XIX века Эдкинса древние китайские филологи пользовались понятиями «живых» и «мертвых» (или «подвижных» и «неподвижных») единиц. Это относилось к «вещественным» («полным») единицам и являлось чем-то вроде зачатка частеречного деления вещественных единиц. Подвижные («живые») единицы соответствовали глаголам, а неподвижные («мертвые») — именам. В рамках КНТ была разработана (и весьма тщательно) китайская традиционная фонология, дававшая трактовку и объяснение устройства слога. Необходимость анализа и вычленения компонентов слога были связаны с потребностью транскрибировать звучания иероглифов, полагаемых неизвестными, с помощью звучания известных иероглифов (метод «переворачивания и рассечения» — по-китайски *фаньце*), а также создание словарей рифм, фонетических таблиц, т.е. того аппарата, который обеспечивал и знание древних текстов и прохождение экзаменов.

Создавалось большое количество словарей разных типов, что привело к развитию лексикографии и своеобразной лексикологии.

Принято считать, что китайская традиция не выработала ни понятия слова, ни понятия морфемы, а только понятие 字 *цзы*, которое использовалось и для обозначения того, что сейчас называют слогом или морфемой, и значимого однослога вообще, а также иероглифа. На первый взгляд это так. Однако, более внимательное рассмотрение проблемы позволяет, на наш взгляд, внести ряд корректив в оценку старых китайских представлений об анализе текста и о языковых единицах.

Уже в древности, когда складывалась КНТ, были разработаны способы и методы описания и характеристики различных единиц, встречающихся в текстах. Это был своеобразный аппарат анализа единиц текста (фактически слов, входящих в текст), напоминающий дефиниционный анализ, применяющийся в наше время в теоретической лексикологии. Конечно, ставить знак равенства между приемами древней КНТ и современным дефиниционным анализом было бы неуместно. Однако черты сходства достаточно очевидны.

В КНТ использовались специальные слова и выражения, которые в современном «Энциклопедическом словаре по китайскому языкознанию» [1] названы «терминами комментаторского характера». (Ниже приводятся толкования ряда терминов, а также примеры по этому словарю.) Строго говоря, это были не «термины», а своего рода операционные слова (операторы), с помощью которых толковались и объяснялись соответствующие лексические единицы. Так, в древних словарях (Эр я, Фан янь, Шо вэнь и др.) [2] при толковании словарных единиц используются соответствующие слова и выражения, которые также применяются в различных комментариях. Приведем примеры таких «терминов» (операционных слов):

犹 *yó* 'то же, что...' С помощью этого «термина» сопоставлялись синонимы или слова, близкие по значению. Так, в комментарии Мао к Шицзину встречаем выражение 革犹皮也 *gě yó pí ě* (дается современная транскрипция) 'Кожа [гэ] – то же, что и кожа [пí]'.

謂 *wèi* 'значит, имеет значение'. С помощью этого «термина» (оператора) абстрактные понятия толковались через конкретные.

之为言 *chǐ wéi yán* (или 之言 *chǐ wéi yán*). 'Это выступает в роли (такого-то) слова'. Выражение применялось для оперирования омонимами. Пример из комментария Чжу Си: 德之为言得 *dé chǐ wéi yán dé*. (Здесь первое слово и последнее слово, записанные разными иероглифами, – омонимы².) Примерный перевод: 'Дэ (первое) выступает в роли дэ (последнего)'.

Имеются и другие операторы, например, 曰 *yōe* 'называть'. Пример из комментария Мао к Шицзину: 枝曰条 *chǐ yōe tiáo* 'чжй называют (тйáo) ветку'.

На наш взгляд, здесь нельзя не видеть сходство приемов толкований (или комментирования) с приемами дефиниционного анализа.

Приведенный материал, как нам представляется, свидетельствует о том, что поскольку в КНТ различались звучания и значения единиц, постольку единицы, а по существу слова, как составляющие текста, понимались как двусторонние сущности³. Это, по сути дела, не что иное как своего рода зачатки лингвистического взгляда на языка.

В древней КНТ существовало представление о многосложном слове. Та кие слова назывались 联绵字 *линьмьяньцзы* (примерный перевод: «длящиеся слова» или «протяженные слова»).

Проф. Ван Ли называет *линьмьяньцзы* простыми словами. Анализируя эти слова, Ван Ли пишет о том, что в древности комментаторы иногда рассматривали *линьмьяньцзы* как словосочетания, что, по его мнению, было «абсолютно ошибочным» [3, с.79]. В «Словаре современного китайского языка» (Сяньдай

² В КНТ существовали разные методы толкования и объяснения значений слов: один метод в этом случае использовал разнозвучающие слова, другой метод при объяснении значений слов использовал омонимы. Последний метод получил в КНТ название 声训 *шэнь сюн* 'называние, или комментирование по звучанию'. Выражение *чжй вэй янь* было основным «термином» в этом комментаторском направлении.

³ Об этом же свидетельствует и разработанный в КНТ метод транскрипции *фаньце*, учитывающий лишь звучание слов, представленных иероглифами, которые использовались для транскрибирования чтения неизвестного слова. В этом методе также наблюдался «отрыв» от значений слов, которые зафиксированы иероглифами, участвующими в транскрибировании.

ханьюй цыдянь [4]) *ляньмяньцзы* поясняется как термин, которым в древности называли двусложные простые слова (*шүанйнь дань чуньцзы*). К числу этих единиц относились слова типа 造次 *цабцы* 'торопиться', 徘徊 *пайхуй* 'бродить', различного рода повторы и некоторые другие. Эти слова были включены в словарь «*Ляньмяньцзыдянь*», который состоял из 36 цзюаней, т.е. свитков. В современном издании этот словарь состоит из 11 томов. В слове использовалась транскрипция *фаньце* и каждое значение многозначного слова выделялось в отдельную рубрику. Все это говорит о том, что не только имелось представление о слове, но и о его возможной полисемантичности.

Наличие в названии *ляньмяньцзы* компонента *цзы* не позволяет считать *цзы* названием однослога или иероглифа. Здесь *цзы* явно обозначает такую единицу, как слово. В силу этого можно считать, что термин *цзы*, в частности, употреблялся для обозначения слова, хотя имел и другие значения. Интересно отметить, что понятие «иероглиф» в древней КНТ обозначалось либо 書 *шү*, либо 名 *мин*, и лишь с времен Циньской и Ханьской династий стало именоваться *цзы*.

Итак, мы видим, что у древних китайских филологов были системные представления о лексике (синонимия, омонимия, полисемия), имелись представления о языковых единицах, отличных от односложных значимых единиц и иероглифов. Были вместе с тем представления и о слове, и о словосочетаниях.

Существовавшие в древности словари различались по целям и задачам составления, что означало также зачатки лингвистических представлений. Так, словарь *Эр я*, который представлял собою словарь-тезаурус, был предназначен для комментирования и для объяснения всего того, что было использовано в канонических книгах. Именно на этом основании этот словарь сам позже был зачислен в разряд канонов. Словарь *Фан янь* «Местные слова» служил целям объяснения значений слов, употреблявшихся в разных регионах, в различных диалектах, но, возможно, и в разных языках, на которых говорили соседствующие с китайцами народы. Этот словарь, как и словарь *Эр я*, был построен по синонимическому принципу, в котором местные слова объяснялись посредством синонимов из общеупотребительного языка. Таким образом, в КНТ существовало представление и об общеупотребительной лексике, и о лексике, используемой на местах.

В словаре *Шо вэнь*, в котором Сюй Шэнь дал классификацию иероглифов и правила их написания, даны также ряды синонимов, где слова с более узким значением объединены вокруг слова с более широким значением. Фактически, такие группировки слов напоминают то, что в современном языкознании рассматривается в рамках теории поля с главным словом-идентификатором, поскольку в *Шо вэнь* слово с более широким значением входит в толкование слов с более узким значением.

Следующий словарь – словарь *Ши мин* – «Этимологический словарь», в котором прослеживаются истоки происхождения слов. Это первый словарь, принадлежащий комментаторскому направлению «Толкование по звучанию».

Как видно из сказанного, все названные словари представляют собою результат определенного «грамматического» анализа и оценки единиц, помещенных в тот или иной словарь. Никакая лексикографическая работа невозможна без подобного предварительного анализа единиц и их системных отношений.

Однако, хотя в КНТ была широко представлена подобного рода лексикография, собственно грамматического аппарата анализа слова в КНТ не было.

Та традиция, о которой мы говорили выше, в последующем послужила тем основанием, на котором возникла новая традиция.

Шли века. На смену старому литературному языку *вэньянь*, который до XX-го века преобладал в письменном общении, пришел новый язык *байхуа*, ставший в XX веке не только языком устного общения, но и литературным языком. Первые тексты нового языка были зафиксированы, как известно, уже к середине I-го тысячелетия н.э. Язык *байхуа* стал языком устного общения и периодически прорывался в письменные тексты. Собственно, в этом языке и развилась новая морфология. Нормой стало двухсложное (двухкомпонентное) слово, либо сложное, либо производное.

Естественно, что внедрение *байхуа* в письменное общение не могло быть однократным актом. К началу XX века он имел уже достаточно широкие корни в литературе. Знаменитая литературная революция, начатая движением «4-го мая» 1919 г., резко ускорила процесс внедрения *байхуа* в литературу и письменное общение вообще. Распространение *байхуа* вызвало потребность его описания и изучения. Делать это средствами старой филологии (КНТ) оказалось невозможным, поскольку в ней, как уже говорилось, действительно был недостаточно разработан собственно грамматический аппарат. Требовался совсем другой, новый аппарат, который позволил бы адекватно описывать новый язык. К этому времени китайские ученые уже хорошо знали европейскую лингвистику. Когда они стали создавать новый лингвистический аппарат, они, естественно, много взяли из европейской лингвистики. Очень важно подчеркнуть, что новый лингвистический аппарат в китайской филологической науке сложился не на целине, а на почве, уже в определенной мере лингвистически обработанной, как мы пытались показать это выше. Видимо, этим объясняется сравнительно быстрое образование нового лингвистического аппарата.

Процесс складывания и создания новой, теперь уже не столько филологической, сколько лингвистической традиции в китай-

ской науке был, тем не менее, сложным. Так же, как и в европейском китаеведении, наблюдался, с одной стороны, механический перенос на китайский язык индоевропейских понятий и, в силу этого, приписывания китайскому языку не свойственных ему категорий, с другой стороны, наблюдалась своего рода боязнь описывать китайский язык в терминах и понятиях европейской лингвистики из-за непохожести или неполной похожести многих явлений китайского языка на явления европейских языков.

И тем не менее, процесс шел. В китайской лингвистике укоренились понятия 詞 *цзы* 'слово', 詞根 *цзыгэнь* 'корень', 詞尾 *цзывэй* 'суффикс', 詞類 *цзылэй* 'части речи', 語法范畴 *юйфǎ fānyào* 'грамматическая категория', 形態 *сінтай* 'форма' и т.д. и т.п. Появился даже термин 零形态 *лín сінтай* – 'нулевая форма'. Термин 字 *цзы* в силу появления термина 詞 *цзы* все более часто стал употребляться для обозначения понятия «морфема», хотя для понятия «морфема» появились два термина: 語素 *юйсү* (букв. 'элемент языка') – примерно соответствует морфеме Блумфилда и 詞素 *цисү* (букв. 'элемент слова')⁴ – примерно соответствует морфеме Бодуэна де Куртене.

В настоящее время в Китае изданы словари современных грамматических (и, шире, лингвистических) терминов, что свидетельствует о сложении нового лингвистического аппарата. Очевидно, что этот аппарат сложился не без европейского влияния, но он не был «навязан» европейской наукой китайской науке. Новый объект изучения – современный язык *байхуа* в устной и письменной форме с его категориями – невозможно описывать в рамках старой филологии. Более того, лингвистическое описание старого языка *вэньянь* также невозможно в рамках КНТ.

Помимо изменения объекта, изменились цели и задачи филологической науки. Главной задачей стало описание строя и функционирования современного китайского языка. Все это и вызвало коренное изменение китайской национальной филологической традиции. По сути дела, произошла смена научных парадигм в китайском языкознании.

Об этом свидетельствуют многочисленные грамматические исследования китайских ученых, труды которых закрепляют и развивают новую научную парадигму.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Чжунго юйяньское да цыдянь (Энциклопедический словарь по китайскому языкознанию). – Наньчан, 1991.

⁴ Отметим попутно, что в названном выше «Энциклопедическом словаре» *ляньмяньцзы* трактуются как слова, состоящие из одной морфемы, т.е. из одного *цисү*.

2. Создание словаря «Эр я» относят к III–II вв. до н.э., словарь «Фан янь» – к I в. до н.э. – I в. н.э., словарь «Шо взнь» был создан в 101 г. н.э., словарь «Ши мин» – в конце династии Хань.

3. Ван Ли (ред.) *Гудай ханьюй* (Древнекитайский язык), т. I. – Пекин, 1979.

4. *Сяньдай ханьюй цыдянь* (Словарь современного китайского языка). – Пекин, 1979.

Ю.Н.Сорокин
(Владивосток)

ЦЕЛИ ОБУЧЕНИЯ В ИНТЕНСИВНОМ КУРСЕ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА

Определяющим моментом любой методической системы являются цели обучения. Под целью обучения мы понимаем «планируемый результат» учебной деятельности. Иначе говоря, определяя цели разрабатываемого курса, необходимо ответить на вопрос, каких результатов в овладении китайским языком (КЯ) достигнет учащийся после прохождения интенсивного курса.

Круг потенциальных слушателей разрабатываемого курса, на наш взгляд, – лица студенческого и среднего возраста. Это в большинстве своем люди с неполным высшим и высшим образованием, имеющие различные специальности, профессию, склонности, движимые целью выучить КЯ с максимальным эффектом в возможно короткие сроки в свободное от учебы или работы время. Такой контингент обычно обладает сильной мотивацией изучения КЯ, как внешней, так и внутренней, что является благоприятным фактором успешности обучения.

Социальный заказ и предполагаемый контингент оказывает большое влияние на цели обучения. В частности, основная цель обучения – овладеть КЯ как средством общения – ограничивается определенными сферами общения, выбор которых определяется социальным заказом и потребностями контингента. Возможность общения непосредственно с носителями языка определяет приоритет устной формы речевой деятельности. Кроме того, при определении целей обучения мы учитывали цели, поставленные другими методическими системами, основанными на используемом нами методе активизации возможностей личности и коллектива [Китайгородская 1982]. Ориентирами при выработке целей служили требования стандартизованного теста, определяющего уровень владения КЯ (HSK) [Лю Инлинь, Го Шуцзюнь 1991], а также программы КЯ в Сингапурском госуниверситете [Лу Шаочан 1988], ИСАА при МГУ [1975], ДВГУ [1992].

Перечислим цели обучения интенсивного курса КЯ:

I. Предлагаемая методическая система имеет целью создать стимул к изучению языка и культуры Китая и, в конечном счете, повысить образовательный уровень учащихся.

II. Мы ставим задачей посредством курса внести определенный вклад в дело воспитания уважения к культуре другой нации.

III. Обучение грамматике языка изолирующего типа, иероглифике, просодической системе КЯ с помощью метода активизации приведет к дальнейшему развитию восприятия, памяти и мышления и позволит раскрыть потенциальные возможности личности обучаемых.

IV. Основной практической целью является формирование умений речевого общения в типичных ситуациях следующих сфер общения:

1) сервисно-бытовой, 2) социально-культурной, 3) профессионально-трудовой (частично), 4) общественной деятельности.

V. Усвоение в речевом общении в ситуациях указанных сфер 2800–3000 лексических единиц.

Цели нашего курса в определенной степени соответствуют целям первого этапа обучения КЯ в программах КЯ указанных выше вузов. Объем лексического запаса соответствует количеству лексики, необходимому для выполнения требований второго уровня теста (HSK) (3051 лекс. ед.). Вообще, данный тест предполагает четыре уровня владения лексикой. Первый уровень составляет 1033 лекс. ед., второй – 2018, третий – 2202, четвертый – 3569 (всего 8822 лекс. ед.) [Лю Инлинь, Го Шучзюнь 859]. Владение лексическим запасом в объеме 2800–3051 лекс. ед. позволяет успешно выполнить от 40 до 70 процентов тестовых заданий HSK. В зависимости от успешности выполнения это квалифицируется как знание КЯ от низшей ступени «С» Начального уровня к низшей ступени «С» Среднего уровня [Пань Чжаомин, Ши Сюдун 1993].

Предусмотренный нами объем словаря не имеет существенно-го отклонения от других программ. Так, методическая система интенсивного обучения взрослых предусматривает лексический запас в 2500–2800 лекс. ед. [Китайгородская 1982, 47]. Первый этап обучения КЯ в программе Сингапурского госуниверситета предусматривает овладение 3176 лекс. ед. [Лу Шаочан 1988, 461]. В программе ДВГУ на первых двух курсах предполагается освоение 3500 лекс. ед. [1992].

VI. Формирование активного лексического запаса обучаемых объемом 1400–1800 лекс. ед. При определении активного лексического запаса мы исходим из того, что активный словарь составляет 50–60% пассивного словаря [Китайгородская 1986, 59].

VII. Формирование навыков письменной речи: 1) способность читать предложенные тексты, содержание которых ограничивается указанными сферами общения на основе словаря объемом

1400–1600 иероглифов; 2) овладение основными правилами написания иероглифов; 3) умение пользоваться всеми видами словарей, а также всеми способами нахождения иероглифов в словарях (ключевая система, система 4-х углов, система правого нижнего угла, фонетическая система).

При определении объема иероглифики мы исходим из того, какое количество иероглифов необходимо и достаточно для записи того количества лексических единиц, которыми овладел учащийся. Авторы HSK считают, для того, чтобы записать 3051 слово, необходимо 1630 иероглифов [11, с.859]. Учитывая это, а также имея цель обеспечить овладение лексикой в объеме 2800–3000 лекс. ед., мы ставим задачу научить обучаемого узнавать и определять значение 1400–1600 иероглифов.

Китайские языковеды считают, что 1000 наиболее употребительных иероглифов покрывает 91,36% всего языкового материала [14, с.451]. Таким образом, овладев иероглификой в объеме 1400–1600 единиц, слушатели интенсивного курса будут способны понимать более 90% любого текста. Отметим также, что, по мнению китайских методистов, программа-максимум владения иероглификой составляет 3700 единиц. Данный объем иероглифов позволяет читать 99,9% всей литературы на КЯ [13, с.197]. Овладение 3700 количеством иероглифов станет одной из целей второго цикла интенсивного обучения КЯ.

VIII. В области грамматики главной целью является овладение грамматическими явлениями, которые характерны для отобранного нами языкового материала, представленного как в устной, так и в письменной форме. Мы отобрали более 500 различных грамматических явлений, из «Граматики китайского языка» В.И.Горелова [1982]. Необходимо отметить, что при составлении программы грамматики КЯ мы производили отбор наиболее типичных средств выражения того или иного грамматического явления. Например, в грамматике В.И.Горелова даются частицы 都 *dou*, 皆 *jiē*, 筠 *jūn* [1982, 46]. В наш список попадает лишь 都 *dou*. Наиболее подробному анализу в курсе подлежат грамматические явления, данные в 184 пунктах нашего списка и которые соответствуют грамматическому материалу в учебнике «Основы китайского языка» [Задоенко, Хуан Шуин 1986].

IX. В области фонетики конечной целью курса является овладение нормативным произношением, которое обеспечивается: 1) способностью адекватно воспринимать произносительную сторону китайской речи (звуки, слоги, тоны, интонация); 2) осознанным овладением произносительных навыков, которые предполагают правильное произнесение китайских звуков, а также соблюдение правил взаимодействия тона и интонации в потоке речи; 3) овладением китайской транскрипцией.

Программа по фонетике интенсивного курса состоит из 102 пунктов, соответствующих перечню фонетических явлений КЯ в

фонетическом указателе Вводного курса КЯ [Задоевко, Хуан Шуин 1983, 237–240].

Напомним, что наш курс основан на методе активизации, предполагающем обучение иностранному языку на уровне фраз. В типовой фразе, как известно, «все аспекты языка (грамматика, лексика, фонетика) выступают в органическом единстве» [Бим 1977, 187]. Усвоение языкового материала на уровне фраз означает овладение грамматикой, лексикой, фонетикой в действии. Мы считаем, что при таком изучении иностранного языка закономерным является некоторое отставание в овладении фонетическим уровнем речевой способности по сравнению с интонационным, синтаксическим и лексическим уровнями. Объяснение данному явлению дает положение о том, что становление речевой способности происходит в иерархии от интонационного уровня к синтаксическому, затем к лексическому и далее к фонетическому [Китайгородская 1986, 54]. При постановке целей в обучении фонетике мы учитываем иерархию становления речевой способности. В таком случае критерием достижения поставленных целей в обучении фонетике нашего курса становится отсутствие нарушения речевой коммуникации, причиной которого являются ошибки в произношении.

По нашим предположениям, объем интенсивного курса КЯ будет равен 200–250 часам. Это несколько больше, чем в методической системе Г.А.Китайгородской (120–150 часов). Дополнительных временных затрат требует главным образом обучение чтению и письму. Кроме того, наш курс ставит перед собой задачу овладеть большим объемом лексики.

Предполагаемый режим занятий – 4–5 часов три раза в неделю. Здесь мы придерживаемся практики, принятой в методе активизации, поскольку такой режим позволяет учащимся упорядочить полученную на занятиях информацию с помощью индивидуальной работы.

В заключение отметим, что поставленные нами цели обучения интенсивного курса КЯ носят гипотетический характер. Основанием для предположения о том, что за короткое время возможно достижение высоких результатов в овладении КЯ, является опыт проведения мини-курса КЯ, а также результаты обучения другим языкам методом активизации.

Мы не исключаем того, что за установленное время обучения учащиеся не достигнут поставленных целей в овладении тем или иным видом речевой деятельности. Однако, несоответствие между результатом и поставленными ранее целями является двигателем развития методики обучения [Бим 1977, 177]. В этом случае необходимыми станут корректировка целей обучения, а также пересмотр длительности курса.

В дальнейшем по-другому будут определены поэтапные и промежуточные цели обучения, установится необходимая иерар-

хия между целями обучения всего курса, микроцикла (урока), отдельного занятия.

ЛИТЕРАТУРА

Бим И.Л. Методика обучения иностранным языкам как наука и проблемы школьного учебника. – М., 1977; Горелов В.И. Грамматика китайского языка. – М., 1982; Задоев Т.П., Хуан Шуин. Основы китайского языка. Вводный курс. – М., 1983; Задоев Т.П., Хуан Шуин. Основы китайского языка. Основной курс. – М., 1986; Китайгородская Г.А. Интенсивное обучение иностранным языкам. Теория и практика. – М., 1982; Китайгородская Г.А. Методические основы интенсивного обучения иностранным языкам. – М., 1986; ИСАА МГУ – Программа общего курса китайского литературного языка для историко-филологического и социально-экономического факультетов. – М., 1975; ДВГУ – Программа курса китайского языка для факультета китайского языка ДВГУ. – Владивосток, 1992; Лу Шаочан. Дуйвай ханьцзю цзяосюэ чжун ханьцзю цзяосюэ ды синь чанши//Ди эр цзе гоцзи ханьцзю цзяосюэ таолуньхуй луньвэньсюань. – Пекин, 1988; Лю Инлунь, Го Шуцзюнь. Ханьцзю шуйпин каоши яньцзю ды синь цзиньчжань//Ди сань цзе гоцзи ханьцзю цзяосюэ таолуньхуй луньвэньсюань. – Пекин, 1991; Пань Чжаоми, Ши Сюйдун. Гуаньцзю цзай Мэйго цзюйсин HSK шикао ды фэнсьи баогао//Ди сы цзе гоцзи ханьцзю цзяосюэ таолуньхуй. – Пекин, 1993.

М.В.Софронов
(Москва)

АКЦЕНТНАЯ ТРИАДА В ПРОСОДИИ СОВРЕМЕННОГО КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА

Просодия языка состоит из трех акустических компонентов: высоты, длительности, интенсивности звучания слога. Эти признаки образуют акцентную триаду, каждый член которой обладает особыми смысловыми различиями и синтаксическими функциями на разных уровнях просодической структуры языка. Основной ее единицей является слог. В его тоне представлены одновременно все члены акцентной триады: он обладает длительностью, интенсивностью, высотой одновременно.

Высота звучания слога имеет регистровые и контурные признаки. На уровне слоговой просодии, наиболее существенное значение имеет его контурный признак. Тон изолированного слога реализуется в наиболее полной форме. Такое произношение составляет условие правильного восприятия на слух слоговой

морфемы и понимания ее смысла. Длительность звучания изолированных слогов, в общем, одинакова независимо от числа звуков в их составе. Она определяется прежде всего временем, которое требуется для реализации тона. Движение высоты звучания изолированного слога формирует тон слога как его существенный смысловоразличительный признак. Время звучания изолированного слога может быть увеличено, но не может быть существенно уменьшено без ущерба для его восприятия.

Слоговые морфемы китайского языка объединяются в количественные единицы, которые образуются по правилам грамматики и просодии. Минимальной количественной единицей является двуслог. Просодическое единство двуслогов и трехслов обнаруживается в непрерывности их звучания. Ее следствием являются процессы ассимиляции на сегментном и суперсегментном уровне. Поэтому тоны слогов в составе количественных единиц могут выступать в полной или в комбинаторной форме. При сокращении времени произнесения слога тон выступает в редуцированной форме. Степень редукции тона зависит от времени, выделенного на реализацию соответствующего слога из общего бюджета времени на произнесение количественной единицы. В зависимости от грамматической и семантической функции слоговой морфемы в составе количественной единицы ее тон может быть этимологическим или нейтральным.

Комбинаторные и редуцированные формы тонов, а также нейтральный тон слогов в составе количественных единиц оказывается возможным потому, что сегментные единицы приобретают на этом уровне грамматической структуры большее значение при распознавании количественных единиц, состоящих из двух и большего числа слогов, чем просодические. Общим просодическим свойством всех многосложных количественных единиц является их лексическая акцентуация, которая проявляется при их изолированном произнесении. Акцентная схема таких количественных единиц зависит от числа слогов в их составе и способа реализации их тона. Акцентное выделение слогов внутри количественной единицы осуществляется через его тон: слоги с полным тоном воспринимаются как акцентированные, слоги с редуцированными тонами или с нейтральным тоном – как неакцентированные. Другим основанием для формирования акцентной схемы количественных единиц являются семантико-грамматические функции слоговых морфем, а также прагматические свойства самих количественных единиц.

Предложение китайского языка представляет собой лингвистическую единицу, состоящую из единиц младших уровней. Признаком просодического единства предложения является фразовая интонация, состоящая из восходящей и нисходящей части. Элементарной сегментной и просодической единицей предложения является речевой такт, состоящий из нескольких количест-

венных единиц. Речевые такты объединяются в синтаксическую единицу следующего уровня – синтагму. В составе речевого такта и синтагмы лексическая акцентуация, свойственная количественным единицам при индивидуальном произношении, взаимодействует с синтаксически обусловленной акцентуацией речевых тактов и синтагм. Тактовый акцент приходится на первый знаменательный слог речевого такта. В антикадансе фразовой интонации акцентуация первой количественной единицы речевого такта подчинена тактовому ударению, а его последняя количественная единица сохраняет свою лексическую акцентуацию. Эти два вида акцентуации – лексическая и синтаксическая – составляют акцентную парадигму количественных единиц.

Для предложения как дискретной лингвистической единицы характерно использование высоты и длительности звучания слога в качестве пограничных сигналов между его составными частями. Абсолютная высота тона слогов, входящих в речевой такт, снижается по мере удаления от ударного слога, что обеспечивает ему место акцентной доминанты этой синтаксической единицы. Высота и интенсивность звучания слога тесно коррелированы, поэтому можно полагать, что главным признаком синтаксического акцента является высота и интенсивность, но не длительность слога. Регистровый перепад на границе двух синтаксических единиц обеспечивает четкое их различие даже в том случае, если пауза бывает слишком короткой.

Длительность звучания слога в составе речевого такта или синтагмы является просодическим средством, с помощью которого указывается связь с последующим речевым тактом или синтагмой. Средняя длительность последнего слога или вообще ее сокращение образует интонацию изоляции, указывающую на конец высказывания. Увеличение длительности конечного слога образует интонацию незавершенности, которая требует продолжения высказывания и сочетания с последующей синтаксической единицей. Содержание грамматической связи между соседними речевыми тактами определяется с помощью грамматических средств. Таким образом, просодия предложения образуется из фразовой интонаций, пауз между единицами синтаксической структуры, акцентного и долготного выделения отдельных слогов в речевых тактах и синтагмах.

Высота звучания слога является наиболее широко используемым средством просодии современного китайского языка. Существуют различия между использованием высоты звучания слога на уровне самого слога, где существенно изменение высоты, и использованием ее в предложении, где в речевом такте или в синтагме существенно регистровое противопоставление высокого акцентированного и низких неакцентированных слогов. Длительность используется как средство указания синтаксических связей между просодическими единицами предложения. Интенсивность

используется в просодии количественных единиц, содержащих слоги с нейтральным тоном, где слог с этимологическим тоном звучит интенсивнее слога с нейтральным.

В.А.Хабибулин
(Владивосток)

О ПОРЯДКЕ СЛОВ В КИТАЙСКОМ, АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

В предложениях слова вступают между собой в синтаксические связи. Способом выражения этих синтаксических связей является грамматически эксплицитная форма слова, порядок слов и синтаксические служебные морфемы.

Использование разных форм одного и того же слова во флективных языках, примером которых является русский язык, и разного порядка слов в аналитических языках, примером которых является китайский язык, не тождественно.

Во флективных языках изменение формы слова определяется неодинаковыми отношениями одного и того же предмета мысли, обозначенного данным словом, к другим предметам, обозначенным соответствующими словами: *большой дом, крыша дома, подойти к дому, любоваться домом, думать о доме*.

В аналитических языках роль порядка слов в предложении состоит в установлении их синтаксических связей: *гоу яо жэнь* – 'собака кусает человека' и *жэнь яо гоу* 'человек кусает собаку'.

В древнем китайском языке, первые письменные памятники которого датируются I тысячелетием до нашей эры, значимые элементы – морфемы или слова – с количественной стороны характеризуются тем, что обычно состоят из одного слога и обозначаются на письме с помощью одного иероглифа.

Изначально в древнем китайском языке при выражении подлежащего местоимением 1-го лица применялась морфема *я*, *мы*, при выражении дополнения местоимением 1-го лица применялась морфема *во* 'я, мы'. Примерно с середины I тысячелетия до нашей эры употребление этих морфем синтаксически уже не различается.

Местоимение 2-го лица обозначалось морфемой *жу* 'ты, вы' и морфемой *эр* 'ты, вы'. Морфема *жу* употреблялась как подлежащего. Морфема *эр* – в качестве подлежащего, дополнения, определения; морфема *цзы* 'ты, вы' – как подлежащее, дополнение, определение.

В первом тысячелетии до н.э. в древнем китайском языке не было местоимения 3-го лица, которое применялось бы как подлежащее. В письменных памятниках в этой функции применяется морфема *би* 'тот, другой, иной'; морфема *ци* 'его, их' приме-

няется для выражения определительных отношений; морфема *чжи* 'его, их, это, этих' – для выражения глагольно-объектных отношений.

Таким образом, в древнем китайском языке синтаксическое изменение местоимений реализовывалось супплетивно, но не через изменение флексии, как в индоевропейских языках.

В письменных памятниках немало примеров с препозицией дополнения, но диахронически количество примеров с постпозицией дополнения возрастает. В первые века нашей эры постпозиция дополнения относительно глагола-сказуемого грамматизируется и к середине I тысячелетия становится грамматически значимой.

В современном китайском языке основным грамматическим порядком значимых элементов в предложении является последовательность «подлежащее – сказуемое – дополнение».

В древнем английском языке существовало формоизменение значимых элементов для выражения различных знаменательных и грамматических значений, различалось шесть падежей для имени существительного, существовали синтаксические служебные морфемы, отношения между словами выражались не только с помощью порядка слов. Подлежащее употреблялось в именительном падеже, дополнение – винительном, дательном, применялся родительный падеж, существовали разные формы слова, подлежащее и дополнение могли занимать, в принципе, любое место в предложении.

В древнеанглийском языке (конец I – начало II тысячелетия н.э.) прямое дополнение ставится – примерно в равном количественном соотношении – и перед глаголом-сказуемым, и после него. В среднеанглийском языке (XV в. н.э.) постпозиция прямого дополнения в ходе диахронического преобладания становится постоянной.

Косвенное дополнение, как и прямое, в древнеанглийском языке ставится и перед глаголом-сказуемым, и после него; при этом в большинстве случаев косвенное дополнение предшествует прямому. В среднеанглийском языке постпозиция косвенного дополнения и его предшествование прямому относительно глагола-сказуемого становятся постоянными.

В конце XIV – начале XV вв. имя существительное утрачивает падежное формоизменение, постпозиция дополнения становится постоянной, косвенное предшествует прямому, имя существительное как дополнение не ставится перед глаголом-сказуемым. Флективный язык развивается в аналитический. Порядок значимых элементов синтаксически заменяет их формоизменение и становится важным грамматическим средством.

Позиция в предложении становится грамматически значимой. Знаменательный значимый элемент, занимая ту или иную позицию, приобретает грамматическое значение, свойственное

В древнерусском языке словоизменение служило основным способом выражения грамматических значений. В современном русском языке грамматические значения выражаются согласованием, управлением, примыканием, и порядок слов в предложении может изменяться, но при этом он не свободен и существуют определенные нормы порядка слов: более определенные в прозаической письменной речи и более свободные в разговорной речи. Работы по языковым универсалиям показывают, что порядок слов в современном русском языке хорошо соответствует универсальным свойствам порядка значимых элементов в языках мира.

В современном русском языке основным грамматическим порядком слов в предложении является последовательность «подлежащее – сказуемое – дополнение».

Дополнение при глаголе помещается, как правило, после глагола, но в определенных условиях может быть поставлено перед глаголом, непосредственно или опосредованно (через подлежащее).

Порядок «подлежащее – сказуемое» в предикативном сочетании значимых элементов предполагает порядок «определяемое – определение» в атрибутивном сочетании. В русском языке такие определяющие элементы, как зависимый генитив, придаточное предложение, ставятся, как правило, после определяемых; одиночные определения ставятся, как правило, перед определяемыми.

Факты китайского, английского и русского языков показывают, что в ходе исторического развития языка возникает необходимость выразить новое в плане содержания и происходит изменение способов выражения грамматических значений, что обуславливает утрату одних категорий и возникновение других.

В развитии китайского, английского и русского языков имеются различия, но есть и генетически общее – в разные эпохи, в течение неодинакового времени языки развиваются в направлении грамматикализации порядка значимых элементов в предложении. Основываясь на материале китайского, английского, русского языков и общности структуры различных языков, допустимо говорить об универсальности диахронической грамматикализации порядка значимых элементов в языках мира.

А.А.Хаматова
(Владивосток)

К ВОПРОСУ О ТЕНДЕНЦИЯХ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ КИТАЙСКОЙ ЛЕКСИКИ

Как известно, одним из главных источников пополнения лексики любого языка являются различные словообразовательные

процессы. В последних исследованиях отечественных синологов, занимающихся лексикологией, подчеркивается важность таких способов словообразования в китайском языке, как словосложение, аффиксация, полуаффиксация.

Издание в Китае целого ряда новых лексикографических трудов, в том числе словарей неологизмов, сложносокращенных слов, дает возможность по-новому взглянуть на морфемную контракцию как способ словообразования. Само количество сложносокращенных образований (более 10 тыс. единиц), включенных в справочник сокращений Ли Синцзуна и Сунь Ляньфэня, является свидетельством того, что морфемная контракция как процесс, обратный словосложению, продолжает активно влиять на характер лексического состава современного китайского языка.

Если первые исследования морфемной контракции в китайском языке отмечали тенденцию сокращения многосложных единиц до двусложной нормы, то анализ лексики указанного выше справочника показывает, что среди сложносокращенных образований немало единиц, содержащих более двух компонентов.

Китайские лингвисты выделяют в современном китайском языке четыре основных вида морфемной контракции: сжатие — *сохэ*; опущение — *цзелюэ*; сокращение с замещением — *цзяньдай*; обобщение — *тунко*. Внутри этих четырех типов сокращений может быть проведено более подробное деление.

Сжатие как способ морфемной контракции встречается в китайском языке чаще всего и имеет массу разновидностей в зависимости от положения опускаемых и оставляемых морфем. Соединение морфем при этом происходит, как правило, по атрибутивной или копулятивной модели: *кэсюэцзишу* — *кэцзи* 'наука и техника'; *гунсяо хэцзошэ* — *гунсяошэ* 'снабженческо-сбытовой кооператив'.

В рамках сжатия (*сохэ*) выделяются модели, содержащие следующие особенности: а) изменение порядка следования морфем: *сянцзяотяочжи* — *тяосян* 'фазовая модуляция'; б) опущение целого слова: *шуйшан юньшу шигу баосянь* — *шуйсянь* 'страхование от несчастных случаев на воде'; в) сохранение общего компонента: *чжунги сии* — *чжунсии* 'китайская и западная медицина'; г) сокращение дат: *у юэ сы жи* — *усы* 'четвертое мая'.

При опущении (*цзелюэ*) остается лишь часть, обозначающая специальное имя или название, остальное — опускается: *фудань дасюэ* — *фудань* 'Фуданьский университет', *чжунго жэньминь цзефанцзюнь* — *цзефанцзюнь* 'Народно-освободительная армия Китая'.

Сокращение с замещением *цзяньдай* — это способ образования кратких названий местностей, стран, городов, а также названий маршрутов, линий сообщения.

При обобщении (*тунко*) в распространенном словосочетании выделяется общая часть и перед ней ставится числительное, обозначающее количество составных частей, подвергающихся контракции.

В справочнике сокращений приведены примеры многозначных сложносокращенных слов. Например:

бяньдао – 1) инсценировка и режиссура (сокращение от *бяньцзюй хэ даоянь*; 2) сценарист и режиссер (сокращение от *бяньцзюй хэ даояньды жэнь*);

дия – 1) низкое атмосферное давление (сокращение от *ди-ция*); 2) низкое кровяное давление (сокращение от *дисюэя*); 3) низкое напряжение (сокращение от *дидянья*).

Сложносокращенное слово может репрезентировать два конверсионных омонима: а) *бяньму* – 'составлять каталог' (сокращение *бяньчжи мулу*), б) *бяньму* – 'каталог'.

Таким образом, сложносокращенная лексика современного китайского языка требует нового анализа и осмысления.

А.Н.Хохлов
(Москва)

Л.Н.ВОЕЙКОВ – ПЕРВЫЙ РОССИЯНИН-КИТАИСТ

Вопрос о том, кто был первым по времени специалистом в области восточных языков, далеко не праздный для исследователей истории востоковедения в той или иной стране. Важность данной проблемы определяется не столько соображениями престижа той или иной нации, сколько необходимостью определения начального этапа подготовки квалифицированных кадров востоковедов, способных решать сложные задачи поддержания добрососедских отношений между государствами, различными по своему политическому строю, духовной культуре и этническому составу.

Потребность России в людях, знающих языки народов Центральной и Восточной Азии, возникла задолго до правления Петра I и на первых порах отчасти удовлетворялась за счет толмачей, которые, как правило, не знали письменности народов, с которыми россиянам приходилось вступать в хозяйственные, торговые и дипломатические контакты.

Потребность в знатоках восточной письменности и в частности монголистах и китаистах стала особенно ощутимой после заключения 14 июня 1728 г. между представителями России и цинского Китая Кяхтинского трактата, предусматривавшего порядок поддержания межгосударственных отношений между этими двумя соседними империями. Еще в феврале 1728 г. российский дипломат С.Л.Владиславич-Рагузинский (серб по нацио-

нальности), вернувшись с посольством из Пекина в Селенгинск для завершения переговоров, начатых в цинской столице, назначил И.В.Мостинина переводчиком монгольского языка, обязав его «с наивящею прилежностью» обучаться «языку и грамоте мунгальской» у местного правителя-тайши Лубсана. Уже в августе 1728 г. Мостинин был причислен к граничной канцелярии в Селенгинске, где стал заниматься переводами официальных бумаг на монгольском языке, поступавших в Кяхту из Урги от правителей соседней Монголии, а также из столицы цинского Китая. Этот факт позволяет считать Ивана Матвеевича Мостинина первым россиянином-монголистом, знавшим не только разговорный язык, но и письменный.

Еще до отъезда С.Л.Владиславича-Рагузинского из Москвы к посольству, по его предложению, решением Св. Синода от 5 августа 1725 г. были прикомандированы двое учеников Славяно-греко-латинской академии Лука Воейков и Иван Шестопалов для «наученья китайскому языку». После подписания Кяхтинского трактата, предусматривавшего обучение 6-ти россиян восточным языкам в Пекине при Российской духовной (православной) миссии, С.Л.Владиславич-Рагузинский направил туда трех молодых людей: Луку Воейкова, Ивана Пухорта и Федота Третьякова. Отправившись из крепости Петропавловской (на реке Чикой) с российским караваном, возглавляемым Л.Лангом (шведом на русской службе), они в сентябре были в Кяхте, а в декабре 1727 г., миновав степи Монголии, прибыли в Пекин.

Об этой первой тройке учащихся, прибывших в цинскую столицу для изучения восточных языков и прежде всего китайского, сохранилось мало сведений. Это признает и П.Е.Скачков, глубокий знаток отечественного востоковедения. В монографии «Очерки истории русского китаеведения» (М., 1977, с.38) он, помимо упомянутой тройки «школьников», называет еще четвертого: Ивана Шестопалова (он же Яблонцов), однако это утверждение – неверно, т.к. его Рагузинский отстранил от посылки в Пекин по состоянию здоровья («понеже», как писал российский дипломат в донесении из Селенгинска от 28 октября 1727 г., он был «увечен»).

Лука Воейков – сын тобольского воеводы. Вместе с Шестопаловым он учился в Славяно-греко-латинской академии (с 1714 г.). Иван Пухорт, как сообщает П.Е.Скачков, родился в Москве, происходил из «иноземцев». До отправления в Китай он служил в Академии Наук копиистом и перед отъездом в Пекин находился в свите Рагузинского в качестве пажа. Третьим учеником был Федот Третьяков, сын дворянина, жителя Селенгинска.

В июне 1729 г. в Пекин прибыл архимандрит Антоний (в миру Андрей Германович Платковский, ум. в 1746 г.), назначенный главой Российской православной миссии. Вместе с ним при-

ехали три новых ученика, обучавшиеся ранее у него в монгольской школе при Вознесенском монастыре (близ Иркутска), созданной в соответствии с указом 1724 г.

С приездом новой тройки «школьников» в Пекин занятия китайским языком, а также маньчжурским стали проходить под наблюдением главы миссии. Циркулярным письмом, посланным в августе 1730 г. Коллегией иностранных дел, ему, в частности, предписывалось: «Надлежит тебе трудиться с наивящею прилежностью о обучении обретающихся в Пекине российских шести человек-учеников китайского и маньчжурского языков письма, дабы они втуне время не проводжали».

Об успехах в учебе первой тройки, в которой старшим считался Л.Н.Воейков, можно судить, например, по донесению арх.Антония в Св.Синод от 11 октября 1729 г. В нем, в частности, говорилось: «А лучше всех учится и хорошо говорит по-китайски Феодот Алексеев сын Третьяков и надежда есть, что он в скорых годах языкам выучится совершенно и грамоте маньчжурской». При этом, указывая на трудности в овладении китайским языком, глава миссии не без доли пессимизма отмечал: «А никако-китайской грамоте чрез долгие годы никогда совершенно не выучиться...»

Более полную и конкретную информацию о языковых занятиях первой тройки и ее взаимоотношениях с преподавателями дает письмо Луки Воейкова, подписанное также его соучениками. Оно датировано 20 января 1731 г. и адресовано графу С.Л.Владиславичу-Рагузинскому. Письмо довольно пространное, поэтому приведем лишь отдельные его пассажи, наиболее интересные для характеристики самих занятий и порядка обучения.

«Об нашем учении объявляем Вашему Сиятельству, что по отъезде каравана 728 года июля 18 дня [и] до августа 3-го дня не были определены к нам учителя. Июля 23-го говорил я, Лука Воейков, приставленному к нам, трем ученикам, толмачу и заргучею русской сотни полонечному сыну Якову Савину сыну Шепеткову, для чего по сие число не определяют к нам учителей, и мы занапрасно живем и о том будем письменно просить в Мунгальском приказе (Лифаньюань – А.Х.).

А он на те мои слова сказал, что учителя к вам определены, а затем не присланы, что по их обычаю усматривают [ожидают] счастливого дня, в которой бы благополучно зачали учить вас. И просить о том не надлежит, когда дело сделано.

Июля 26 дня еще он же, Яков, да пятидесятник Козьма Дмитриев сказывали нам, что выбраны были к вам два учителя и их свидетельствовал сам ханское величество, и оные учителя не понравились Его Величеству, потому что громко пред его Величеством говорили и приказал его Величество Министрам выбрать (новых)...

23-го дня еще говорили мы Якову Савину, чтоб нам просить письменно, дабы мы все время не тратили, и он сказал нам, что, надеюсь, в третий день к нам определят учителей, понеже ныне поехали министры к ханскому величеству всякие дела объявлять.

Августа 2 дня приезжал к нам заргучей из Мунгальского приказу прозванием А и спрашивал у нас, выучили ли вы по сие время, как говорить по-китайски; и я, Лука Воейков, отвечал: по возможности нашей записываем, как что называется. А науке, к языку китайскому надлежащей, не учились, понеже учителя по сие время к нам не определены. Оный заргучей сказал, что уже определены два учителя – маньчжурской да никанской, и они за свою волю не ездят к вам; и я донесу о том алахамбе, и им будет худо.

Августа 3 дня приехали к нам два учителя – один маньчжур прозванием Ху, да никан (китаец – А.Х.) прозванием Лин, оба – подъяческого чина. И объявили нам, что они отправлены от лица ханского величества, и приказ словесный был от ханского величества, чтоб учить нас не так, как [его] подданных ..., но прилежнее, дабы была с российским императором ... любовь. И сказывали нам, что ныне – день счастливый [и] должно вас начать учить. И мы сказали, что мы уже давно того ожидаем. И они у нас стали спрашивать, есть ли у вас кисти, каменные плиты [доски], чернило и бумага, и [говорили], чтоб у всякого учителя и ученика были особливый стол и стул. И мы трое ответствовали: кисти и плиты, чернило и бумагу в сей же час пошлем купить, а стол един вам дадим, а за другим мы будем учиться. А больше столов у нас нет, и они сказали на то: мы пойдем в Мунгальской приказ докладывать...

Августа 5-го дня пришли к нам учителя оные и дали нам, трем ученикам, по шести книг китайской бумаги, листов с двадцать и один кусок чернил [туши] и восемь кистей тростяных и зачали нас учить никанской грамоте. И выучили мы в тот же день 21 слово и 40 слов писали сквозь бумагу, и учились до 20 августа. На всякой день [давали] по сту и по полтора ста литер китайских... по лексикону, который по-китайски называется «дзылуй» («Цзы-хуэй» – А.Х.). И оный послан был от пречестного отца архимандрита Антония Платковского в Святейший Правительствующий Синод. Главных литер [насчитывается] 239, а от всякой литеры [второстепенные] происходят разно: от иной литеры по тысяче, от иной по сту, по десятку, а всех имеется происходящих от главных литер 31.809 литер.

И стал никанский учитель учить нас никанской [китайской] грамоте, не объявляя нам толку. А маньчжурской учитель говорил нам такие слова: вы наперед выучитесь никанской грамоте, а [тогда] я могу вас выучить маньчжурской грамоте и языку в полгода.

Августа 20-го дня стал я, Лука Воейков, говорить учителю никанскому: нам сие не в пользу [то], что мы учили на память; лучше нам учиться по книге, чтоб, читая, нам спознавать литеры китайские. И на мои слова никанский учитель соизволил, и училися мы неделю не на память, а по книге.

28 числа зачали мы учить книгу 1000 литер («Цяньцзывэнь» – А.Х.) наизусть.

Сентября 15-го дня говорил я, Лука Воейков, учителям, чтоб нас учили не токмо грамоте, но и языку, и чтоб вокабул или по двадцати иль по десять на день в урок задавали, и они на то соизволили. А после нас учили с толком токмо пятидесяти семи словам.

729 году июня 16 дня прибыли в Пекин трое учеников Герасим Шульгин, Михайло Пономарев, Ларион Россохин и от великих жаров с месяц не училися...”

Из цитируемого письма можно представить и характер взаимоотношений первых учеников Российской православной миссии как с местными цинскими властями, так и с китайской прислугой. В качестве последней порой выступали бывшие российские пленные-албазинцы, зачисленные в маньчжурское войско в особую русскую роту. Прodelки этих слуг в ряде случаев превосходят то, что было описано классиками мировой литературы. Для примера приведем лишь небольшой пассаж из цитированного нами письма Луки Воейкова, в котором, в частности, говорилось:

“Определены были [к] нам, ученикам, чрез того толмача Якова два человека из русской сотни – преставившагося в Пекине, отца архимандрита Илариона служитель Ванха да Сыга и один водонос двора посольского сторожа Хундая сын Санга. А когда оных вручали, говорил нам толмач Яков, что сии служители определены к вам указом ханского величества и вам надобно их содержать хорошенько. И мы, веря сему слову, положилися на них, аки на сущих подданных-служителей и не опасались их, как прямых воров надлежит беречься. А они, узря нашу простоту, стали нас обкрадывать – и тайно, и явно. И мы стали на них жаловаться тому толмачу Якову; и он никакого решения не учинил. А когда нам от тех служителей терпеть было невозможно (а ударить и думать не смели), только не стерпя своей крайней обиды, иногда бранивали [их], и за оную брань мы судимы были и винули нас в том, что мы, иностранные люди, бранили Срединного государства людей. А оных трех человек мы кормили и платье на них покупали из его императорского величества жалованья, а они, живучи у нас, покупали нам харч, посуду и платье двойною и тройною ценою. И мы о том не знали, яко новоприезжие и языка китайского не умеющие...”

А по прибытии отца архимандрита Антония и священника Иоанна, и иеродиакона Иосафа и трех [новых] учеников оные два служителя и водонос служили нам девятерым российским

человекам. И стали оные служители всем нам покупать двойною ценою, и мы, узнав сие, стали их обличать и кричать на них, а они сказали нам: мы ваши, [но] не купленные слуги: коли мы худо покупаем, сами купите лучше. И, не утерпя сии слова, Федор Третьяков, понеже он довольнее по-китайски знает, обличая их кражу и обман в покупке, стал их бранить, и они с ним хотели дратца, по своему глупому китайскому обычаю платье с себя снимали. И мы, не хотя государству нашему бесчестия учинить, поступили с ними мирно и послали по того же толмача Якова, и ему объявили к нам от служителей обиду..." (Полный текст письма см.: АВПР, ф. Сношения России с Китаем, оп. 62/1, 1731, д. 4, л. 1-7).

В 1732 г. в Пекин вновь приехал с казенным караваном Лоренц Ланг. После продажи (казенных) товаров он взял с собою в обратный путь Ивана Пухорта и Федота Третьякова. Оставшемуся в Пекине Луке Воейкову он приказал заниматься словарной работой, связанной с вписыванием русских слов в китайско-латинский словарь, составленный жившим в цинской столице европейским миссионером-иезуитом.

Чувство одиночества и тоски по родному дому, охватившее Луку Воейкова после отъезда на родину его ближайших товарищей, он пытался подавить упорным трудом. Однако растущая неудовлетворенность в собственных познаниях в области китайского языка часто вызывала в нем горькое разочарование, а порой и отчаяние. Употребление же вина лишь усугубляло его нездоровье, обусловленное неумеренными занятиями и предрасположением к туберкулезу, в условиях жаркого и влажного пекинского климата. В донесении от 4 июня 1733 г. арх. Антоний писал по этому поводу в Синод: «Ученик Лука Воейков прежде всех приехал в Китай и с печали своей, что его китайцы унизили (в оригинале: уничтожили) и не дали [ему] в русской школе («Элосыгуань» – А.Х.) учить, как в трактате говорено было, пил горячего вина очень много во все дни и чуть не умер; и от печали и пьянства получил чахоточную болезнь и харкает кровью...» Сообщая о том, что Лука Воейков «в нынешнее время очень болен: в месяц один день ходит, а десять пролежит», глава миссии просил «на Лукино место» прислать «здорового и доброго из Москвы ученика, чтоб вина горячего и никакого питья пьяного в Китае не пил». Примерно через год арх. Антоний сообщил в Св. Синод о смерти Луки Воейкова, скончавшегося, судя по всему, от скоротечной чахотки. В донесении главы миссии от 24 июля 1734 г., в частности, говорилось: «Лука Воейков сего 1734 году января 7 дня умре на посольском русском дворе; лексикон перевел по «покой» русское; и оный лексикон перед смертью кому вручил – я не знаю».

Как видно из архивных данных, упомянутый лексикон был завершен Лукой Воейковым российской церкви в Пекине, но от-

туда продан за 4 лян серебра Лоренцу Лангу, приехавшему в цинскую столицу с новым караваном в 1737 г. Тогда, как сообщают архивные материалы, по жалобам учеников, инспирированным Лангом, против главы миссии арх. Антония было возбуждено следствие, после которого его высекли и отправили под присмотром (в оковах) в Россию. Среди «компрометирующих» документов, предъявленных арх. Антонию – в Пекине и на родине, фигурировало одно старое письмо Луки Воейкова, адресованное Лоренцу Лангу. Оно содержало утверждение о том, что глава миссии в пылу спора с Лукой Воейковым о своем старшинстве над ученикам «опорочил» царский указ (Петра II), непристойно отозвавшись о нем. Хотя на следствии, устроенном Лангом в Пекине, глава миссии отрицал то, что он якобы говорил Воейкову, этот пункт обвинения при новом рассмотрении этого дела в Св. Синоде оказался главным. На его основании судьи лишили бывшего руководителя Пекинской духовной миссии сана архимандрита и отправили его простым монахом в Троице-Сергиевский монастырь. Как нам представляется, этот факт биографии Луки Никитича Воейкова, как и прочие данные, касающиеся нарушения им «режима» в Пекине, не должен серьезно влиять на общую оценку этого китаиста, особенно если учесть, что ему первому из россиян довелось применить свои знания в китайском языке в столь трудном и ответственном деле, каким было составление первого китайско-латинско-русского словаря. Отыскание этого труда позволило бы полнее и конкретнее оценить научный вклад Л.Н.Воейкова в российское китаеведение.

А.Н.Хохлов
(Москва)

ПЕРВЫЕ КАДРЫ ПЕРЕВОДЧИКОВ ДЛЯ КВЖД

Проблема подготовки переводчиков – своеобразных строителей мостов дружбы и взаимопонимания между различными народами – всегда привлекала внимание наиболее дальновидных государственных деятелей. Особенную остроту она приобретала в периоды межгосударственных конфликтов либо расширения взаимовыгодных политических, экономических и культурных контактов. Наиболее интересен в этом плане опыт многонациональных государств, и в частности России, издавна (с последней четверти XVI в.) поддерживавшей торгово-дипломатические контакты с цинским Китаем. Изучение этого опыта в наши дни представляется не только полезным и необходимым при выборе наиболее эффективных форм и методов обучения китайскому языку, но и перспективным с точки зрения дальнейшего делово-

го сотрудничества между нынешней Россией и КНР в различных сферах гуманитарной и научно-технической деятельности.

История строительства и эксплуатации КВЖД тесно связана с подготовкой кадров переводчиков, главным образом китайстов, и в меньшей степени японистов. Потребность в них в разной мере ощущалась во время сооружения железной дороги (1898–1903 гг.), в периоды ее совместной эксплуатации Россией и Китаем (до и после Октября 1917 г., а затем в 50-е годы, после образования КНР в 1949 г.), а также во время японской оккупации Маньчжурии (с 1931 г. по 1945 г.). С наибольшими затруднениями руководство КВЖД столкнулось в конце XIX – начале XX вв., когда (при сооружении железной дороги, восстановлении ее отдельных участков, подвергшихся нападениям со стороны цинских войск и отрядов ихэтуаней и хунхузов во время драматических событий 1900 г., а также вводе в эксплуатацию КВЖД в 1903 г.) ему приходилось чаще всего пользоваться услугами «толмачей» из местных жителей, знавших русский язык на уровне бытового общения, т. е. способных немного говорить, но не умевших читать и писать. Все это вызывало озабоченность как у руководства КВЖД, так и у тех, кто финансировал сооружение этой дороги. Для решения этой проблемы, которая остро ощущалась и цинской стороной, в Пекине в 1899 г. была учреждена школа с преподаванием русского языка для китайцев и китайского языка – для русских. Д.М.Позднеев, служивший в Пекинском отделении Русско-Китайского банка, кредитора КВЖД, 11 (23) августа 1899 г. писал в г. Орел своим родным: «Вы, вероятно, читали об основании китайским правительством при нашем отделе (Пекинском отделе Правления КВЖД. – А.Х.) русской школы, а кроме того, к нам сюда приезжают 10 русских молодых людей». Первые успехи как китайцев, так и русских, оказались обнадеживающими. «Студенты наши, – сообщал 5 (17) февраля 1900 г. Д.М.Позднеев из Пекина, – показывают хорошие успехи в языке, а еще лучше их работают китайцы в русско-китайской школе, где, действительно, для 6 месяцев успехи – блестящие». Более полная информация о ходе обучения в школе китайскому языку содержится в его письме к брату А.М.Позднееву, директору Восточного института во Владивостоке. Сообщая об опыте преподавания в пекинской школе, Д.М.Позднеев 17 февраля (1 марта) писал: «У нас дело ведется очень просто. Каждому из студентов дан нанятый казною за 20 долларов сяншэнь (китаец–учитель. – А.Х.), с которым они могут заниматься 8 часов в сутки... На первые три месяца по Вэйду они прошли 20 упражнений, ключи и тоновую таблицу. Иероглифы они должны писать, но этого достигли не все одинаково. Один, однако, знал чтение по тонам, (на)писание и знание почти 800 иероглифов за три месяца с удивительной точностью. На следующие 3 месяца им даны еще 20 уроков и 10 диалогов...

Вообще, мы сами смотрим на эту работу как на опыт и еще не знаем, как скоро окажемся в состоянии приготовить для дороги переводчиков...». «Спрос же на переводчиков – громадный, а у наших инженеров служат какие-то отребья вместо переводчиков. Прямо смотреть страшно, что (это) за китайцы, а именуются старшими переводчиками и получают по 100–200 руб. в месяц» (ГПБ, ф.590, оп.1, ед.хр.112, лл.96–97, л.155, лл.192–193).

После первых экзаменов в пекинской школе была произведена некоторая реорганизация, в результате чего наиболее способные и перспективные ученики из двух имевшихся классов оказались в одной группе, а остальные, не блеснувшие своими познаниями на экзамене, – в другой. О произведенной перегруппировке учащихся сообщается в письме Д.М.Позднеева от 6 (19) мая 1900 г.: «После экзаменов 25 апреля я отобрал цвет учеников из двух классов и соединил их вместе (17 чел.); при этом оба учителя занимаются теперь в каждом классе, и ученики привыкают к различным людям. Успехами я доволен и почти уверен, что за 3 года мы успеем приготовить переводчиков... Жаль только, что времена теперь в Пекине крутые и что мы не можем достать 6–7 тысяч лан в год для увеличения штата учеников на 20 человек, для образования 3-го класса» (Там же, л.249).

Вступление китайских повстанцев-ихэтуаней в Пекин в мае 1900 г. и последующее вооруженное вмешательство восьми иностранных государств, в том числе Японии и России, в ход политических событий, развернувшихся в столичной провинции, нарушили привычный ритм учебных занятий в школе. Они возобновились лишь после того, как восстание было подавлено и жизнь цинской столицы вернулась в привычное русло. 3 (16) ноября 1903 г. Д.М.Позднеев, переживший со своими питомцами и соотечественниками тревожные дни осады повстанцами посольского квартала в Пекине, сообщил жене об окончании строительства нового здания для школы и желании 370 человек китайцев поступить в нее, при наличии лишь 20 вакантных мест. Занятиями в школе руководил Я.Я.Брандт, которого Д.М.Позднеев характеризовал как чрезвычайного полезного работника на Востоке «по массе инициатив, неумном желании развивать дело и по уменью ладить с людьми вообще, с китайцами в особенности». «Его успехи в китайском языке теперь, – подчеркивал он в письме от 1 (14) апреля 1904 г., – очень велики. Он едва ли не самый пригодный человек для ответственной деятельности в Китае из всех наших служащих». Вместе с ним Д.М.Позднееву довелось стать свидетелем первого выпуска своих воспитанников. 10 (23) мая 1904 г. он не без гордости сообщил жене: «С завтрашнего дня у нас в школе назначены экзамены выпускаемому первому курсу. Это также аттестация одного из моих дел...» [ГПБ, ф.590, оп.1, ед.хр.114, л.193, л.236]. Однако вскоре (5 июня 1904 г.) Д.М.Позднеев был назначен директором Восточ-

ного института во Владивостоке, и ему пришлось оставить Пекин. Удачный старт, данный Пекинской школе при деятельном участии Д.М.Позднеева, вселял надежду на то, что она станет со временем хорошей кузницей будущих кадров КВЖД. Но случилось так, что многие ее питомцы предпочли служить в государственных учреждениях цинского Китая, а не на этой железной дороге. В связи с этим перед вышестоящими инстанциями был поставлен вопрос об организации школ переводчиков для детей служащих КВЖД, поскольку в Харбине, в коммерческом училище и торговой школе при нем, уже преподавался китайский язык. «Не лучше ли, — писал в 1910 г. В. Ладыгин, — не откладывая в долгий ящик, открыть скорее в Харбине одну — две школы переводчиков для детей тех кондукторов, стрелочников, помощников машинистов, для детей нижних чинов, да и вообще для всех тех, родители которых не имели возможности почему-либо поместить детей своих в местные школы» (ЛО ААН, ф.761, оп.2, ед.хр.7, л.226). Немедленной реализации этой идеи помешали многие последующие события, и прежде всего революция 1911 г., положившая конец господству маньчжурской династии Цин (1644–1912) в Китае.

Другим центром подготовки переводчиков для нужд Маньчжурии и КВЖД стала школа, открытая цинскими властями в г. Гири (Цилинь). В 1901 г. сюда преподавателем русского языка был приглашен С.Ф.Большаков, выпускник Ургинской школы, преподававший до этого русский язык в г. Учан (пров. Хубэй). Некоторые данные о контингенте учащихся (20 юношей в возрасте 15–20 лет), сроке обучения (4 года) и программе преподавания различных предметов в этой школе (среди которых особое место занимали правила вежливости при сношениях с подданными России, ее договоры с Цинской империей) сообщает В.Ф.Люба, выполнявший в этот период обязанности представителя МИД в Гирине. В донесении от 26 ноября 1901 г. он подчеркивал, что «с китайской стороны сделано все, чтобы подготовить выпуск знающих и достаточно образованных переводчиков, в которых здесь одинаково нуждаемся мы и нуждаются китайские власти». «Я имел случай, — отмечал В.Ф.Люба, — неоднократно высказывать и доказывать, какое громадное зло составляли и составляют в Маньчжурии китайские переводчики, которые набирались из лиц, проживших в качестве поваров, домашней прислуги, приказчиков и торговцев во Владивостоке, в Хабаровске, Никольско-Уссурийске и Благовещенске... На них ... жалуются и теперь китайские власти, считая именно китайцев — переводчиков виновниками многих недоразумений и столкновений с нашими военными властями... Вновь учрежденная в г. Гирине китайско-русская школа и ставит главной своей задачей: придти на помощь такой очевидной нужде в лицах, знающих русский и китайский языки, и дать настоящих переводчиков, устранив от

этой деятельности мелких и крупных плутов, эксплуатирующих свои — часто весьма слабые — знания русского языка одинаково во вред нам и китайцам» (АВПР, ф.Китайский стол, 1884—1916; д.2036, л.25). После русско-японской войны дефицит в переводчиках на КВЖД был отчасти покрыт за счет выпускников мужского коммерческого училища в Харбине, где преподавание китайского языка в III—VIII классах началось осенью 1906 г. В 1907—1908 уч. г. в училище обучалось этому языку 111 человек, в 1908—1909 г. — 236, в 1909—1910 г. — 277 и в 1910—1911 г. — 323 чел. С осени 1908 г. при училище функционировала торговая школа с трехгодичным сроком обучения, где в соответствии с уставом, утвержденным министром торговли и промышленности 28 августа 1908 г., изучение китайского языка считалось обязательным, а изучение японского — факультативным. Объем языковой нагрузки также измерялся тремя неделями в каждом классе. В 1908—1909 уч. г. в школе обучалось 25 учеников 1-го класса, в 1909—1910 г. — 46 учеников 1-го и 2-го классов, а в 1910—1911 г. — 75 учащихся во всех трех классах. Осенью 1908 г. по инициативе и на средства Харбинского городского общественного управления были открыты два двухклассных городских училища, где также был введен китайский язык в качестве обязательного предмета.

Таким образом, первый контингент переводчиков для КВЖД был пестрым по своему профессиональному составу и включал как лиц, мало знакомых даже с разговорными нормами китайского или русского языков, необходимыми для общения и совместной работы, так и лиц сравнительно высокой переводческой квалификации, прошедших специальный курс обучения в школах различного типа под руководством квалифицированных преподавателей-китаистов (Д.М.Позднеева, Я.Я.Брандта и др.).

А.Н.Хохлов
(Москва)

СВЯЗИ РУССКИХ И НЕМЕЦКИХ СИНОЛОГОВ В XVIII—XIX вв. (по архивным материалам)

В истории взаимоотношений России с Германией фактором, стимулировавшим их стабильное развитие, порой выступали научные связи, как в сфере технических наук, так и в сфере гуманитарных. Наиболее ранние контакты в области востоковедения восходят ко времени создания Академии Наук в России, когда в соответствии с указом от 28 января (8 февраля) 1724 г. были приглашены сюда на работу ученые из Западной Европы. Среди европейских ученых, откликнувшихся на это приглашение, был Готлиб (Теофил) Зигфрид Байер (1694—1738), изъявивший желание заниматься изучением древностей и восточных языков.

Результатом его занятий в этой отрасли знаний стал первый в Европе труд по китайскому языкознанию под названием «Музеум синикум», опубликованный в С.-Петербурге в 1731 г. Изданная в ограниченном числе экземпляров, эта работа, вызвавшая критические суждения у тогдашних «знатоков» китайской словесности, вскоре стала библиографической редкостью – в отличие от других книг, написанных и опубликованных немецким ученым-энциклопедистом. Приняв решение вернуться на родину (из-за сложных взаимоотношений с И.Д.Шумахером) и отправив значительную часть своей библиотеки в Кёнигсберг, Г.З.Байер заболел лихорадкой и в феврале 1738 г. скончался. Среди рукописных трудов, оставшихся после его смерти, особенно интересен китайско-латинский словарь, над которым Г.З.Байер работал в последние годы своей жизни. Судя по всему, при составлении словаря немецкий ученый пользовался трудами своих западных коллег-миссионеров, состоявших на службе богдохана. Вполне вероятно, что ему были известны материалы членов Российской духовной (православной) миссии в Пекине. В этой связи встает вопрос, кого следует считать первым синологом в России, – работавшего по контракту Г.З.Байера, пытавшегося объяснить законы китайского языка с помощью рассуждений о его грамматике, или архимандрита Антония (в миру А.Г.Платковского) (ум. в 1746), вчерне составившего в Пекине китайско-латинский словарь, а также маньчжурско-русский. Примечательно, что, кроме словаря, частично сохранившегося в архиве Российской Академии Наук, после Г.З.Байера остались черновые записи по китайскому языкознанию, часть которых осела в коллекции К. Моргенштерна, находящейся в библиотеке Тартуского университета.

Серьезное внимание изучению Китая и его языков в Российской Академии Наук уделял Юлиус Клапрот (1783–1835). В составе посольства гр. Ю.А.Головкина, посланного в 1805 г. в Китай, ему довелось побывать на русской границе в районе Кяхты, что позволило молодому ученому не только собрать интересовавшие его сведения, но и познакомиться с жизнью и бытом монголов, маньчжуров и китайцев. Поездки в Восточную Сибирь и Среднюю Азию (в район Бухтармы), а позднее на Кавказ, совершенные на средства русской казны, значительно расширили научный кругозор Ю. Клапрота, что в конечном итоге помогло ему стать видным специалистом в области восточной филологии. Будучи послан в Берлин с научной целью в 1811 г., он не вернулся в Россию. После почти трехлетнего пребывания в Пруссии он переехал в Италию, а затем во Францию, где окончательно осел и впоследствии был избран членом Французской Академии Наук. Книги и рукописи, в т.ч. словари, взятые им в Петербурге в зарубежную командировку, не были возвращены назад, что послужило одной из причин исключения его в 1817 г. из состава

Российской Академии. Несмотря на то, что Ю. Клапроту уже в 1814 г. был воспрещен въезд в Россию (возможно, из-за его симпатий к Наполеону), российские ученые и путешественники (акад. Х.Д.Френ, П.Л.Шиллинг, Е.Ф.Тимковский и др.) поддерживали с ним деловые контакты. Это помогло, например, Е.Ф.Тимковскому издать свою книгу «Путешествие в Китай чрез Монголию в 1820 и 1821 годах» (СПб, 1824) во Франции, где она появилась с замечаниями и комментариями Ю. Клапрота, содержащими резкую критику некоторых разделов этой книги, написанных при содействии Н.Я.Бичурина (1777–1853). Острая критика Ю.Клапротом работ Н.Я.Бичурина (о. Иакинфа) после их издания на французском языке способствовала лишь упрочению авторитета видного русского востоковеда не только в России, но и в странах Западной Европы. Характерный пример тому – обращение французских синологов С.Жульена и Г.Потье к Н.Я.Бичурину выступить арбитром в их споре по поводу правильности перевода ими одного китайского исторического текста.

Кратковременное пребывание в июне 1850 г. в С.-Петербурге немецкого синолога К.Гюцлафа (1803–1851), направлявшегося в Швецию с целью вербовки протестантов для миссионерской службы в Китае, и особенно его беседа с китаистом З.Ф.Леонтьевским (1799–1874), не прошли незамеченными в русской научной печати. Касаясь визита известного немецкого миссионера, состоявшего тогда на английской службе, один петербургский журнал, ссылаясь на выступление сотрудника Российского Географического Общества П.С.Савельева, сообщал следующее о внешнем облике К.Гюцлафа: «По лицу он настоящий китаец... Нельзя не заметить по этому поводу, что долгое пребывание среди китайцев изменяет европейскую физиогномию более или менее на китайский лад: это видим мы и на некоторых из наших синологов». Более существенной была, однако, констатация того, что Гюцлаф говорил по-китайски на южном диалекте, а его собеседник – россиянин – на северном, пекинском.

Важную роль в установлении контактов с зарубежными коллегами, работавшими в Западной Европе, играли научные командировки. Летом – осенью 1870 г. известный востоковед В.П.Васильев (1818–1900) посетил Австро-Венгрию, Пруссию и Великобританию с целью ознакомления с восточными фондами крупнейших европейских библиотек. В ходе этой поездки ему довелось познакомиться с Фицмаером в Вене, с Р. Дугласом и Sommerсом в Лондоне, с И. Г.Платом (1802–1874) в Мюнхене и В. Шоттом (1802–?) в Берлине. В Мюнхене особое внимание российского востоковеда привлекли китайские предметы из коллекции известного японоведа Ф. Зибольда (1796–1866). Обобщая свои впечатления о встречах с западными коллегами, проф. С.-Петербургского Университета В. П.Васильев 16 декабря 1870 г.

писал в своем отчете: «Ученые-синологи (в Западной Европе — А.Х.) могут быть разделены на две категории: одни, как германские, никогда не бывали в Китае, но, занявшись дома какой-нибудь отраслью литературы, находят в ученых обществах и академиях поддержку для издания своих трудов. Другие, побыв несколько лет в Китае, возвратились на родину, чтоб продолжить свои занятия». Говоря о книжных сокровищах крупнейших восточных библиотек Западной Европы (за исключением библиотек Парижа, куда невозможно было проехать из-за франко-прусской войны), В.П.Васильев отмечал: «Во всех этих библиотеках, несмотря на тщательный, с моей стороны, осмотр, нет ни одного выдающегося сочинения, которого не было бы в нашей библиотеке. Напротив, нигде нет такого богатого и полного собрания по части истории, географии, поэзии, изящной и легкой литературы Китая, коим обладает наша библиотека. Одно наше собрание буддийских книг на китайском языке почти равняется объему всех лучших библиотек, а об этом собрании там не имеют и понятия» (ЛГИА, ф.14, оп.1, д.5501, л.269). Завязавшиеся с немецкими учеными контакты В.П.Васильева в 1870 г. были закреплены в 1881 г. во время его новой поездки в Берлин (вместе с В.Р.Розеном) на V конгресс ориенталистов.

Зарубежные командировки не были для россиян и их западных коллег единственной формой профессионального общения. В этом убеждает, например, факт издания Академией Наук в Петербурге в 1877 г. немецкого перевода «Ляо-ши» («Истории [династии] Ляо»). Перевод осуществил известный немецкий востоковед Ганс-Конон фон Габеленц (1807–1874), избравший для своей работы вариант упомянутого выше сочинения на маньчжурском языке. Свидетельством популярности этого ученого в России может служить, в частности, то, что по составленной им грамматике обучались маньчжурскому языку в начале 50-х гг. XIX в. ученики 1-й Казанской гимназии при Казанском университете под руководством И.А.Ладухина (1823–1857). О маньчжурско-немецком словаре, изданном Г.К.Габеленцем в 1864 г., высоко отзывался В.П.Васильев, сравнивая этот труд со своим — маньчжуро-русским словарем. «Он, — писал по этому поводу В.П.Васильев, — полнее моего потому, что Г.Габеленц перевел весь маньчжуро-китайский лексикон и расположил его по порядку европейских букв, но в нем нет фраз, извлеченных из книг, и указания китайских корней» [ЛО ААН, ф.775, оп.1, ед.хр.83, л.51]. Примечательно, что в подготовке рукописи немецкого перевода «Ляо-ши» к печати принимали участие сыновья известного немецкого маньчжуриста, в том числе Ганс-Георг фон Габеленц (1840–1893), автор грамматики китайского языка, выдержавшей несколько изданий в 80-е гг. XIX в. и до сих пор пользующейся популярностью у китаистов Германии. Достаточно вспомнить переиздание этого замечательного труда Георга фон

Габеленца в Берлине в 1960 г. (со вступительной статьей Э. Эркеса, написанной в 1953 г.). Между тем известный китаевед В.М.Алексеев, купивший в октябре 1919 г. экземпляр этой грамматики, изданной в 1883 г., считал ее «научообразной».

Нельзя не отметить, что на контактах синологов двух стран в 70–80-е гг. XIX в. благоприятно сказались настойчивые усилия российского консула в Кашгаре Н.Ф.Петровского (1837–1908) по выяснению обстоятельств и места гибели немецкого путешественника А. Шлагинвейта (1829–1857), который бесследно исчез во время поездки по Синьцзяну. Выяснив обстоятельства гибели Шлагинвейта в Кашгаре (в результате нападения на него фанатичной толпы во главе с одним из приближенных местного правителя), российский дипломат предложил поставить памятник немецкому путешественнику на месте его гибели, однако в реализации своего плана встретил противодействие цинских властей. В конце концов памятник был поставлен (в целях его лучшей охраны) на территории русского кладбища близ Кашгара, за что германское правительство официально поблагодарило российское.

Свидетельством крепнущих контактов российских востоковедов с коллегами из Германии в 90-х гг. XIX в. можно считать переговоры В.В.Радлова и В.В.Бартольда с немецким синологом Ф.Хиртом (1845–1927) относительно его возможной работы в Петербурге. Этот ученый, написавший еще в 1882 г. рецензию на китайскую грамматику Георга фон Габеленца, привлек их внимание своими трудами по истории связей европейцев, в частности, римлян, с жителями Центральной и Восточной Азии. Пока российские востоковеды увлеченно занимались разгадкой надписей на памятниках, найденных в Монголии на Орхоне экспедицией Н.М.Ядринцева и его последователями, Ф.Хирт принял решение о переезде в Нью-Йорк, где ему в 1902 г. была предложена профессорская должность в Колумбийском Университете.

При всей эпизодичности и недостаточности контактов русских и немецких ученых, их творческое общение не могло не дать положительных результатов, что в конечном итоге способствовало расширению научных знаний о Китае, его материальной и духовной культуре. Обогащение научного багажа за счет научной информации, полученной путем обмена мнениями и литературой, позволило каждой из сторон более целенаправленно вести исследования по широкому кругу наиболее актуальных проблем, стоявших в то время перед историками, этнографами и филологами. Важнейшим условием их плодотворного решения было знание восточных языков. Прекрасное владение языковым материалом в значительной мере облегчало решение той или иной научной задачи, открывало новые горизонты для исследований в различных сферах материального производства и духовной жизни народов Азии.

СИСТЕМА АТТЕСТАЦИИ НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ ОБУЧЕНИЙ КИТАЙСКОМУ ЯЗЫКУ

Содержание системы аттестации. Предлагаемая система аттестации ориентирована на начальный период обучения, нацеленный на усвоение основ практической грамматики и базовой лексики современного китайского языка, и была опробована на I-II курсах кафедры китайской филологии восточного факультета СПбГУ в 1989–1993 гг.

Аттестация студентов на младших курсах предполагает текущий, промежуточный и итоговый контроль.

Текущий контроль включает проведение в аудитории самостоятельной письменной работы после прохождения каждой грамматической темы или урока из учебника, а также внеаудиторные задания – определенный для каждого семестра обучения объем домашнего чтения и заданий по аудированию звучащих текстов. Данный тип заданий оценивается по принципу недифференцированного зачета, т.е. оценка в баллах не выставляется.

Промежуточный контроль состоит из письменной контрольной работы, которая проводится после изучения четырех–пяти тем или уроков и обобщает весь пройденный за данный период грамматический и лексический материал. Обычно в течение семестра проводится три–четыре таких работы, которые оцениваются по 100-балльной системе, принятой в КНР.

Итоговый контроль представляет собой письменную экзаменационную работу, охватывающую весь изученный за семестр материал. При оценке итоговых контрольных возможно применение коэффициента 1,5–2 к полученному результату в баллах.

«Технология» составления контрольных и экзаменационных работ. Основная сложность при составлении контрольных работ заключается в определении «удельного веса» каждого из заданий в баллах. Технологию составления такого типа работы продемонстрируем на примере заданий, предназначенных для проверки степени усвоения отрицательных конструкций в китайском языке.

Для русскоязычных студентов обнаруживается три наиболее сложных момента в усвоении отрицательных конструкций:

- 1) выбор самого отрицания из нескольких существующих в китайском языке, прежде всего это касается отрицаний 不 и 没;
- 2) выбор позиции отрицания внутри предложения, что связано с определенным несовпадением позиции отрицания в русском и китайском языках, в частности, необходимость постановки отрицания не перед сказуемым, а перед 把, 被, предлогом 在, вводным обстоятельством места, и т.д.;

3) правила сохранения/несохранения видо-временных показателей в отрицательных конструкциях (некоторые из них, такие, как суффиксы 过 и 着, сохраняются, некоторые, в частности, частица 了 – нет).

При составлении контрольной работы возможно использование четырех типов заданий.

1. Задания, проверяющие усвоение только одной из указанных выше трудностей:

а) подставить в предложение вместо прочерка соответствующее отрицание. Место отрицания указано прочерком, в предложении отсутствуют видо-временные показатели, например:

刚才我来找过你三次,都__見到你。→ 都沒見到你。

他写字写得__好。→ 他写字写得不好。

б) составить предложения из заданных словосочетаний – проверяется правильный выбор места постановки отрицания, т. к. само отрицание дано, а видо-временные показатели отсутствуют:

接到,呢,沒,我,还,回信 → 我還沒接到回信呢。

常,我们,見面,不 → 我们不常見面。

Задание такого типа оценивается в 0,5 балла для каждого предложения (см. ниже).

2. Задания, проверяющие усвоение двух грамматических закономерностей в пределах одной фразы:

а) вставить вместо прочерка в предложение, содержащее видо-временные показатели, нужное отрицание. Проверяется выбор отрицания и правильность сохранения/несохранения в предложении видо-временных показателей. Каждому предложению соответствует оценка в 1,0 балл. Например:

我__把这本书看完了。→ 我沒把这本书看完。

黑板上__写着什么。→ 黑板上沒写着什么。

б) переделать утвердительные предложения в отрицательные. Отрицание дается в скобках, т. е. проверяется правильность места постановки отрицания и отношение к видо-временным показателям:

以前他学过汉語(沒) → 以前他沒学过汉語。

他已经把录音机修理好了(沒) → 他還沒把录音机修理好。

3. Задания, проверяющие комплексное усвоение конструкций:

а) переделать утвердительные предложения в отрицательные:

他把这本书放在桌子上了。→ 他沒把这本书放在桌子上。

我常常在食堂吃饭。→ 我不常在食堂吃饭。

б) ответить отрицательно на вопросы:

Эта конференция вы назначили людей на участие? → Эта конференция мы не назначили людей на участие

В данных заданиях проверяется выбор отрицания, его позиция в предложении, сохранение/несохранение видо-временных показателей. Каждое предложение оценивается в 1,5 балла.

4. Задания по переводу предложений с русского языка на китайский, в которых проверяется как усвоение отрицательных конструкций, так и знание иероглифики. Каждое предложение оценивается в 2 балла.

Подсчет результатов. Предполагается, что задания исключают многовариантность ответа и для каждого предложения возможен только выбор «правильный/неправильный ответ». При правильном ответе баллы за каждое предложение суммируются, при неправильном – вычитаются из общей суммы в 100 баллов.

Определение итоговой оценки. Экзаменационная оценка зависит от двух равноценных компонентов – среднего балла по результатам промежуточной аттестации и собственно результатов экзаменационной (семестровой) работы. Среднее арифметическое этих двух величин и дает итоговую оценку в баллах. Результаты работы засчитываются, если студент набрал свыше 60 баллов. При выставлении окончательной оценки нами было использовано следующее соотношение 100-балльной и 5-балльной систем: результаты в 61–80 баллов оценивались как удовлетворительные; 81–90 баллов – как хорошие; 91–100 баллов – как отличные.

Преимущества предлагаемой системы и некоторые проблемы ее использования:

1. Троекратное повторение пройденного материала в рамках текущего, промежуточного и итогового контроля обеспечивает значительно более прочное его усвоение.

2. Повышается активность и эффективность работы студентов в течение всего семестра, а не только в период сессии, т.е. результаты промежуточного контроля имеют в итоговой оценке такой же «вес», как и результаты экзамена.

3. Улучшается посещаемость занятий – допуск к экзаменам возможен только после своевременного прохождения всех этапов текущей и промежуточной аттестации; немотивированный перенос контрольных работ, равно как и их повторное выполнение, ведет к ощутимой потере баллов и к снижению итоговой оценки в целом.

4. Возрастает индивидуализация системы аттестации – по ее итогам составляется рейтинговый список студентов, который может быть полезен при рекомендации студентов в аспирантуру, для заграничной стажировки, а также при отборе в магистратуру в случае перехода на двухступенчатую систему образования.

5. Повышается степень объективности оценок – результаты определяются путем простого подсчета количества правильных ответов и могут быть легко проверены самими студентами.

6. Сводятся к минимуму чисто случайные факторы, которые возможны при использовании традиционной системы экзаменов.

7. В то же время применение данной системы аттестации показало, что резко возрастает внеаудиторная нагрузка преподавателя, связанная с необходимостью подбора материала, поддающегося определенной формализации, составления разного типа самостоятельных и контрольных работ с их последующей проверкой.

8. Применение предложенной системы аттестации требует соответствующего уровня материально-технического обеспечения, прежде всего компьютеров (в идеале выполнение контрольных заданий реализуется с использованием персональных компьютеров) и множительной техники.

Е.И.Шутова
(Москва)

ГРАММАТИКА ДВУСЛОЖНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ В СОВРЕМЕННОМ КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ (на материале именных двуслогов)

1. Первоосновой структурно-грамматической организации в КЯ (нижним уровнем грамматики) является сложение моносиллабов (минимальных носителей смысла, или слогосемантем) в некоторые сложные полисиллабические образования, состоящие преимущественно из двух, трех или четырех моносиллабов. Процесс образования полисиллабов (resp. процесс сложения моносиллабов) подчинен структурному принципу деления целого на два компонента (независимо от количества слогов, образующих целое) и определенному способу выражения отношений между ними. Последний (способ) складывается из двух формальных приемов – 1) слитности, контактности (отсутствие каких-либо разделяющих элементов) компонентов полисиллаба, 2) определенного порядка следования компонентов. Слитность компонентов является общим формальным признаком различных полисиллабических образований, порядок компонентов дифференцирован. Отсюда – грамматическая характеристика полисиллаба предполагает выявление черт грамматического содержания, отвечающих, с одной стороны, формальному признаку слитности, с другой – порядку следования компонентов, а также – выявление соотношения между этими двумя формальными приемами.

2. Двусложные полисиллабы – минимальные единицы структурно-грамматической организации. Исследование их грамматической природы имеет тем самым исключительно важное значение (как своего рода точка отсчета) для понимания грамматического механизма китайского языка в целом.

Исследователи китайского языка в своих работах так или иначе затрагивали тему двуслогов, однако проблема грамматической природы этих единиц не может считаться исчерпанной. В настоящем докладе излагаются основные результаты исследования автором двусложных образований именного типа.

3. Черты грамматического содержания именного двуслога, отвечающие формальному признаку слитности (непосредственному контактированию) компонентов.

3.1. Специфика языкового содержания, отвечающая формальному признаку слитности компонентов состоит в смысловой целостности (холистичности) значения двуслога как единицы — интеграции значений составляющих в единое смысловое целое. Смысловая целостность двуслогов имеет весьма широкий диапазон — от воспроизводимых в речи языковых образований той или иной степени идиоматичности до свободных речевых образований с весьма прозрачной внутренней формой.

3.2. Смысловой целостности значения двуслога отвечает синтаксическая связанность (отсутствие автономной, выходящей за пределы двуслога сочетаемости) его компонентов.

Имеют место два основных типа синтаксической связанности компонентов двуслога — 1) экзоцентрический, исключающий возможность сведения двуслога как целого к его именному компоненту, ввиду структурно-семантической недостаточности последнего в качестве автономного структурного сегмента предложения, 2) эндоцентрический, потенциально допускающий структурно-семантическую автономность именного компонента, однако реально объединяющий его в одно целое с соответствующим определяющим.

Реализации синтаксической связанности экзоцентрического типа способствуют такие условия существования и функционирования именного двуслога, как

а) идиоматичность значения двуслога как целого (*he* 'река' + *ma* 'лошадь' → *hema* 'бегемот');

б) широта значения именного компонента, требующая того или иного уточнения, пояснения (ср. ряд двусложных образований с общим элементом *qiu* 'шар': *ziquiu* 'футбол', *diquiu* 'земной шар', *yanqiu* 'глазное яблоко', *xueqiu* 'кровяные тельца');

в) структурная недостаточность именного компонента, проявляющаяся на фоне существования в языке коррелятивной семантически и грамматически самодостаточной двусложной единицы (ср. *guibin* 'дорогой гость' и *laibin* 'гость'; *laoyou* 'старый друг' и *pengyou* 'друг');

г) неименное функционирование именного двуслога как целого: *Ta gaosheng shuo* 'Он громко (букв. 'высокий голос') сказал'; *xiao* 'маленький' + *xin* 'сердце' → *xiaoxin* 'осторожно'.

Что касается синтаксической связанности эндоцентрического типа, то главное в этом случае состоит в том, что двуслог здесь

так же, как и при синтаксической связанности экзоцентрического типа, обладает определенной смысловой целостностью, способностью выражать понятия и представления о тех или иных предметах и явлениях реальной действительности. Условием смысловой целостности двуслога остается характер определяющего компонента в его отношении к определяемому, а именно: выражение определяющим видоразличительного, тесно связанного с определяемым предметом признака (*reshui* 'горячая вода' – *liangshui* 'прохладная вода'; *haoren* 'хороший человек' – *huairen* 'плохой человек').

4. Черты грамматического содержания именного двуслога, отвечающие определенному порядку следования компонентов. Порядок следования компонентов именного двуслога подчинен формуле «зависимый компонент (ЗК) – центральный компонент (ЦК)», которой отвечает определенная синтаксическая семантика.

Инвариантное содержание синтаксической семантики, отвечающей модели ЗК – ЦК, состоит в отношении «признак предмета (ЗК) – предмет (ЦК)». Инвариантное синтаксическое значение «признак предмета, или атрибутивность», носителем которого выступает ЗК именного двуслога, получает ряд типовых семантических манифестаций, содержание которых прежде всего зависит от представления ЗК категориями типа «признак», «предмет», «действие», «количество». Соответственно имеют место четыре основных субмодели именной структуры с препозицией ЗК – смотря по тому, чем выражается зависимый компонент двуслога – 1) прилагательным, 2) существительным, 3) глаголом, 4) числительным.

Не останавливаясь здесь на характеристике каждой из указанных субмоделей именного двуслога, подчеркнем характерное для именного двуслога соотношение между двумя аспектами его грамматического содержания, отвечающего 1) формальному признаку слитности и 2) порядку следования компонентов. Существенно следующее: типовые семантические манифестации атрибутивного признака, передаваемые посредством четырех субмоделей именной двусложной структуры, не имеют самодовлеющей синтаксической значимости. Они существуют и реализуются в языке на базе и под контролем того аспекта отношений между компонентами именного двуслога, который отвечает смысловой целостности его значения и синтаксической связанности компонентов. Отсюда важное значение имеют такие черты содержания определяющего компонента, как обобщенность, неконкретность, неактуальность, поскольку они являются условием формирования постоянного, тесно связанного с предметом атрибутивного признака, отвечающего холистичности содержания двуслога. Например, *zhuodeng* 'настольная лампа' – это не лампа, которая находится на каком-то определенном столе, это предмет, в осно-

ву наименования которого положено представление о типичном, свойственном ему местонахождении; *tidao* 'бритва' (букв. 'брить нож') – это не нож, который осуществляет данное конкретное действие «брить», а нож, которому свойственна способность к такого рода действию.

5. Грамматические характеристики именного двуслога, отвечающие формальным приемам его структурно-грамматической организации (слитность, определенный порядок следования компонентов), позволяют сделать вывод о словесно-морфемном характере отношений (совмещение признаков слова и морфемы) между компонентами и соответственно о фраземно-словесном (совмещающем черты словосочетания и слова) характере целого. Действительно, с одной стороны, в рамках этой структуры моносиллабы обретают типовые черты элементов определенного класса, т.е. признаки словесности, однако, с другой стороны, эти же моносиллабы обретают здесь черты синтаксической связанности, т.е. черты морфемности.

Р.А.Янсон
(Санкт-Петербург)

ФОНОЛОГИЯ АСПИРИРОВАННЫХ ИНИЦИАЛЕЙ ДРЕВНЕБИРМАНСКОГО ЯЗЫКА

Класс аспирированных инициалей древнебирманского языка (XII–XIII вв.) включал в себя постаспирированные и преаспирированные инициали. Постаспирация наблюдалась у шумных инициалей, преаспирация – у сонантов. Соответственно, наряду с инициалами *p*, *t*, *k* и т.д. имелись *ph*, *th*, *kh* и т.д. и наряду с *m*, *n*, *ŋ* и т.д. имелись *hm*, *hn*, *hŋ* и т.д. В бирманском алфавите существовали отдельные буквы для постаспирированных согласных, но не было таковых для преаспирированных. В ходе приспособления заимствованного письма к своим нуждам бирманцы ввели в графический инвентарь специальный знак для обозначения преаспирации, который добавлялся к сонантным буквам, когда возникала необходимость отобразить преаспирированную инициаль.

Постаспирация представляет собой явление, весьма широко распространенное в тибето-бирманских языках, она также реконструируется для праязыка. Преаспирация же – явление, существенно более редкое для этих языков, чем постаспирация, и существенно более позднее для фонологической системы бирманского языка, нежели последняя.

Установлено, что преаспирация имеет префиксальное происхождение. К XII в. процесс падения префиксов и возникновения на их месте аспирации уже практически завершился, однако во

многих случаях еще прослеживается связь преаспирации с утраченными префиксами, что проявляется, в частности, в том, что фонологическая система древнебирманского языка интерпретирует преаспирацию не как дифференциальный признак соответствующей инициали, а как самостоятельный сегмент слоговой структуры. Так, в древнебирманских текстах преаспирированные инициали довольно часто отражались как двухбуквенные сочетания, а не путем присоединения несамостоятельного знака преаспирации к соответствующей сонантной букве. Например, инициаль *hm* могла записываться как в современном языке, т.е. добавлением знака преаспирации к букве *m*, но могла передаваться путем вертикального соположения букв *h* и *m*. В таком случае преаспирированные инициали выступали внешне как параллельные сложным инициалам, таким, как, например, *kl*, *ml*, *pl* и т.д., которые также передавались на письме вертикальным соположением соответствующих букв.

Даже в тех случаях, когда преаспирированные инициали обозначались путем добавления специального знака к сонантной букве, они внешне совпадали со сложными инициалами типа *kr*, *mr*, *pj*, т.е. последние отображались в графике не соположением соответствующих букв, а добавлением специальных несамостоятельных знаков *r*, *j* к буквам *k*, *m* и *p*.

И в первом, и во втором случаях мы имеем дело с диграмами. Любой диграф изначально предполагает фонологически сложный характер обозначаемой им единицы. И хотя, в действительности, в конечном счете эта единица может оказаться простой, такой ее статус требует специального доказательства. Поэтому даже если бы мы сочли, что обозначение преаспирированных инициалей в виде двухбуквенных сочетаний при наличии специального знака для аспирации есть отражение процесса становления орфографии и что такой способ является лишь примером малограмотного написания, это не сняло бы вопроса о фонологически сложном характере таких инициалей. Показательно, что даже в древних текстах постаспирированные инициали всегда обозначались только отдельными буквами, и мы не встречаем попыток представить постаспирированные инициали в виде диграфа, т.е., скажем, попыток изобразить на письме инициаль *kh* в виде соположения букв *k* и *h*.

В древнем языке преаспирация также как бы засчитывалась за отдельный компонент сложной инициали, чего не наблюдается в отношении постаспирации. Так, в древнебирманском начальнослоговой кластер мог включать максимум три элемента: любой согласный в первой позиции, сонанты *l*, *r*, *j* – во второй и полугласный *w* – в третьей. Соответственно, возможны были начальнослоговые сочетания *klw*, *mrw*, *pjw* и т.д. Возможны были также сочетания типа *khlw*, но невозможны сочетания типа

hmlw, hmrw. Как видим, постаспирация у одного из членов кластера максимального состава возможна, а преаспирация – нет.

Из сказанного вытекает, что преаспирированные инициалы древнебирманского языка представляют собой структурно сложные (бифонемные) единицы.

Применительно к современному бирманскому языку вопрос о структуре аспирированных инициалей специально никем не ставился. Исследователи синхронного состояния языка исходят из того, что аспирированные инициалы представляют собой структурно простые единицы. Такой подход объясняется тем, что в современном бирманском языке практически не сохранились сложные инициалы, и на этом фоне попытка интерпретировать аспирированные инициалы как сложные выглядела бы малопродуктивной. В качестве простых единиц и преаспирированные, и постаспирированные инициалы объединяются в один общий класс аспирированных инициалей. Основанием для такого объединения, по мнению В.Б.Касевича, служат следующие факторы: а) преаспирация и постаспирация находятся в отношении дополнительной дистрибуции – первая наблюдается у сонантов, вторая – у шумных, б) в сфере морфологии обнаруживается полная параллельность функционирования аспирированных инициалей – и преаспирированные, и постаспирированные инициалы используются для образования каузатива (*hau* 'бояться' → *h̥dau* 'пугать', *li* 'быть свободным' → *ōli* 'освободить').

В принципе, эти же факторы как будто бы действительны и для древнего языка. Но в древнем языке объединению двух разновидностей инициалей препятствует их разноструктурный характер. Исходя из системных соображений, можно было бы признать постаспирированные инициалы также сложными (мы располагаем свидетельствами в пользу сложного характера преаспирированных инициалей и не располагаем никакими данными о структуре постаспирированных инициалей), однако сохраняется еще одно весьма важное препятствие для объединения двух типов инициалей. Проблема состоит в том, что, признав преаспирированные инициалы древнего языка структурно сложными, мы должны интерпретировать отношения между компонентами внутри этих инициалей аналогично другим сложным инициалам. В инициалах *kl*, *mr* и им подобных второй компонент рассматривается как второстепенный, подчиненный первому, т.е. образования *kl* и *mr* интерпретируются соответственно как латерализованная инициаль *k* и эризованная *m*. Аналогично, по-видимому, должны интерпретироваться и образования типа *hl* и *hr*, т.е. как латерализованная и эризованная инициали *h*.

Но при такой интерпретации образования типа *hl* и *hr* тем более не могут быть объединены в одну группу с постаспирированными инициалами, ибо исчезает основание для применения критерия дополнительной дистрибуции – в образованиях *hl* и *hr*

компонент *h* не является фонологически аспирацией, т.е. как бы зависимым членом сложной единицы, а сам выступает в качестве основного элемента сложной инициали. А общей морфологической функции двух типов аспирированных инициалей – способности образовывать каузативные глаголы – явно недостаточно для объединения обеих групп в составе одной фонологической общности.

Итак, мы имеем основания взглянуть на явление аспирации в древнебирманском языке иначе, чем это принято для современного языка. Признав так называемые преаспирированные инициали сложными единицами, мы должны числить их в составе сложных инициалей. Как следствие этого, в фонологической системе древнего языка оказываются представленными лишь постаспирированные инициали, что типологически сближает древнебирманский язык с основной массой тибето-бирманских языков. Для этого существенно расширяется состав сложных инициалей, что, однако, не влечет за собой типологических импликаций, ибо в обсуждаемый период развития бирманского языка громоздкие системы сложных инициалей являлись характерной чертой многих тибето-бирманских языков.

Hesheng Zhang
(Beijing)

A BRIDGE AND LADDER TO THE FURTHER STUDY OF CHINESE LINGUISTICS

A Review of «Dictionary of Chinese Traditional Linguistics»,
Hebei Education Publishing House, 1990

Chinese traditional linguistics, which was originally called «Xiao Xue» (elementary learning) in the middle of Han Dynasty (206 B.C.– 220 A.D.) and thereafter, is markedly different from modern Chinese linguistics that has newly been developing since early this century. With its considerably high level in the same sphere of learning in the world, it deserves further and deeper research.

There have been professional studies in Chinese writing, phonology, historical semantics, dialectology, etymology and archaic particles, and several hundred books on these have been passed down from ancient times. The information and knowledge contained in them are particularly precious for those who embark upon studies of Chinese language on the whole, its history through the ages and its present status; for those who set foot in the collection and collation of Chinese ancient books; for those who do intensive work in developing the linguistic theory in China.

But, one of the first problems that the beginners in this realm may encounter is that they are always confused and puzzled facing immense stock of documents of traditional linguistics, especially the host of philological terms with particular meaning and terms in the same name with different meanings as well as in different names with the same meaning.

Therefore, scholars and researchers in Chinese linguistics find it their urgent task to compile a reference book which could be used as a guide to the further study in the field. Thanks to Hebei Education Publishing House (HEPH), a «Dictionary of Chinese Traditional Linguistics» edited by Prof. Xu Jialu has just come out and satisfied the public longing for it.

The dictionary has four characteristics.

The first feature of it is the all-inclusive and well-organized entry system. Over 4300 entries, which roughly touch upon all branches of traditional linguistics, are taken into the dictionary. The time span is from the «Pre-Qin Period» to «May 4th Moment Period». A few renowned scholars, though they died after 1919, are listed into the entries on the consideration of their academic origin, status and their influence. Almost 70 per cent of the entries are book titles; other entries cover the names of the scholars, technical terms and major academic schools. As we all know, ancient researchers often read a catalogue of books at their first stage of study. The works on «Elementary Learning», however, were previously scattered in a variety of bibliographies and historical materials; it is inconvenient for ordinary researchers to collect and study them. The book «Xiaoxue Kao» («Researches into Elementary Learning», 50 volumes), compiled by Xie Qikun in the Qing Dynasty (1644–1911) is the first annotated bibliography of traditional Chinese linguistics. This reference book with collected data about the extant and lost documents was applauded by scholars of his time. Nonetheless, there are a lot of deficiencies in it due to its numerous volumes, cut-off materials and errors. The compilers of the «Dictionary of Chinese Traditional Linguistics» have done much sifting and selecting work on the basis of the bibliographies of their predecessors. The dictionary has entries for all extant ancient books on traditional linguistics, including a number of commentaries and interpretations formerly classified as Confusion classics. Furthermore, some lost books are enlisted into the entries as well, to meet the need for more information in academic research.

Secondly, grammar is taken into the dictionary as an independent section. Traditional Chinese linguistics had three components – Chinese writing, phonology and historical semantics. Grammar was not separately studied, because it was mingled in the commentaries to the ancient texts and historical semantics. Systematic grammar study began with «Ma Jian-zhong's General

Grammar» 20 years before the «May 4th Movement Period». The «Dictionary of Chinese Traditional Linguistics» set up entries of grammar on the basis of Ma's framework, covering those materials scattered in the commentaries to the ancient texts in Western Han Dynasty (206 B.C. – 24 A.D.) and the following dynasties, and monographs on particle words in the Ming and Qing dynasties. Since no precise definitions on the terms of grammar were given in those commentaries, incoherence and disunity on concepts have constituted great difficulties in the study of grammar. The compilers of this Dictionary have made painstaking efforts to give each term a clear-cut definition as possible. For example, the entry «The word indicating that one thing is imposed on the other» is clarified as «An auxiliary verb denoting passive voice»; and «A name called by oneself» is clarified as «The first personal pronoun as is called in modern grammar»; «A word expressing an action on others» is clarified as «understood by some modern grammarians as a transitive verb». In this way, it is not hard to distinguish different grammatical terms with the same meaning according to the explicit definitions. Other examples: «Yuyi Ci» in «Shuowen Jiezi», «Yumo Ci» in «Yu Pian», «Yuchong Ci» in «Hanshu Zhu», «Yuyu Sheng» in «Houhanshu zhu», and «Yu Zhi Yu» in «Zhuzi Bianlue» all mean the «Sentential ending particle of modality». Some of these names are still in use today, although their connotations have been altered. This is also indicated in the interpretation in this dictionary. For instance, «Shi-Zi»: «Notional words. Notional words and function words were divided from each other since the Song Dynasty, when notional words primarily included adjectives used as subjects and attributives and nouns. Verbs, however, were excluded... Scholars in the Ming and Qing dynasties roughly regarded nouns as notional words, while verbs, prepositions, mood particles, adverbs, conjunctions and interjections as form words». All in all, grammar entries offer the readers more knowledge in Chinese traditional grammar and help them to develop an interest in present-day grammar research.

The third characteristic of this dictionary is the proper arrangement of long and short entries with appropriate emphasis. The longest entry may be over 2000 words and the briefest of less than 50 words. For example, the short entry «Wu Jing Zi Ji» has a brief note: «A Glossary with pronunciation, by Li Shunchen in the Ming Dynasty. Lost.» Only 12 words. Long entries are found under «Erya», «Shuowen», «Guang Yun», each having nearly 2000 words, expounding the nature of these books, dates of their publication, names of authors, their academic value and editions. Such a layout of notes makes it possible for the readers to have a basic understanding of the original works, even though they have no chance to read them. And the beginners of linguistics can know which books are classics and which are not.

In the dictionary, the entries of technical terms include the essentials, basic concepts and schools of great influence. They have relatively long notes and plentiful contents, e.g. «Six Scripts», «Phonology», «Alternation of Yin and Yang Sounds», «You-wen Shuo (A theory, proposed by Wang Sheng-mei (born in the Song Dynasty), advocating that every right half of a Chinese character has meaning)» and «The Supposition of the Etymology of a Word according to Its Phonetic Component (shortened below as Phonetic Interpretation)», etc. The annotations of each are usually 1000 words or more. The changes in the meanings of these terms, their academic influences and limitations receive thorough commentaries. This is where the distinguished point of this dictionary lies, and it greatly facilitates reader's understanding of Chinese traditional linguistics.

The fourth feature is that the explanation and comment of each note are perfectly arranged in the dictionary. The development of Chinese traditional linguistics, like that of other academic fields, is a process of accumulation, generation and consummation. There is no difficulty, for a dictionary of Chinese traditional linguistics, in giving a brief introduction of a certain exponent, a book, a point of view or a school; but the just appraisal of them is a rather difficult job, as this is an important criterion of the dictionary's academic level. In treating what has been left over by our ancestors, neither hyperbolism nor hypercriticism will do any good. This obviously requires erudition and profound historical insights of the compilers. In evaluation of ancient learning, the sole appropriate method is essentially based on the highness of views in contemporary scholarship as well as on the specific background in the academic history. The Dictionary, I believe, is unmatched in this aspect. There is a good example. Under «You-wen Shuo», the terse definition is followed by an analysis of both the merits and shortcomings of this theory. And then a further comment is given that «The basic mistake of «You-wen Shuo» is not its etymological exploration from the form of Chinese characters – which in some sense is more a feasible point than not. This theory reveals that Chinese characters are closely connected with their forms as well as the language itself. And both the etymological changes and relationships can be reflected through the forms of characters. This theory has penetrated into the boundary of grammatology and semantics.» The final conclusion is that «From the «Phonetic Interpretation» to «You-wen Shuo», then to the Qing scholar's theory of «Getting the meaning from the sound», the development of Chinese traditional historical semantics experienced a tortuous advancement».

Brief and precise commentaries like this are common in this dictionary, such as those of «Ci» (word), «Shuowen Jiezi», «Phonetic Interpretation», «Zhang Tai-yan & Huang Kan'School»,

and so on, which can help researchers make a proper selection from the perplexing views.

Despite some errors that may also be present in other huge reference books, such as the lack of some entries, the questionable definitions of some entries, imperfect textual criticism and indexing, and some misprints, this «Dictionary of Chinese Traditional Linguistics» still has its great theoretical significance and practical value.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Алексахин А. Н. Типология фонологической системы современного китайского языка путунхуа и китайских диалектов (на материале пекинского, шанхайского и мэйсяньского диалектов)	5
Антонян К. В. Морфема 到 dao в постпозиции к глаголу: непрерывность перехода от пространственного значения к видовому	8
Брейтер М. А. Некоторые аспекты системного подхода в лингвистике (на материале китайского языка)	12
Вардуть И. Ф. Об одном классе китайских заимствований в японском языке	15
Горелов В. И. Семантические модификации (на материале китайской лексики)	19
Городецкий Б. Ю. К семантической теории сложного слова	23
Городецкий Б. Ю., Зевахина Т. С. Дунганская лексикография: достижения и проблемы	26
Готлиб О. М. О природе и видах синкретизма в СКЯ	31
Губарь Н. Я. Исследование грамматической синонимии современного китайского языка в работах китайских лингвистов	34
Гусаров С. С. О связочной конструкции в КЯ	36
Демина Н. А. Методические основы преподавания практического китайского языка	39
Дин Кэ-чжань Проблема перевода социальных диалектизмов с русского языка на китайский	43
Завьялова О. И. Современные диалекты и постсреднекитайские памятники	46
Задорожный М. И. Опрошение заимствуемых слов как результат их адаптации к иноязыковой системе (на материале дунганско-русского языкового взаимодействия)	49

Зевахина Т. С. Экспрессивно-стилистические свойства слова и двязычная лексикография (на материале дунганского языка)	55
Касевич В. Б., Никитина Т. Н. Дейксис и анафора в древнекитайском тексте (в сравнении с русским)	59
Комарова И. Н. Отглагольные имена существительные в тибетском языке	64
Кондрашкина Е. А. Языки малочисленных народов Китая и работа по совершенствованию их письменностей	69
Кунина Ю. А. Категория счетных слов и денотативный статус имени в современном китайском языке	72
Курилова К. А. Обращение в речевом этикете современных китайцев	75
Лизогуб С. И. Глагольно-именные комплексы и структура бирманского предложения	78
Морев Л. Н. Китайский и тайский синтаксис сквозь призму иконичности	82
Нгуен Ван Лой. Некоторые вопросы этнической истории народов мяо-яо (на основе анализа языковых материалов)	86
Плам Ю. Я. Функционально-грамматическая характеристика классификаторов в системе грамматического строя изолирующих языков Китая и Юго-Восточной Азии	90
Потапова Е. А. Семантическая структура сложного слова тибетского языка	106
Рукодельникова М. Б. К проблеме изучения лексических комплексов в современном китайском языке (подтип глагольных комплексов)	108
Самарина И. В. О порядке слов в языке зао-до	109
Соколовский А. Я. О некоторых особенностях экспонирования информации в изолирующих языках Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии	112
Солнцева Н. В., Солнцев В. М. О смене научных парадигм в китайском языкознании	116
Сорокин Ю. Н. Цели обучения в интенсивном курсе китайского языка	123
Софронов М. В. Акцентная триада в просодии современного китайского языка	128
Хабибулин В. А. О порядке слов в китайском, английском и русском языках	130
Хаматова А. А. К вопросу о тенденциях развития современной китайской лексики	133
Хохлов А. Н. Л. Н. Воейков – первый россиянин-китаист	134
Хохлов А. Н. Первые кадры переводчиков для КВЖД	140